

СМЕНА

№ 19 ОКТЯБРЬ 1983

ВСТУПАЯ В ЖИЗНЬ

ОБ ЭТОМ
ГОВОРИЛОСЬ
НА ПЛЕНУМЕ
ЦК КПСС

Валерий ЕВСЕЕВ

ПОРЯДОК

Он постучал в дверь и, вежливо поздоровавшись, спросил: — Рыбки не надо? Так в гостинице небольшого волжского городка я познакомился с браконьером. За руку он, правда, пойман не был, но своего, мягко говоря, не нуждающегося в рекламе занятия не скрывал. Больше всего меня поразила именно эта его откровенность.

Не было ни грама сомнения, что слова Шекспира: «Подозрение всегда живет в душе преступной: каждый куст кажется вору сыщиком» — сказаны не про него. Скорее всего, ту ситуацию прояснило бы другое изречение великого знатока человеческих душ: «Ничто не ободряет так порока, как излишняя снисходительность».

Но о Шекспире мы с ним, конечно, не говорили.

— А что, рыбинспекция у вас не работает? — спросил я.

— Неужто! — ответил он, как бы даже с гордостью. И рассказал историю, заставившую меня вспомнить подобную, но слышанную уже несколько лет назад на Дальнем Востоке.

...Избитого до беспамятства, его связали и положили на дно лодки. Лодку толкнули на середину глухой таежной реки, точно зная, что через несколько километров ее тихое, ровное течение забурлит на камнях, сломается на непроходимых порогах. Вот и концы в воду.

Не учли, не рассчитали злоумышленники только одно — то, что и нарушило их хладнокровно продуманный план.

Чуть выше порогов, в давно заброшенной избушке на берегу реки, оказался человек — старик, неизвестно откуда появившийся в этих местах. «Добрая посуда, — подумал старик, заметив дрейфующую лодку, — жаль, разобьется ведь в щепки». И, влекомый исконно мужицким здравым смыслом, что не позволяет пройти мимо даже брошенного ржавого гвоздя, старик вытянул лодку на берег. Он не испугался и не удивился, найдя в ней умирающего че-

ловека, — за свою жизнь старик видел многое. Не теряя времени на раздумья и выяснения, кто он, спасенный, старик сделал то, что опять же диктуется каждому самой человеческой природой: оказал человеку первую помощь. Потом долгие дни одному ему известными травами и снадобьями воскрешал он умирающего к жизни. Мудрость врачавателя и молодость пациента взяли свое: постепенно раны затянулись, силы вернулись в тело.

Спасенный оказался не только крепким физически, но еще и смелым человеком. Окончательно оправившись, он вновь вернулся к своей опасной работе инспектора рыбоохраны. Это был дерзкий вызов браконьерам, в борьбу с которыми он вступил с еще большей отвагой и энергией. Молва о «вредном» нраве рыбинспектора достигла, пожалуй, своего апогея, когда все узнали, что перво-наперво он привлек к ответственности... своего спасителя — старика, который, как определил он наметанным глазом еще там, в заброшенной избушке, промышлял незаконной рыбалкой.

...Услышав эту историю, я сделал попытку отыскать ее героев, но, что удивительно, оказалось, даже в весьма сведущих кругах рыбоохранного ведомства ни об инспекторе, ни о старике слыхом не слыхивали. Признаться, такой поворот я воспринял даже с облегчением. История эта вызывала у меня двойственное ощущение. С одной стороны, журналистский долг побуждал немедленно рассказать читателям о смелом хранителе природы. С другой... С другой стороны, в душе, честно говоря, не возникало симпатий к столь железно прямолинейному служебному рвению.

Но вот спустя годы нежданный гостиничный визитер рассказывает тот же сюжет.

Разными были способы расправы браконьеров с рыбинспекторами, разными были и пути их спасения, но удивительно одинаковым было одно: и в дальневосточном и в волжском случаях «прин-

ципальный рыбинспектор» наказывал своих спасителей.

И тогда я понял: а ведь эти истории — «утка», обыкновенная «утка», пущенная с весьма четкой целью. Запугивание, избиение, даже убийство представителя порядка — меры, давно уже не действующие в борьбе с самим порядком. Они вызывают праведное человеческое возмущение, как мы сейчас говорим, возмущение общественности; и на место выбывшего встают десятки новых борцов за порядок. Это хорошо понимают его нарушители и противники. Потому-то браконьеры во всех областях жизни берут на вооружение новые приемы. Скомпрометировать, причем достаточно тонко, носителя порядка в глазах той же общественности, поставить сам порядок, закон в противоречие с общечеловеческими нормами, традициями. «Принципиальность? А вот вам ее житейский эквивалент — черствость, неблагодарность, бездушное исполнение параграфа!» Такое оружие, пожалуй, страшнее и действеннее ножа и дробовика. «Утка», пущенная о «неблагодарном инспекторе», способна «склевать» многие зерна благоразумия и вместо них дать возможность взойти побегам, кои браконьеры смогут примерять чуть ли не в качестве венца некоего «благородного пиратства». И нужно уже куда больше усилий и умения, нужна, не побоимся этого слова, серьезная идеологическая работа, контрпропаганда, чтобы показать подлинное лицо этих «рыцарей темных уголков» — лицо элементарных жуликов и воров, таскающих из нашего же с вами кармана.

Вот ведь какие категории открываются за внешне безобидными байками и анекдотами!

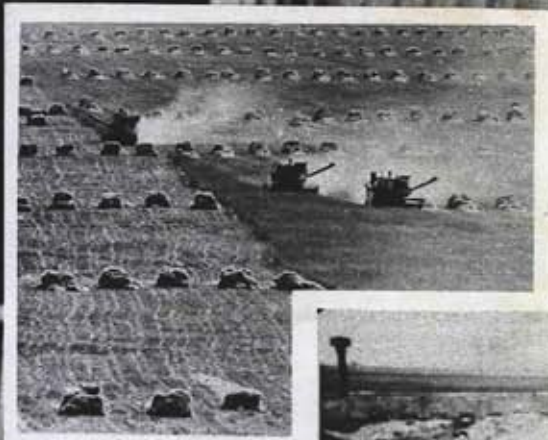
Но давайте от историй, требующих, скорее, уголовного, а не журналистского разбирательства, перейдем к вещам куда более обыденным и привычным.

Когда мы в редакции планировали этот материал, то обратились к фото-

снимки, иллюстрирующие тему. Примечательно, что больше всего было предложено фотографий уличного движения. Стройные проспекты, перекрестки, ряды машин, регулировщики, светофоры... В этом действительно есть наиболее зримое выражение порядка. «Красный свет — прохода нет, желтый — приготовиться, а зеленый говорит: проходите, путь открыт». С детства памятные заповеди. И очень легко представить, что бы случилось на наших дорогах, если бы эти простые, но мудрые правила не соблюдались. Но заметим один важный момент: порядок на улицах возможен лишь при условии соблюдения их каждым участником движения. Каждый! Мало самому не проехать на красный свет, надо быть уверенным, что этого не сделает и неизменно тебе водитель, стоящий за углом. Уверенность в себе и каждого в каждом — вот первооснова безаварийной уличной жизни. Важно и другое: расплата за несоблюдение дорожных правил велика, я говорю не о проколоте талоне — о самой жизни. Не будем идеалистами: не по великой сверхсознательности сдерживают порой норы своих горячих коней владельцы разноцветных «Жигулей» и не из врожденной воспитанности уступают путь брэнчащим трамваям вечно спешащие таксисты. Появись на дорогах только один неуязвимый для столкновений автомобиль — и весь заведенный десятилетиями порядок может пойти прахом.

Не знаю уж, к счастью ли, к сожалению, ставка за соблюдение порядка на многих других жизненных перекрестках не так велика. И потому не представляется страшным его нарушить. На секунду, на грамм, на миллиметр... Во что выливаются эти «чуть-чуть», всем нам прекрасно известно.

Возьмем самую близкую каждому сфере жизни — сферу нашего с вами обслуживания. Здесь мы, конечно, все специалисты, и — обратись я сейчас к читателям — в негативных примерах из области нашего сервиса недостатка, разумеется, не будет. Но давайте постара-

С ПОНЯТИЕМ «ПОРЯДОК» КАЖДЫЙ ИЗ НАС СТАЛКИВАЕТСЯ С МАЛЫХ ЛЕТ, ВОСПИТАННАЯ С ДЕТСТВА ПРИВЫЧКА К ВНУТРЕННЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОМОГАЕТ В ЖИЗНИ, РАБОТЕ, СПОРТЕ.

емся не просто множить факты, а разобратся в их причинах.

В магазине очередь к кассам. Почему? Из пяти кассовых аппаратов работают два. Почему? Что за безобразие! А разве не стоит рядом с нами в очереди тот самый механик, который эти аппараты мастерил, да что-то в них не доделал, чуть-чуть — на секунду, на грамм...

Или пример еще проще. Опять же в магазине (или в ремонтном ателье) мы подошли к прилавку (к окошечку), а продавщица (или приемщица) отлучилась — к телефону ее позвали — и вот уже минут пять планы на вечер обсуждаем. А ведь это звонит продавщица (или приемщица) наш же товарищ по цеху (по отделу). Причем прямо из цеха (из отдела) звонит, в рабочее время. И завтра, при нас, так же звонить будет. Мы что, ему замечание сделаем — неудобно, дескать, два рабочих дня калечить, свой и подруги, непорядок, мол, это?

Да, жизнь посложнее, чем эвклидова геометрия, и нет в ней и пары параллельных линий, которые при любом их продолжении никогда не пересекаются. Все мы, в конечном счете, проезжаем под одним светофором.

С понятием «порядок» каждый из нас сталкивается с малых лет. Не клади руки на стол, вытирай ноги при входе в квартиру, снимай шапку в помещении... А почему? Ну, с ногами все ясно: чтобы беспорядка дома не было... А руки на стол почему нельзя, ведь так удобнее? А шапку зачем снимать, мне же не жарко? Конечно, если покопаться, то нетрудно выяснить, что каждый заведенный порядок возник не на голом месте, не по прихоти чьей-то, есть у него и своя первопричина и своя первооснова. Их можно и не знать, но тем не менее, шапку в помещении снимать надо. Как известно, незнание законов не освобождает от ответственности за их нарушение.

Можно ли жить вообще без законов, без правил? В бурное революционное

время в нашей стране, когда был сломлен старый порядок, за это ратовали анархисты. Однако их лозунги были решительно отвергнуты подавляющей частью и рабочих, и крестьян, и интеллигентов. В повести Б. Лавренева «Гравюра на дереве» один из ее героев, профессор Половцев, рассуждая о природе мещанства, говорит: «Отличительная черта мещанина понимать свободу как разнузданную анархию, как синоним «все позволено». Самые отъявленные и паршивые мещане — анархисты и их духовный палаша, людоед Ницше».

Эти строки были написаны еще до того, как учение Ницше было использовано фашистами в качестве одного из источников своей идеологии. Страшная вяжется цепочка, если ее звенья — индивидуализм, разрушительство, волюнтаризм...

Но не пора ли нам дать четкое определение предмету нашего разговора? В «Толковом словаре» Даля, изданном более ста лет назад и к авторитету которого весьма полезно прибегать и сегодня, в частности, сказано: «Порядок — правильное устройство, соблюдение стройности, чередного хода дел, определенного расположения вещей. Противоположное — беспорядок, расстройство, запущение, бестолочье».

Особенно сильно последнее слово, может быть, звучащее некоторым диссонансом настоящему деловому стилю, но, по сути, какое верное!

Кстати, мне ни разу не доводилось встречать человека, сказавшего бы: «Не нравится мне порядок». Говорят так: «Не нравится мне этот порядок», «такой порядок», «ваш порядок» и т. д. Но вообще против порядка не возражает никто. Более того, в каждом живет незыблемая вера в порядок. Даже в том, кто этой веры и не достоин.

Передо мною восемь тетрадных листков, исписанных ровным, уверенным почерком. «Мне 34 года. В данное время нахожусь в местах лишения свободы, буду находиться здесь еще пять с лиш-

ним лет. В этих заведениях нахожусь не первый раз, точнее, четвертый. С 1965 года, если был год три на свободе, значит, хорошо...»

Но эти тетрадные странички не исповедь человека, практически всю свою сознательную жизнь проведшего в столкновении с порядком. Владимир К. написал письмо в редакцию с просьбой навести порядок в вопросах воспитания его дочери Оксаны. Девочка родилась во время, когда Владимир «был в бегах» из тех самых мест, куда его, разумеется, снова вернули и откуда он пишет письмо.

Сейчас Владимир К., отец, видевший свою двухлетнюю дочь последний раз полугодичной, озабочен ее воспитанием, жалуется на недостойный образ жизни своей жены, просит оградить ребенка от ее влияния. Подобная забота могла бы вызвать определенное человеческое сочувствие, если бы хоть раз в пространном послании горе-отца прозвучало пусть не раскаяние, хотя бы вопрос: дарю своему будущему ребенку самое дорогое — жизнь, думал ли он сам, какой она сложится? Нет этого вопроса в письме Владимира К. Но есть уверенность, что общество наведет «порядок». Что ж, работники народного образования города, где живет Оксана, тщательно проверили условия ее жизни, убедительно доказали, что подозрения Владимира не соответствуют действительности, но, тем не менее, установили за воспитанием девочки постоянный контроль. И все равно, несмотря на это, несмотря на любые меры любых отделов народного образования, разве у кого-нибудь повернется язык сказать, что теперь вот у девочки все будет в порядке?

Нельзя от хронометра, по которому ударили кувалдой, требовать точности хода, пеняя при этом на часовщика. Нельзя и от общества требовать того, за что отвечаешь прежде всего ты сам.

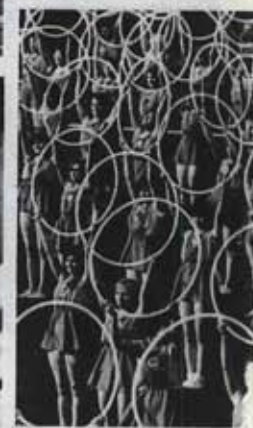
У человека одна жизнь. И непреложен порядок ее. За детством — юность, за юностью — зрелость. Потом старость. Все хотят подойти к своему жизненному

рубежу мудрыми, уважаемыми, достойными людьми. Все. Хотя не всегда мы задумываемся над этим. Но в конце концов именно итогом жизни придется расплачиваться за все. И тут самое время вспомнить поэтическое предостережение: «Он собирался многое свершить, пока не знал про мелочное бремя. Но жизнь ушла на то, чтоб жизнь прожить. По пустякам. Цените, люди, время! Мы рвемся в небо, ползаем в пыли. Но пусть всегда везде горит над всеми: «Вы временные жители земли. И потому цените, люди, время!»

Человеку что-то дано от рождения. Слава богу, никто не знает точно, что и сколько. Иначе бы в жизни потерялась одна из главных ее привлекательностей — поиск каждым самого себя. Часто говорят: талант свое возьмет, он-де всегда пробьет дорогу, за него беспокоиться не надо. Есть в таком утверждении что-то от фатализма, есть некое уподобление таланта сорняку — дескать, как его не топчи, все равно вырастет. Думаю, что подобная теория была бы не самой плодотворной для возвращения талантов.

Даже вдохновение нуждается в порядке. Его нужно успеть (и суметь!) записать — формулами, строками, нотами... Даже гению порядок необходим. Вспомним пример гениальнейшего человека нашей эпохи. Анна Ильинична Ульянова-Елизарова писала о гимназических годах Владимира Ильича: «Кроме прекрасных способностей, лучшим учеником его делало серьезное и внимательное отношение к работе. Отец приучал к этому с ранних лет его, как и старших брата и сестру...» Спустя годы воспитанная с детства привычка к правильно организованному труду сыграет свою роль в установлении стиля работы первого в мире правительства рабочих и крестьян. А. В. Луначарский: «При Ленине в Совнарком было дельно и оживленно... В Совнарком царил какое-то сгущенное настроение, казалось, что самое время сделалось более плотным, так много фактов, мыслей и решений вмещалось в каждую данную минуту».

Сделать минуту, час, день, жизнь плотными, вмещающими великое множество дел и свершений, можно лишь при условии самых тесных дружеских отношений с порядком. Другого пути нет. В одной из недавних публикаций «Литературной газеты» приведены слова партийного работника из Липецка: «Хаос никогда не бывает производительным, производителем, наоборот, только порядок». Работая над этими заметками, я просто не мог не выписать эти слова. Не потому, что в них открытие чего-то нового, но потому, что старая, известная в общем-то истина сформулирована здесь предельно четко: производителем только порядок. Во всем. Производитель (простите за тавтологию) в производстве, производителем в творчестве, в каждой отдельной судьбе и в общественном устройстве в целом.

Ноябрьский (1982 г.) Пленум ЦК КПСС с новой силой показал, какое значение партия придает укреплению государственной, трудовой и исполнительской дисциплины на каждом участке производства, во всех сферах управления, повышению организованности и деловитости в работе.

Ныне мы все говорим об этом, думаем, спорим. Было и такое, когда некоторые администраторы сразу же установили целые пикеты контролеров у проходных. В погоне за минутой опоздания терялись целые часы разбирательства. На встрече с московскими станкостроителями (кстати напомнить, прошедшей во время обеденного перерыва) товарищ Ю. В. Андропов еще раз пояснил позицию ЦК в этом вопросе. «...Хочу особо подчеркнуть,— сказал он,— когда мы говорим о дисциплине, имеется в виду вся трудовая производственная цепочка. И, конечно, все наши усилия пойдут насмарку, если развернувшаяся борьба за дисциплину скользнет по поверхности, разменывается на мелочи: кто-то опоздал на пять минут, другой зачастил на перекуры. Конечно, хвалить за это нельзя. Навести порядок там, где теряются рабочие минуты, необходимо.

Речь идет о серьезном отношении ко всем аспектам производственной дисциплины, в том числе и технологической, снабженческой и так далее. Надо, чтобы во всех звеньях нашего производства сказался эффект от повышения дисциплины».

Сейчас административный раж прошел. Страна всерьез занялась вопросами дисциплины и порядка. Июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС вновь подчеркнул, что укрепление дисциплины не кратковременная кампания, а повседневная кропотливая работа.

Строго соблюдать трудовую и государственную дисциплину, всемерно беречь и приумножать общественную, социалистическую собственность — основу могущества и процветания нашей страны — уставная обязанность члена ВЛКСМ. Свести до минимума потери рабочего времени, искоренить прогулы и опоздания, помочь администрации укрепить трудовую и технологическую дисциплину — первоочередная задача комсомольских организаций. «В самостоятельную жизнь сегодня вступает наиболее грамотное за всю историю страны молодое поколение, наиболее подготовленное профессионально», — подчеркивалось на июньском Пленуме ЦК партии.

Такому поколению многое по плечу. Государственный подход — вот ключ производственной стратегии каждого комсомольца, вот чем нужно руководствоваться в оценке своего конкретного вклада в развитие производства.

«С чего начинается дисциплина? — пишет в редакцию областной молодежной газеты бригадир слесарей-сборщиков Тюменского комсомольско-молодежного экспериментального завода блочных устройств объединения «Сибкомплектомонтаж» В. Козел. — Сразу скажу: с порядка. Если ты идешь на работу и знаешь, что тебя ждут необходимые материалы, оборудование, то есть уверенность: будет хороший результат. Бригадирю остается только рас-

ставить всех по местам, проследить за ходом дела...»

Очень правильно, именно по-государственному определяет молодой бригадир взаимосвязь между всеми звеньями производственного успеха. Если все будет в порядке, то останется только «проследить за ходом дела». Но как добиться, чтобы порядок был на каждом месте, в каждом деле: порядок в поставках, порядок в организации труда, порядок в работе оборудова-

ния? Технологи, плановики, организаторы каждого производства дадут на эти вопросы свои, конкретные ответы. Но если их обобщить, то вывод будет прост и доступен каждому: есть только один способ бороться с беспорядком — соблюдать порядок. Можно сказать даже еще проще: соблюдать инструкции.

Предвижу поток возражений и возмущений. Что же-де предлагает автор? Жить по инструкции? Нельзя так. Скучно. Бездумно. Да и сколько еще инструкций ненужных, неумных! Все так. В этом приходится заранее согласиться с потенциальными оппонентами. Конечно, немало у нас совершенно излишне запротоколированных указаний, нотаций, возведенных в ранг приказов и распоряжений. Все так... Но, согласитесь, рождаются эти раздражающие нормального человека параграфы чаще всего не по «вредности характера» их сочинителей, а из-за боязни, что без дополнительного бюрократического нажима предыдущие, дельные и необходимые, нормы не будут выполнены. Соблюдай же каждый из нас (и снова нужно выделить слово: каждый!) главные правила труда и жизни — и бумажная листва остальных, перестраховочных, увянет сама по себе. За ненадобностью.

Честному человеку, или же, скажем несколько более старомодно, человеку чести, добавочные распоряжения не нужны.

Как сто и двести лет назад, как на самой заре цивилизации, так и сегодня честь — это главное, что отличает на-

стоящего человека. Дабы не запятнать чести Родины, не подвергнуть позору свою честь и подозрению честь любимой, люди отдавали жизнь.

Как ни горько это говорить, но приходится: к сожалению, понятие «честь» далеко не всегда в чести у некоторых наших современников. Удивительно, но и в устах молодых и вроде бы грамотных ребят можно услышать поговорку, позаимствованную у одного из сказочных персонажей, своенравного и придурковатого короля: «Я хозяин своего слова, захотел — дал, захотел — взял обратно». Конечно, лишь немногие сделали ее своим жизненным кредо. Большинство людей улыбаются, услышав такой каламбур. Некоторые — как смешной шутке, другие — иронично, третьи — презрительно... Но разве любая улыбка — средство борьбы с девальвацией одной из человеческих святынь — честного слова?! Я попытался и не смог представить эту шутку и ответные улыбки в среде декабристов, революционеров 17-го, партизан Великой Отечественной...

Разве наше время стало менее требовательным к соблюдению лучших правил нравственного кодекса человечества? Нет, и сегодня несоблюдающий их лишается права называться порядочным человеком. Только об этом не надо стесняться говорить. Вслух. В лицо.

Что же касается более частных правил и инструкций, то и здесь есть достаточно оснований воздать должное их неукоснительному выполнению. Позвольте сослаться на мнение человека, которому упрек в «скучной жизни по инструкции» никак не бросишь. Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель СССР, известный своей дерзостью и веселостью пилот гражданской авиации 1-го класса Рафаил Иванович Капрзлян в одном из интервью на вопрос, чем он руководствовался в рискованных ситуациях, ответил так: «Наставлением по производству полетов». «Но ведь вы попадали в ситуации, предусмотреть которые не

СДЕЛАТЬ МИНУТУ, ЧАС, ДЕНЬ, ЖИЗНЬ ПЛОТНЫМИ, ВМЕЩАЮЩИМИ ВЕЛИКОЕ МНОЖЕСТВО ДЕЛ И СВЕРШЕНИЙ, МОЖНО ЛИШЬ ПРИ УСЛОВИИ САМЫХ ТЕСНЫХ ДРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ С ПОРЯДКОМ.

могла ни одна инструкция?» — переспросил легендарного летчика, видимо, не очень довольный ответом интервьюера. Капрэлян дал исчерпывающее пояснение: «Наставления по производству полетов написаны, извините за патетику, кровью. Поэтому следовать им нужно безоговорочно. Часто все решают секунды. Бывало, не успеваешь осознать опасность, а руки, ноги, мозг уже действуют — и действуют именно по инструкции».

А вот запись из блокнота. Разговор с Героем Социалистического Труда, лауреатом Государственной премии СССР, бригадиром шахты имени 7 ноября Кемеровской области Алексеем Тихоновичем Поповым.

«— Что вы считаете главным для руководителя бригады? Какое качество? — Главное в том, что ты есть «директор лавы» и должен соответствовать этому званию. Я надеюсь, что у меня это получается. И только потому, что я всегда и везде стараюсь все делать так, чтобы как положено эксплуатировать комплекс».

На словах «как положено» Алексей Тихонович сделал ударение.

Видите общее в мнениях двух героев? Да и не то сейчас важно, что героев, а то, что профессионалов.

Понятие это — профессионализм — одно из самых важных в разговоре о дисциплине и порядке.

Применительно к производству, к работе, к своему делу человеческая порядочность может быть только профессионализмом. И ничем иным. Все остальное безразлично. «Если ты что-нибудь делаешь, делай это хорошо. Если же ты не можешь или не хочешь делать хорошо, лучше совсем не делай». Эта мысль Льва Толстого — точная формула и порядочности и профессионализма.

...Однажды мне пришлось в будке у метро почистить забрызганную грязью обувь. Чистильщик, молодой парень, на которого я вначале, признаюсь, посмотрел с некоторым удивлением: «Ну и

работку ты себе выюрал, дружок», — быстро смахнул грязь с моих штиблет и, искренне огорчаясь, устремил свой взгляд куда-то глубже. «Кто же так чистит обувь? — выговорил он мне. — Это же совсем не тот крем». И аккуратно снял с поверхности ботинок «не тот» крем, затем нанес слой своего, легко взмахнул щетками — кожа заиграла блеском, он откинулся, любуясь, взял в руки бархотку. И были в его движениях, в его словах, в его взгляде — гордость за свою работу, любовь к ней, чувство собственного достоинства. А если говорить коротко — он был профессионалом.

...Никколо Паганини перед концертом подрезали струны его скрипки. Они лопнули во время исполнения. Но он доиграл на одной.

Пусть тонкие ценители искусства простят меня за то, что я поставил имя знаменитого музыканта в один ряд с безвестным чистильщиком обуви. Но, я думаю, сам великий маэстро не обиделся бы на такое соседство. Потому что он тоже был профессионалом, и именно профессионализм, а ни что другое, позволил ему довести до конца тот концерт.

Профессионал — человек, достойный уважения, независимо от того, какая им выбрана профессия — престижная или не очень, он всегда творец, хотя и педантично — руками, ногами, мозгом — выполняет десятки инструкций. Но именно этот необходимый в каждой работе профессионализм дает ему возможность подняться на более высокую ступеньку по сравнению с тем, кто только брызжит и разглагольствует по поводу тех или иных порядков и инструкций. Демагог, лодырь, халтурщик не сможет изменить ни одного порядка и ни одной инструкции, потому что его удел — разрушать, не создавая ничего нового. Профессионал низвергает старое, утверждая более рациональное, нужное, толковое.

Но, ох, как много нюансов в этой теме, как неожиданно круты могут быть вира-

жи, казалось бы, накатанного разговора!

Вот вам один из таких виражей: рассказ о профессионале, оставшемся без профессиональной поддержки.

Однажды на Всесоюзных соревнованиях механизаторов-пахарей я познакомился с трактористом Алексеем... Не стану сейчас называть его фамилии, чтобы даже тень критического заряда этого рассказа не задела хорошего человека. Так вот, на тех соревнованиях Алексей стал абсолютным чемпионом страны по пахоте — есть такой титул. А спустя некоторое время я побывал на родине чемпиона, в одном из колхозов Тульской области.

...Ранним утром мы поджидали Алексея на колхозной бензозаправочной станции. В это время сюда подгоняют свои машины все трактористы. Была ранняя весна, и тракторы подъезжали залепанные грязью, что называется, с головы до ног. И только машина чемпиона выделялась чистотой, как будто знал он другую дорогу сюда, к заправке. «Он работает явно выше классом, чем другие», — говорил об Алексее. — Машину по-особому чувствует. Это, видимо, природное дарование. Талант особый».

Беседуя об этом с руководителями колхоза, мы говорили прописные истины, что талант этот, как и слава чемпиона, — общественное достояние, что это козырь в руках тех, кто ведет воспитательную работу с молодежью, кто агитирует за профессию. Нельзя, чтобы этот козырь оставался вне игры.

С нами, разумеется, соглашались все. Но в школе, стоящей совсем рядом с правлением колхоза, старшеклассники даже не знали толком, где и за что получил их односельчанин звание чемпиона. Оказалось, что и уроки изучения трактора в школе заглохли: «преподавать некому, кадров нет». И совсем не было неожиданным услышать, что из всех выпускников школы никто не собирается стать трактористом.

Мы шли по школьному коридору, а вслед нам с красочно оформленного

стенда улыбались все члены сборной страны по хоккею. Напротив в скромной рамочке теснились несколько маленьких фотографий — передовики колхоза. Среди них — снимок чемпиона, внизу напечатанная на машинке с давно не сменявшейся лентой фамилия и через запятую профессия — механизатор.

Уже перед самым отъездом из села я рассказал Алексею о визите в школу. Смущенно улыбнувшись, он, словно оправдываясь, сказал:

— Затаскали меня на разные совещания, слеты. А мне, по правде, легче пять десятин вспахать, чем пять минут с трибуны говорить.

— А учить школьников трактору смог бы?

Пахарь подумал, ответил не сразу: — Если только не с трибуны, а на деле...

...Вот такой невеселый рассказ о профессионале, можно сказать, о виртуозе своего дела, рассказ, в котором профессионалами оказались председатель колхоза, директор школы, комсомольские активисты...

В древности люди считали, что земля держится на трех китах. Я вспомнил про это в Минском производственном объединении вычислительной техники. Там, в цехе наладки ЭВМ, «китами» называют самых опытных, самых умелых наладчиков. Однако на шуточный комплимент, что современный компьютер держится на современных китах, сами «киты» среагировали неожиданно. «Если бы на всех участках изготовления машины каждый делал бы все, как надо, в нас бы нужды не было». Комментировать это вынужденное признание, видимо, не требуется.

...Земля по-прежнему держится на «китах». Только не на трех. И даже трех миллионов их не хватит, чтобы поддерживать на ней «правильное устройство, соблюдение стройности, чередного хода дел». Современное общество требует, чтобы профессионалом стал каждый. Тогда, и только тогда мы сможем сказать: «У нас все в порядке!»

Из Чилийской тетради

Чилийская колыбельная

Не родись, мой сын... не родись...
В нерожденный... прах... обратись...

Долгожданный... родись на свет...
В темноту... где ни слез... ни бед...

Я тебя... с собой... унесу...
В корни... ветви... листву... росу...

Не иди в этот мир... здесь... грязь...
Лучше поле... травой... укрась...

Не рожденный... сгори... во мне...
Чтоб... живым... не гореть в огне...

Не живи, сынок... не живи...
Там... где корчилась мать... в крови...

Когда был схвачен парень,
чьи портреты размножили продажные газеты,
сулившие изрядный куш, а кроме —
все, что при нем, и дом, и то,
что в доме, —
доносчику достался старый свитер,
в котором по ночам гуляет ветер,
простой пиджак,
заношенный до лоска,
бумажник тощий, ножик и расческа,
кофейник, кружка, погнутые миски,
транзистор, где опять читали списки,
и если в списках все бедны, как тот,
то и стараться больше не расчет...

А между тем,
будь он сметливым малым,
он понял бы, что отдал генералам,
сообразил бы — раз кричат газеты:
нам человека, а тебе предметы, —
то, значит, этим людям нет цены,
и, может быть, и для твоей мошны
прибытком обернется небывалым
их жизнь...
Но был он недалеким малым,
считал, что лучше денежки в кармане,
чем ненадежный свет звезды в тумане.
И вот бредет по улицам Иуда,
подсчитывая скудные зсудко...

Зиннур
МАНСУРОВ

Туфан чинит часы

Зацвела резеда на пригорке
под осенний туман.
Вдруг повеяло мятой горькой.
Чинит время Туфан.

Словно грезит...
Жемчужину ищет.
Он глубокою думой пьян.
Легкий мальчик на пепелище —
Лечит время Туфан.

Циферблат освещают седины.
В этом деле он не профан.
Покрывается время инеем.
Греет время Туфан.

Из окна точно всадника видит.
«Друг, Муса!...»
А вкруг бурьян.
«Кто тебя в дольнем мире обидел?»
Нежит время Туфан.

У колесиков зубчиков много.
Зазевался —
попал в капкан.
Вся в узлах за спиною дорога.
Гладит время Туфан.

А над ним
будто башня клонится,
одинокая Сьюмбике.
Есть у жизни
и сон и бессонница,
ранний-ранний подснежник в руке,
оправдание
и надежда,
черствый хлеб
и небесный сафьян...

Тяжелеют усталые вежды.
Провожает время Туфан.

Наковальня не стонет —
поет.
По железу каленому
молот бьет.
«Дон-дон...» —
мелодичен звон. —
Не оковы куем,
а подковы.
Не мечи куем,
а обновы...»

Не железо — вязкая глина!
Все, что хочешь,
огонь наколдует.
Наковальни душа не пуглива,
хоть и молот ее целует.
Столько вынесла —
та же песня,
а сама почернела от сажи,

Наковальня

но окинется жаром чудесным
и под ласкою то ли насажает:
«Дон-дон...» —
мелодичен звон. —
Мы браслеты куем,
не оковы.
Не мечи куем,
а обновы...»

Даже кровь кузнеца раскаляется:
не поковка идет, а красавица!
Холодна наковальня, однако,
да цветет пламенеющим маком.
Не запросит в ударах пощады —
по округе гуляют рулады:
«Дон-дон...» —
мелодичен звон. —
Не оковы куем,
а подковы,

Не мечи куем,
а обновы...»
Наковаленка вся в окалине.
Розовата тишь на окраине.

Человек устает
и старится,
сыновьям
наковальня останется,
и огонь золотой короной,
и по шире плывущие звоны:
«Дон-дон...»
О земном поем.
Не оковы куем,
а подковы.
Не мечи куем,
а обновы.
День за днем.
Дон-дон...»

Погреба

Этот край загадки задает —
с погребов
деревня начинается.
Где плетни,
как косы, заплетаются,
яма к яме на виду встает.
Пол-аршина,
что ли, не нашлось,
по дворам не стало разве места?
Нет,
покуда на селе не тесно,
а к простору выйдешь —
сам ты гость.

Дышат в небо,
как земные рты,
на колодцы древние
погребными
похожи,
тайнами черны,
спрыгни вниз —
мурашечки по коже.

Вроде б затаился —
не видать,
только был —
и нет тебя в помине.

Ветер облако, как льдину,
отодвинет —
над тобой
звезде дневной сиять.

Радуйся,
коль надобно душе! —
В погребках
навек не погребенный,
а счастливо найденный ребенок...
Кончится игра —
и стар уже.

Голоден!
Насытись молоком.
Снедь нехитрая
не под семью замками.

В погребках
как дышится легко!
А снаружи птица окликает.

Этот край
загадками богат —
с погребов деревня начинается.
Где плетни,
как косы, заплетаются,
прямо в небо
погреба глядят.

Перевел с татарского Рустем КУТУЙ.

Игорь ХАЛУПСКИЙ

Воспоминание о великодушии

...Подстерегли
и навалились скопом
мальчишки из соседнего двора.
Побитый,
я валялся под сугробом,
покуда разбежалась детвора.

Обиды ком горел в моей гортани,
я судорожно сглатывал его.
А поутру
в морозистом тумане
из нападавших встретил одного.

Он в страхе замер,
ожидая мести,
но кто-то, дружелюбие храня,
сказал во мне:

— Пойдем-ка в школу вместе! —
И был сильнее прежнего меня.

И враг вчерашний
и зашагал,
закивал натужно
и раскаяньем томим,
с тем неизвестным,
кто великодушно
распорядился голосом моим...

От прошлого
забвеньем не зашторюсь,
душою взрослой все не дорасту
до детского всесилья,
чтоб еще раз
подняться на такую высоту.

Март. Глубинка

Снег, обкусан талою водой,
уползая,
оспенную спину
втискивает в узкую ложбину,
но бежит за ним ручей витой.

Отлипают сапоги едва
от степи,
что вязкой стала, млея.
Легче и светлее синева,
а земля темней
и тяжелее.

И не раз ты пот
смахнешь со лба,
цепкою равниною шагая.
Видно,
крепко держит степь нагая,
если увязает в ней судьба.

Если деревенская звезда
серебрит крутую хлябь дороги.
Видно,
тот и слаб, кто навсегда
из нее вытаскивает ноги...

Рисунки Игоря СУСЛОВА

Куст ежевики

С помощью опасливых ухваток
соберу в ладонь я напоследок
горстку ягод
черно-лиловатых
на колючей проволоке веток.

И когда в предутреннем тумане
тепловоза крик раздастся зычный,
я найду в рубашечном кармане
лист привялый,
кроткий, ежевичный.

Где шипы, царапавшие руки,
где упрямство ветки непокорной?
В пальцах — клочок листа,
как знак разлуки
с каменной сухой землею горной.

Ах, наивный...
Пусть меня касались
ветки в жгуче жалящих наростах —
после их прикосновений острых
только слаще ягоды казались...

Река

Стихом испытана
и прозою,
и красками на полотне.
То сизо светится,
то розово,
то зеленеет
в глубине.

Какие строки
ею вызваны
на белый свет!
Но у нее
изгибы те же,
те же пристани
и хлопотливое житье.

И живописцы,
ряби высверки
пересылая на холсты,
ей не убавили
ни искорки
первоначальной красоты.

Меж берегов
течет раскованно,
потребна всем,
доступна всем, —
как бы никем не нарисована
и не написана
совсем...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 19 (1353) ОКТЯБРЬ 1983

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
выпускница
московского
СГПТУ № 154, оптик
Ольга МОШКОВА.

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ

- 1 Валерий ЕВСЕЕВ. «ПОРЯДОК».
- 4 Стихи Павла ГРУШКО, Зиннура МАНСУРОВА, Игоря ХАЛУПСКОГО.
- 6 А ЧТО У ВАС?
Информационная страница «Смены».
- 7 ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ «СМЕНЫ».
«ПРЕСТИЖ ИНЖЕНЕРА».
- 8 Рассказ Анатолия КИМА
«МОЯ ЗВЕЗДА».
- 10 МИР КАПИТАЛА: КРИЗИС СЕМЬИ.
Леонид ФЛОРЕНТЬЕВ.
«ЖЕСТОКАЯ ЛОГИКА ОДИНОЧЕСТВА».
- 12 СПОРТ В НАШЕЙ ЖИЗНИ.
«ДВАЖДЫ МАСТЕРА».
Фотоочерк Бориса ШУРДЕЛИНА и Альберта ЛЕХМУСА.
- 18 Валерий ВИНУКОВ.
«ВЗРЫВЫ НА ПАШНЕ».
- 20 Михаил СЕРЕБРЯКОВ.
«ТЕАТР МОД...»
- 22 ЧИТАТЕЛЬ — «СМЕНА» — ЧИТАТЕЛЬ.
- 23 ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.
- 24 СИЛУЭТЫ.
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ. «ТУРГЕНЕВ».
- 28 Роман Сергея ВЫСОЦКОГО
«АНОНИМНЫЙ ЗАКАЗЧИК».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1983 г.

АЧТОУВАС?

Осколок
в посылке

НАХОДКА
№ 1500

Дарите
мысль!

КИПЯТОК ИЗ
ГОРЫ

ЧИТАТЕЛЬ —
«СМЕНА» —
ЧИТАТЕЛЬ

Есть идея...

В десятом номере «Смены» за нынешний год читатель П. Петров сообщил о том, что в якутском городе Мирном состоялся своеобразный аукцион технических идей. Рационализаторы и изобретатели смежных производств на специально организованной встрече предлагали различные способы решения технических задач, периодически возникающих на производстве.

Идея аукциона технических идей, видимо, пришла к стати.

«Энтузиасты технического творчества производственного объединения «Новокраматорский машиностроительный завод» — пишет нам читатель Леонид Мирошко. — в заводском Дворце культуры и техники провели недавно свой первый технический аукцион обмена нестандартными идеями: от способов экономии металла до использования отходов производства».

Несомненно, что подобный обмен повысит эффективность работы не только самих рационализаторов.

НОВОСТРОЙКИ

АЭРОПОРТ В ДЕРЕВНЕ

На центральной усадьбе старейшего казахстанского совхоза «Пахтаарал» — крупного хлопководческого хозяйства — появилось сооружение, не совсем обычное даже для современного деревенского пейзажа. Строители треста «Казглавстепводстрой» возвели здесь современный аэровокзальный комплекс с пропускной способностью тридцать пять пассажиров в час.

Конечно, одному совхозу, пусть крупному, не под силу загрузить но-

У ГОЛУБОГО КАМНЯ

В этом году походам юных геологов исполняется двадцать пять лет. За последние годы свыше трехсот тысяч ребят работали в юношеских геологических партиях — искали руду, облицовочный и поделочный камень, строительные материалы. Причем двести из четырех тысяч заявок, поданных на открытие, по оценкам специалистов, имеют бесспорный научный и практический интерес.

Например, ребята из ереванского клуба «Обсидиан» по просьбе Управления геологии Армянской ССР давно изучают месторождения обсидианов в республике и уже собрали единственную в стране коллекцию

этого камня. Не хватало лишь уникального голубого обсидиана. Известные месторождения считались исчерпанными, а новых пока найти не удавалось.

Однако в одном из последних походов юным геологам повезло: в ущелье Капуйткардзор («голубой камень») они обнаружили новое месторождение голубого обсидиана. И теперь промышленная добыча редкого камня включена в план нынешней пятилетки. А в школьном музее клуба появился новый, 1500-й экспонат — из ущелья Голубого Камня.

Елена ТУРУБАРА.
Фото
Петра НОВИКОВА

МАСТЕРА

КРЫША НА ПЛЕЧАХ

Зонтик, который рекомендует тбилисский житель Зураб Бабунашвили, особенно заинтересует тех, кому часто придется носить в руках различные тяжести. Например, домохозяек.

При помощи специальных ремней зонтик укрепляется на спине и плечах. Причем, ему можно придать любое удобное хозяину положение, защищаясь, скажем, от косого дождя или порывов ветра. Соответственно регулируется и высота «личной крыши».

Владимир
КУЗНЕЦОВ

Георгий ПОПОВ

ЭХО МИНУВШЕЙ ВОЙНЫ

ПОБРАТИМЫ

Почти сорок лет назад солдат Громовой грудью закрыл от вражеской гранаты своего командира батальона Самойленко. Больше десятка осколков вынули врачи из тела отважного бойца. Он чудом остался жив. Но один осколок фронтальные хирурги не рискнули тронуть: он застрял у самого сердца...

Много воды утекло с тех пор. Но осколок у сердца жил. И однажды, когда житель Кривого Рога Н.И. Громовой гостил у своего фронтального друга в Краснодаре, осколок дал о себе знать. Понадобилось срочное переливание крови. Не задумываясь, бывший комбат дал кровь своему товарищу. А когда криворожские медики все же прооперировали ветерана войны и извлекли осколок, Н.И. Громовой по просьбе своего фронтального друга подарил ему этот осколок.

Федор ШАНДИН

ЭКОНОМНАЯ ЭКОНОМИКА

Вечная печь

В поселок Эссо, расположенный в центральной части Камчатского полуострова, перестали, как делали многие годы, завозить с Большой земли топливо для обогрева жилищ. Мало того: в поселке разобрали все котельные, дававшие жителям тепло.

Здесь жители не зависят теперь от капризов погоды. Государственная комиссия по запасам полезных ископаемых утвердила эксплуатационные запасы эссовского месторождения термальных вод. Двадцать тысяч кубометров горячей воды в сутки выдает на-гора камчатская земля. Этого вполне достаточно для всех хозяйственных нужд местных жителей, очень довольных новой формой «центрального отопления».

Геннадий
РЫЖОВ

ТРЕТИЙ СЕМЕСТР

Музы в белом халате

Улыбка больного — первый симптом выздоровления. Поэтому студенты 2-го Медицинского института во время летней практики в 31-й московской городской больнице и решили организовать агитбригаду «Исцелитель». Преподаватель Московской консерватории В.К. Фрадкин

стал первым режиссером коллектива.

Сейчас артистов «Исцелителя» с удовольствием принимают не только «собственные» больные, но и паштенты других лечебных учреждений столицы...

Борис ЧЕРТОВ.
Фото
Ильи БОРИСОВА

Инженерный труд в наши дни, в эпоху научно-технической революции. Почему отдача, эффективность его зачастую явно недостаточны, а содержание порой не радует самих специалистов? Почему так заметно обмелел поток желающих получить инженерную профессию?

Эти и многие другие вопросы были затронуты в статье А. Радова «Престиж инженера» («Смена» № 4). Публикация вызвала обильную читательскую почту.

«Проблема инженера неотделима от перехода на интенсивный путь развития, повышения эффективности производства» (В. Афонин, Саратов).

«Решение этой проблемы связано с важнейшими, основополагающими моментами в развитии нашего народного хозяйства» (Б. Нурмухамедов, Узбекистан).

Н. Ткаченко из Джанкоя подчеркивает, что улучшение качества инженерного труда прямо зависит от той большой работы по повышению трудовой и производственной дисциплины, а значит, и производительности труда, которая развернулась сейчас на предприятиях страны. «Для решения этой проблемы наступило благоприятное время», — поддерживает его А. Кинулек, Ленинград.

Необходимо повысить качество подготовки специалистов, считают читатели, максимально приблизить вузы к производству, точно, научно обоснованно знать, сколько и каких специалистов понадобится в той или иной отрасли, в том или ином регионе. Причем расчет следует вести не только на сегодня, но и на завтра, четко ориентируясь в тенденциях развития современных производительных сил. Об этом написали П. Горлин из Брянска, В. Ващенко из Тюмени и многие другие.

О том, что уже сейчас делается практически по совершенствованию работы высшей школы, можно судить по ответу, который редакция получила из Министерства высшего и среднего специального образования СССР. В нем, в частности, говорится:

«В новых учебных планах, вводимых в процесс обучения с 1983—1984 учебного года, предусматривается дальнейшее

усиление фундаментальной подготовки будущих специалистов, формирование у выпускников современного экономического мышления, «гуманитаризация» инженерного образования, расширение и укрепление связей высшей школы с производством. В учебном процессе получат более широкое отражение вопросы автоматизации общественного производства, создания и внедрения прогрессивной технологии и техники, рационального использования сырьевых и энергетических ресурсов, охраны окружающей среды и другие проблемы. На

ПРЕСТИЖ ИНЖЕНЕРА

более высокий уровень поднимается изучение современной вычислительной техники, включая микропроцессорные средства.

Признано, что инженерные знания будущего специалиста наиболее последовательно формируются в ходе приобщения к избранной профессии. Реализуется это положение более широким созданием научных и учебных подразделений вузов на предприятиях, увеличением курсовых и дипломных проектов, выполняемых по заданиям производства, нарастающим привлечением высококвалифицированных специалистов предприятий к ведению учебного процесса, использованием уникального оборудования предприятий для учебных целей, распределением будущих специалистов за 1—3 года до окончания вуза. В перспективе основной формой обеспечения народного хозяйства специалистами должна стать целевая подготовка кадров по заказам отраслей.

Однако вузы могли бы достичь гораздо большего, если бы чаще встречали заинтересованную поддержку предприятий. Между тем со стороны многих хозяйственных руководителей все еще не изжито потребительское отношение к высшей школе. Несмотря на обострившееся положение с трудовыми ресурсами, в отраслях народного хозяйства мало занимаются изучением перспек-

тивной потребности в специалистах. Многие союзные и республиканские министерства и ведомства вот уже пять лет не могут разработать и ввести в действие нормативы насыщенности своих отраслей кадрами с высшим образованием. Зачастую выпускники вузов используются не по назначению. Не решены вопросы оплаты труда многих категорий специалистов. Предприятия порой заведомо завышают потребность в молодых специалистах, чтобы использовать их на так называемых «узких» местах производства без учета полученного образования.

Минвузом СССР совместно с Госкомтрудом СССР рассматриваются проблемы, связанные с изучением контроля за использованием специалистов, повышением престижности инженерного труда на производстве.

Н. Краснов,
заместитель министра
высшего и среднего
специального образования СССР.

Многие читатели хотели бы, чтобы меры по улучшению подготовки специалистов были более решительными, последовательными, радикальными. Но

и они убеждены: только усилиями высшей школы проблемы не разрешить. Даже прекрасно подготовленный специалист зачастую пасует, столкнувшись с условиями работы, которые нередко никак не стимулируют труд творческий, не поддерживают, а то и тормозят инициативу, активный поиск.

«Особо остро стоит вопрос об инженерной деятельности молодежи. Нужно с первых же шагов молодого инженера смело давать ему самостоятельный участок работы. Пусть небольшой, но самостоятельный. Именно это вселяет в человека чувство уверенности и полезности того дела, которое он делает. Те, кто работает с молодежью по принципу «как бы чего не вышло», пользы делу не приносят. К сожалению, такие люди у нас еще есть, и во многом именно им мы обязаны теми издержками, которые имеют место в воспитании нашей инженерной смены», — пишет заслуженный связист РСФСР И. Шамшин из Москвы.

«Инженеру нужно полное доверие, свобода действий», — убежден К. Хабибуллин из Рыбинска.

Общая мысль: необходимо так организовать труд инженеров, чтобы точно и ясно определялся их конкретный вклад в конечный результат — в увеличение количества продукции, повышение ее качества. Такой порядок дела сразу подорвет позиции тех, кто привык ви-

деть в специалисте эдакого мальчика на посылках, который и на овощебазу первый, и на сельхозработы, и на уборку территории предприятия тоже. Такой порядок сразу прояснит, что в наше время коренных преобразований труда роль специалиста на производстве ведущая. И недаром именно такую роль играют инженеры на предприятиях, добивающихся наиболее значительных успехов. Пример тому Московский машиностроительный завод имени Калинина. Инженерный труд здесь и в цене и в почете. Специалистам есть где развернуться, проявить себя. Им есть за что уважать свой труд и требовать к нему соответствующего отношения.

Надо сказать, что лишь небольшая часть читателей увидела решение обсуждаемой проблемы в механическом повышении заработной платы всем инженерным работникам.

«Простым повышением ставок мы здесь ничего не добьемся» (И. Шапохин, Воркута).

«Проблему нужно решать честно. Не повышать всем зарплату, а сделать так, чтобы человек получал по труду. Заслужил, работает по-настоящему — пусть по работе и получает» (Г. Трофимов, Воронеж).

Упорядочение материального стимулирования труда инженеров, смысл которого реальная, ощутимая поддержка специалиста, работающего честно, творчески, самоотверженно, — такова цель ведущегося сейчас по решению Совета Министров СССР опыта по совершенствованию оплаты труда конструкторов и технологов на пяти предприятиях Ленинграда. Аттестация специалистов, возможность избавляться от «штатного избытка» — все эти меры, на которые читатели возлагают самые серьезные надежды, также в программе эксперимента.

Неослабевающее общественное внимание к вопросам совершенствования работы всех инженерных подразделений нашего народного хозяйства, принимаемые серьезные меры, поиски наиболее конструктивного выхода из сложившегося положения — все это вселяет уверенность, что у нас есть реальные возможности для повышения эффективности труда тех, кого по праву называют творцами технического прогресса.

В заключение еще одна выдержка из письма.

«Не только престиж инженеров нужно нам поднимать сегодня, но престиж каждого честного труженика. Будь он инженер, техник, рабочий» (В. Крисанов, Архангельск).

Мысль важнейшая. Популярность тех или иных профессий временами падает, временами резко взмывает вверх. Уважение к человеку-труженику, человеку, честно делающему свое дело на своем рабочем месте, в нашем обществе было, есть и будет величиной, не подвергающейся сомнениям и переменам.

Какие льготы установлены для тех, кто учится в высших и средних специальных учебных заведениях без отрыва от производства?

В. СЕМЕНОВ,
Москва

Рабочие и служащие, допущенные к вступительным экзаменам в вузы, имеют право на отпуск без сохранения заработной платы сроком на 15 календарных дней, а поступающие в средние специальные учебные заведения — 10

календарных дней, не считая времени на проезд к месту нахождения учебно-го заведения и обратно.

Рабочим и служащим, обучающимся без отрыва от производства на подготовительных отделениях при высших учебных заведениях, в период учебного года предоставляется по их желанию один свободный от работы день в неделю без сохранения заработной платы.

Для сдачи выпускных экзаменов они получают дополнительный отпуск без сохранения заработной платы продолжительностью 15 календарных дней.

На время проведения установочных занятий, выполнения лабораторных работ, сдачи зачетов и экзаменов предоставляются ежегодные дополнительные отпуска. Студентам 1-го и 2-го курсов вузов вечерней формы обучения продолжительность отпуска определена сроком 20 календарных дней, а учащимся средних специальных учебных заведений — 10 календарных дней.

Студентам 1-го и 2-го курсов вузов и учащимся средних специальных учебных заведений, обучающимся заочно, такой отпуск дается на 30 календарных дней.

Студенты-вечерники 3-го и последующих курсов вузов имеют право на дополнительный отпуск сроком 30 календарных дней, а учащиеся средних специальных учебных заведений — 20 календарных дней.

Заочники старших курсов, обучающиеся как в вузах, так и в средних специальных учебных заведениях, имеют право на отпуск сроком 40 календарных дней.

Но вот у вас подошел срок сдачи государственных экзаменов — продолжительность вашего отпуска составит 30 календарных дней.

И, наконец, самый ответственный период учебы — подготовка и защита диплома. Для этого студенты вузов получают дополнительный отпуск сроком на 4 месяца, а учащиеся средних специальных учебных заведений — 2 месяца.

Оплачиваются ли эти отпуска?

Да, конечно, причем размер оплаты определяется из расчета среднемесячной заработной платы за последние 12 месяцев работы и не должен превышать 100 рублей — для студентов вузов и 80 рублей — для учащихся средних специальных учебных заведений.

Кроме всех перечисленных льгот, вечерникам и заочникам вузов и средних специальных учебных заведений в течение 10 учебных месяцев перед началом выполнения дипломного проекта или сдачи госэкзаменов предоставляются свободные от работы дни. При шестидневной рабочей неделе — один свободный день в неделю с оплатой 50 процентов средней заработной платы по основному месту работы, но не ниже установленного минимального размера зарплаты. По желанию студентов руководителей предприятий, учреждений и организаций могут предоставлять дополнительно еще 1—2 свободных дня в неделю, но без сохранения заработной платы.

1. ЖИТЕЛЬ МАНСАРДЫ

Вернулся на круги своя житель мансарды — когда-то было ему двадцать лет, стало сорок, видит он из окна чердачной каморки ветку дерева, с безупречным совершенством нарисованную творцом. Видит уютную часть железной кровли — краска сурик, коричневая и запыленная, воронка же водостока на углу крыши из серого ведерного железа. Видит желтый дом напротив, весь исчерканный ветвями апрельских голых деревьев, за ними таинственные окна, рамы которых покрашены тем же прозрачным суриком. За студенистыми стеклами этих окон томятся обвисшие тюлевые занавески, не шелохнутся. А в одном окне, на самом верху, нижний угол завален кипой какой-то старой бумаги, и мнится бывшему жителю мансарды, что в этих бумагах таится чья-то надежда переделать весь мир или записано учение о том, как человеку научиться летать исключительно с помощью одного лишь усилия воли.

Гул механический, моторный, как стихия природы, объемлет заоконный мир, и странными всплесками дремучей и случайно уцелевшей жизни звучат средь машинного рокота воробьиные крики и вороний старческий хор. Апрельские крохотные снежинки приплясывают за стеклом небольшого окна мансарды, еле видимые мушки-снежинки, эти последние выродившиеся умирающей стужи, и житель мансарды с бесконечной жалостью провожает взглядом случайный полет каждой снежинки, потому что все это есть не что иное, думает он, как наглядность закона невосполнимых утрат, спокойно доказуемый жизнью.

Двадцать лет тому назад была эта же мансарда, и желтый дом был напротив, и каменный колодец двора, и просвет слева от края желтого дома, и даль московских сплошных крыш — мир особенный, населенный кошками, лунами, закопченными трубами и телевизионными антеннами, — двадцать лет назад житель мансарды, тогда еще студент третьего курса, видел по вечерам, подойдя к окну, всегда одну и ту же картину. В желтом доме на втором этаже помещалась некая картонажная мастерская или что-то из изготовления канцелярских бумажных товаров. Белокурая женщина в синем халате работала за столом с кипами бумаг, и в том окне напротив она была видна единственная, вся высветленная мощным электрическим сиянием, других рабочих рядом с нею не было, и казалось, что исполняет она какой-то заколдованный урок. Молодой житель мансарды любовался на ее белые, должно быть, выпеченные химией волосы и приветно махал ей рукою, и она махала в ответ, рукава ее халата закатаны были выше локтя. Потом студент задергивал штормку на окне, ибо ему нужно было переодеться, ужинать, читать книги, но, делая все это, юный житель мансарды то и дело поглядывал на белую, давно не стиранную штормку, за которой таилась огромная ночная Москва в машинном гуле и лязге, в тысячах созвездий электрических огней — в великом своем деянии, стоящем превыше добра и зла.

Юноша, одиноко живя в мансарде, в те годы часто думал о причинах странного положения человека, когда он должен выбирать между добром и злом — хочет первого, а выбирает почему-то второе. А великий город впитывает в себя, словно чудовищная амеба, всех и всякого с его выбором и решением — впитывает, и переваривает, и пускает к небу белым дымом из своих высоких труб, и кажется при этом, что так вот и рождаются облака...

Чтобы не отвлекаться и не погрязать в бесплодных мечтаниях, студент иногда, вернувшись с занятий в свою комнату, не раздвигал занавесок и не смотрел в окно. Но проходило несколько часов — и опять житель мансарды, приникнув лбом к холодному стеклу, махал рукою, а девушка-работница радостно отвечала теми же знаками приветия. Житель мансарды был в душе большой гордец — об этом доподлинно мог бы сказать он же сам лет двадцать спустя, но в том году, весной, когда он каждый вечер боролся с искушением раздвинуть занавески на окне, он думал, что его не гордость сдает, а берет благоразумие. Надо было усилительно заниматься, чтобы электронная промышленность получила в его лице специалиста, а тут какая-то крашенная блондиночка машет рукою, воздев ее над плечом и выставив вверх три пальца: большой, указательный и средний.

Много раз студент задергивал и открывал штормку на окне — и вот однажды в полночь он стоит у проходной предпрятия, ждет ту, которая сумела сообщить ему время окончания своей работы, написав на белом картонном листе большими цифрами число 12. Вот она с величайшей охотой идет к нему в комнату и остается у него, а он волнуется, цепенеет от страха, как бы не заметила хозяйка квартиры, дама строгая до подобных дел; к тому же это всего второй случай в его жизни, и он никогда еще не видел женской красоты, столь безупречной.

Вскоре он стал бывать у нее, в ее странной комнатке. В ней не имелось ни одного прямого угла, а самый дальний от входа был настолько острым и задвинут так глубоко, что туда, казалось, невозможно и пробраться — разве что боком, изо всех сил втягивая в себя живот... А хозяйка странной комнаты (дом с улицы был немного похож на корабль, кирпичный корабль с острым носом, разрезающим перекресток на две части) гордилась ею и не могла нарадоваться. Было это первым в ее жизни собственным жильем — после детского дома, куда попала она, осиротев с пяти лет, да после многих годов, проведенных в рабочих общежитиях.

По прошествии некоторого времени он уже собирался перебраться к ней на жительство, как остановило вдруг однажды ею сказанное: «Тебе не кажется, что мы с тобой ходим вокруг какой-то катастрофы?» И, проговорив это, она улыбнулась, как и всегда: широко, белозубо, с желтоватыми искорками в глазах. Студента этот вопрос задел, потому что вполне точно определил и какие-то его смутные ощущения. Хотя, разумеется, о какой катастрофе толковать, когда тебе всего двадцать один год, а ей двадцать два (на год она оказалась старше), и оба свободны, и нет войны, и вам хорошо. Как-то вернулся он в свою мансарду, чтобы подогнать запущенные учебные дела, и, зная, что она работает в ночь, подошел к окну и раздвинул занавески. Подруга была на месте, привгично махнула рукою, улыбнулась и вдруг, замерев на минуту, внимательно уставилась на него, и улыбка исчезла с ее лица. Оно стало неимоверно печальным, это лицо, ярко освещенное сильными лампами, оно выглядело чужим и неизвестным. Он тоже долго, неотрывно смотрел на нее, и в этом странном разглядывании друг друга была какая-то беспощадная откровенность, смысла которого не дано было знать ни ему, ни ей.

Потом произошло то, что и должно было произойти. К началу лета он уехал со студенческим строительным отрядом и лишь к концу октября вернулся назад. Сказать правду, не особенно скучал по своей подруге, когда жил в совхозе и строил вместе с друзьями-товарищами сельхозкомплекс; но, вернувшись в Москву, в радостном нетерпении кинулся к ней, к ее смешному дому, похожему на кирпичный корабль. Этот дом стоял в одном из тихих искривленных переулков старой Москвы, недалеко от Крымского моста, и со двора поверх каменных заборов, расположенных гораздо ниже по уровню, можно было увидеть серебряный блеск Москвы-реки. Теперь этого дома нет — на его месте выросло что-то бетонное и стеклянное, научно-исследовательское, — утонул славный кирпичный корабль в океане времени.

Подруга оказалась в больнице да еще и в такой, куда никого не пускают, даже

родных и близких. Они посмотрели друг на друга через окно. Он стоял внизу, на улице среди что-то кричащих, приставив руки ко рту, посетителей, она — в палате на втором этаже. Беременность сильно искадила ее облик, к тому же она коротко остриглась, то есть попросту откромсала волосы чуть пониже уха, и они, некрашенные, выглядели довольно темными. Большой живот ее был хорошо виден снизу. Он только и смог понять по ее записке, что она решила рожать, что беременность протекает не совсем благополучно. А он и не знал, что она беременна. Знакомо помахав рукою — выставив три пальца, она исчезла...

В ту осень в Москву приехал друг из Новокузнецка, борец-вольник, на чемпионат по вольной борьбе, и ты целую неделю ходил смотреть соревнования. А когда друг уехал обратно к себе в Сибирь, ты, насытившись спортивными зрелищами, нехотя отправился в больницу. «Нечего брать на себя то, за что должны, по всей вероятности, отвечать другие, — думал ты. — Меня не было в Москве пять месяцев. Когда я уезжал, она ни о чем таком не говорила. И писем мы за это время друг другу не писали. Да и сейчас — разве хотя бы намекнула она в записке, что ждет именно нашего ребенка?» «Жду ребенка. Дела идут неважно. Будут до конца держать под наблюдением» — вот что сообщалось в записке. А ведь он помнил, как она говорила неоднократно: «Я свободная женщина. Я буду жить так, как мне хочется». Что ж, он уважал ее взгляды и верил, что она всегда так и будет жить. На лице у нее были ранние морщины, но они ее не старили. Она чуть картавила, и это ей очень шло. Ему с первого дня было хорошо с нею. И все же значит ли это, что ты должен поступить так, как «повелевает долг»?

Никогда не забыть той поездки — сначала в метро, потом долго троллейбусом. Была осенняя слякоть на улицах, небо хмурилось, и лица людей казались уж слишком откровенными — печать некоего знания, впрочем, никому не нужного, лежала на этих лицах. И сейчас, когда ты сидишь в старой мансарде и внизу возле дома стоит твоя машина, на которой ты и совершил сентиментальное путешествие вспять по времени, и нечего лукавить перед собою, дорогой житель мансарды. Да нужно ли это хотя бы московским улицам, вид которых неузнаваемо меняется каждые сто — двести лет? Нужно ли наше пресловутое благоразумие этой ветви апрельского дерева, чьи узелки и почки полны нетерпеливой энергии новых деяний? А ты в тот день решил все же встретиться и поговорить с беременной подругой. Ты прошел в канцелярию больницы, с трудом выпросил разрешение и, натянув выданный в гардеробной белый халат, отправился искать нужную палату. Тебе было разрешено лишь вызвать в коридор больную, но ты забыл об этом и, предварительно постучав в дверь, вошел в палату. И увидел очень большую комнату, заставленную множеством кроватей, и на каждой лежало — кто на боку, кто на спине — по беременной женщине. Они внимательно, непонятно смотрели на тебя. Но той, к которой ты пришел с визитом, не оказалось — увели на процедуры, и ты быстро покинул палату. Пошел по коридору куда-то наугад, на тебя наткнулась пожилая седая нянька, полная, розоволицая, схватила за рукав и потащила к выходу, в крик ругаясь, что сюда никому нельзя. Он покорно шел за нею. И вот, проходя мимо застекленной двери, увидел подругу, которую вели под руки две медсестры... Ты помнишь, какое у нее было лицо, какой вид? Может быть, вся проза жизни и ее невольная земная-земляная сторона открылась в этот миг тебе, и ты не остановился, прошел, мимо, влекомый за рукав толстенной

Анатолий КИМ

РАССКАЗ

МОЯ

белоголовой старушкой. Ты вышел на улицу и слился с толпою, готовой к принятию самых благоразумных решений.

Но зачем ты пришел сюда и разговариваешь с юным и бедным жителем мансарды? Неужели тебе ко всему еще нужно и оправдаться перед ним? Зачем? Достаточно и того, что ты ушел тогда из больницы и больше никогда, никогда не видел эту женщину. Мансарду ты тогда покинул, вся твоя жизнь дальше покатила по путям благоразумия, конечно.

...Я еще минутку посижу в каморке, прислушиваясь к шуму, гулу городской стихии, к воробьиному чириканью и вороньему карканью. Затем открою окно, и, перегнувшись через подоконник, посмотрю вниз, и увижу, как уходит куда-то по своим делам житель мансарды в лохматой кроличьей шапке. Я не окликну его, потому что это бесполезно: я могу отсюда увидеть его, я увижу его, а он-то меня увидеть не сможет! Мне известно, как сложится его жизнь дальше, а ему-то откуда об этом знать?.. Где-то, полагаю, есть у меня сын или дочь, но предполагать подобное я могу лишь неуверенно. А уверенно говорить я могу лишь о том, что у меня теперь есть жена, не захотевшая рожать, и машина «Жигули», порожек которой уже прогнал насквозь, ибо в свое время я не сделал машине антикоррозийного покрытия.

2. ДВОЙНАЯ ЗВЕЗДА

Мой сын сначала летал на дельтапланах, затем, после техникума, ушел в армию, вернувшись, занялся управляемыми воздушными змеями. Они запускаются на двух нитях, концы крыльев у них пружинят, поэтому, говорят сын, змеи сами регулируют силу встречного воздушного потока. Я не знаю, чем он увлечется дальше, может быть, освоит полет с помощью мускульных усилий, но когда молодому человеку двадцать с лишним лет и он ни о чем не хочет знать, кроме полетов с помощью разных крылатых машин, мать подобного молодого человека должна испытывать хотя бы некоторое беспокойство. Но я ничего особенного не испытываю — лишь досаду по тому поводу, что у меня одноконнатная квартира и я никак не могу выпастись. Сын после работы, придя из своего заводского КБ с не растраченными в день молодыми силами, сидит за столом до полночи, рисует, пишет и чертэжничает, а мне спать не дает. Примется мастерить калифорнийского змея, и тогда я должна помогать, варить клей, резать пленку, держать планочки за концы.

Иногда я смотрю на этого огромного по сравнению со мною детину и со страхом думаю: да неужели я... когда-то с мучительным трудом это я исторгла его семимесячным из себя, и мне сберегли его под стеклянным колпаком? Это чужое существо почти неспособно было жить. И только дав ему грудь и почувствовав, как бежит, переливается молоком из меня в него, я ощутила первую нежность к сыну и нашу нерасторжимость на этом свете.

Однажды сын спросил меня: «Неужели за двадцать пять лет усердной работы ты не заслужила себе лучшего, мама, чем эта одноконнатная бровровая хата, а не жилье для нормального человека?» На что я ответила: «Честно, сынок, — я и этого не заслужила. Потому что, хотя я и кончила заочно институт, какой из меня

Рисунок
Виталия ФЕДОРОВА

ЗВЕЗДА

специалист? Не было у меня возможности становиться хорошим специалистом, потому что надо было лечить тебя от болезней, водить в ясли, провожать в школу, отправлять в детский санаторий на крымском побережье... А помнишь, — спросила я, — какая у нас была до этой квартиры комната?.. Неужели не помнишь? Это была смешная комната с длинным-длинным острым углом. Ты же любила заползать туда и спать, засунув голову в самый дальний конец этого угла, я вытягивала тебя оттуда за ноги. Неужели все забыл?» «А когда же, — спросил сын, — ты выучилась-то успела? Я ведь и этого не помню».

Как раз в те годы и выучилась. Ты по вечерам спал, сынок, а я училась. Вообще-то у женщины, если нет мужа, времени может хватить на все, было бы желание. А вот если она любит, то все ее время уходит на эту любовь... Подобных слов я перед ним не произносила — как нередко бывает у меня, я начинала с сыном разговор, а после продолжала его не вслух, а про себя.

Он не помнит старой комнаты! А ведь мы уехали оттуда, когда ему было почти три года. Ну, если так, то он не помнит и ржавое ведро, об которое расшиб себе ротик и выбил передний зуб, в том ведре сосед-механик держал какие-то железки и гайки. Когда я, порою уставая глазами в некое пространство, начинаю что-нибудь вспоминать, то меня вдруг охватывает головокружение, так, словно я несусь на каком-то летательном аппарате над туманными колоссальными пространствами. И дело в том, мой милый, что в тех пространствах никого нет, кроме меня одной: мир воспоминаний есть вымерший мир, где жива осталась лишь одна душа — твоя. Но я хочу тебе сказать, мальчик дорогой, что не очень-то уж я ценю мир собственных воспоминаний. Мне гораздо заманчивее представить тот мир, в котором ты будешь жить уже без меня.

Там наступит какой-нибудь теплый вечер. Прилетит к раскрытому окну воробей, сядет на ветку дерева, чирикнет — считай, что это я приветствую тебя из своих навечно замерших пространств. Я никогда не хотела зависеть от других людей, в особенности от мужчин. В детстве, в детдоме, я мечтала об одном: когда-нибудь занять собственное жилье, куда бы я впускала только тех, кого захочу. И пришло время, когда мечта осуществилась, я получила ту смешную комнату, и туда вошел человек, который мог бы сейчас называться твоим отцом... Когда прочиривает воробей, приветствуя тебя от моего имени, вспомни, что мать вырастила тебя одна, без мужской помощи.

Вспомни и то, в какое время я жила. Оно ушло, как уходит и всякое время, и таинственное перемещение жизни вынесло меня вон аж куда... Тебе, сынок, было бы небезынтересно узнать, что мне когда-то не очень повезло, я попала в страшный детдом, настоящий воровской притон — после многих его сотрудников отдали под суд; детей они избивали, директриса использовала нас в своих домашних работах, как слуг, а я, представь себе, одно время спала вместе с двумя мальчишками на полу, на голых матрасах, и один из мальчиков был весь в лишаях. Это он вырос потом и стал художником, другой умер после детдома, а должен был стать гражданским летчиком. Мы с ним из своих заработков посылали деньги Ахмедьичу, нашему художнику, который первым из нас стал студентом. А он, когда ты у меня родился, приезжал забирать меня из роддома и много лет помогал нам, так что мы с тобой особенной нужды не знали.

Давно уже не знаю, как поживает Ахмедьич, которому что-то не везет с женщинами — четыре или пять раз был женат, и все неудачно. Ему и мне — нам обоим никогда в голову не могло прийти такое, чтобы мы помыслили о возможности брачного союза; вероятно, в те дни детства, наполненные отчаянным сопротивлением и борьбой, произошло глубокое брато-сестринское родство между нами. И сейчас мы с Ахмедьичем, очень редко и, как правило, нечаянно встречаясь друг с другом, в первую минуту всегда плачем, и это не какие-нибудь сентиментальные слезы, просто оба мы вспоминаем нашего третьего, Киселева Мишу, и скорбим о том, что после всего, что пережили, вдруг умер он от обычного воспаления легких. Ахмедьич всегда был тощим и почти лысым с двадцати лет, но широким в кости и жилистым; а Миша Киселев был самым крупным мальчишкой в детском доме; когда теперь, бывая в командировочных разъездах, я вижу в самолетах бравых и величественных пилотов — я с грустью думаю, что и Миша мог быть таким же.

У меня перед тобой большая вина — я родила тебя, но не дала, не захотела дать тебе отца. Особенно виноватая чувствую, когда вижу где-нибудь на улице извечную парочку счастливых: простецкий отец, с виду неказистый, в берете, с бородкою, тащит на спине рюкзак, а в руке — разобранные и связанные в один пучок удочки; за сосредоточенным отцом семенил бледное дитя города, в очках, с глуповатой от счастья улыбкой, застывшей на лице, — и сразу видно, что обоих, могущественного отца и маленького рыболова, ждут большие приключения и, возможно, ночевка у костра на берегу реки... Вероятно, не имела я права отнимать у своего сына подобные радости, так и стоит у меня в глазах бородач в берете, с удочками в руке. Но как бы я могла обеспечить тебя таким же папашей-энтузиастом, рыболовом-спортсменом, коли подобные считаны на штуки и запросто на дороге не валяются?

Трудно представить то время, когда меня не будет, а ты будешь, но я благословляю это время. Дай бог, пусть оно окажется таким же мирным, как и то, что выпало на мою долю после детдома. Меня родили в послевоенные годы, когда люди только-только начинали забывать, на что они оказывались способными перед угрозой насильственной или голодной смерти. Я, сынок, осталась одна не потому, что была уродливой, забитой, нудной или как-нибудь по-иному неполноценной, нет. Тебе-то я скажу: веришь ли, но я что-то знала! Всю жизнь я как бы хранила некое высшее знание запечатанным в душе и хотела бы передать его кому-то. Но прояснение этого знания — для меня самой — зависело, оказывается, от встречи с особенным человеком. И этой встречи у меня не произошло!

А вот почему ты у меня никуда не ходишь? Что тебе в этих воздушных змеях и дельтапланах? И много ли счастья прибудет, если ты в концы крыльевстроишь дружиниящие стальные пластинки? Я прожила до сих пор одна и проработала столько лет на одном предприятии — сначала рабочей, потом, после окончания заочного института, экономистом, — я получила отдельную квартиру, дачный участок, я мыслю, значит, существую и т. д... Но сказать правду, сынок? Так жить не надо было. Хотелось сказать тебе и, возможно, когда-нибудь и осмелюсь сказать: таким образом жить не стоило. Хотя старалась я и не размениваться и не гнаться за химерами. Я не сумела быть счастливой потому, наверное, что не хотела счастья. Да, не хотела. После такого детства, какое выпало на мою долю, я уже, честно признаться, не могла смотреть на счастливых людей без затаенной подозрительности: не в силах была избавиться от мысли, что любое счастье оплачено чьим-то несчастьем. Так складно научилась думать я впоследствии, когда времени на подобные размышления стало достаточно. А тогда, в молодости, решила оставить себе ребенка и ничего не говорить об этом бедному студенту (зная заранее, как и что он будет переживать, хотя, возможно, ничего вслух и не сказал бы мне: кажется, он на самом деле любил меня). В те годы ни о каком счастье я и думать не думала и лишь сторонилась всех-всех, в чьих глазах могла

Леонид ФЛОРЕНТЬЕВ

процеть хотя бы мимолетную тревогу или тайную неприязнь людей благополучных, оказавшихся среди небогатых. В голодное послевоенное время, когда мы, детдомовские, часто убегали из приютского заведения и побирались по ближним дачам и деревням — о, я достаточно насмотрелась на подобных людей.

Меня вели после переливания крови, которое я всегда переносила неважно, и за стеклянной дверью, отделявшей процедурные кабинеты от коридора, я увидела лицо молодого человека, который, если разобраться, был мужем мне и отцом моего будущего ребенка. И лицо это мне не понравилось. Он сначала не видел меня — увидела первой я его. Но потом я отвела взгляд в сторону, сделала вид, что не заметила его. Он, разумеется, успел меня увидеть, однако не остановился и не окликнул. И я думаю о том, какие, в сущности, далекие друг от друга и ничтошеньки друг о друге не знающие, чужие и дико несовместимые люди называются мужем и женой, семьей, и часто живут вместе до самой смерти.

И я однажды сказала сыну: «Ты что, думаешь, счастье тебе само в руки свалится, как розовое яблочко? Чего ты все сидишь здесь со своей матерью? Надо поискать, ох, как надо хорошенько поискать, чтобы найти себе подходящего человека. А ты дома торчишь, клеишь калифорнийского змея». Вот досидишься ты, что однажды и подумаешь: одиноком создан человек, одиноко и должно прожить, это норма, а все возможные на свете союзы мужчин и женщин покажутся тебе ужасным и мучительным недоразумением. И тогда, сынок, считай, все пропало. У тебя начнется существование без счастья, возможно, долгое и благополучное существование, ты будешь вроде бы прав, находясь в стороне от тех, которые называют взаимное мучительство семейной жизнью, — но даже от этих обещанных лапшой житейских дрызг, ты будешь навеки отделен некоей полосой отчуждения, запретной зоной, через которую твое одиночество никогда не осмелится перейти. Я хотела быть свободной женщиной, не знающей той жестокой фальши, что лежит порою в основе вполне пристойного семейного благополучия (мне слишком рано стало известно, как может один человек стать для другого невыносимым мучителем), и я стала-таки свободной женщиной, независимой и одинокой, которая рисовалась моему воображению. Но я тебе советую бежать подальше от этой благонамеренной женщины и найти себе хорошенькую подружку, легкую и простую, и вкусишь с ней все то, чего я столь предусмотрительно избежала. Я одна из тех, кто в наши нелегкие времена с испугу выбирает самое смиренное и неприязнительное: просто существование, просто возможность дышать, смотреть на мир и присутствовать в нем. И тот, кто был основательно проучен жизнью, то есть имел возможность наилучшим образом видеть свою жалость перед миром железа и стали, тот только и мог быстро согласиться на существование без счастья, на долгое житье безо всякой высокой материи. Сынок, беги от меня, пока не поздно.

Когда я захотела тебя иметь, мною двигало обычное житейское соображение: женщине надо родить, я не хотела замужества, но мне нужен был ребенок. Конечно, я предполагала, что будет нелегко, но вместе с тем знала и другое — что пройдет какое-то время и все наладится, а ребенок станет смыслом и оправданием всей моей жизни. Однако я не предполагала, что ты вымахнешь ростом вдвое больше матери, и на дачном участке всю землю шутя будешь вскапывать один, и однажды на крылатом аппарате поднимешься в воздух.

Я, конечно, была польщена, я ночь проплакала после того, что однажды сын сказал мне, отвечая на мои слова. Он сказал: «Мать, я пока не нуждаюсь в твоих девидах. Ну чего ты пристаешь с ними? Да и куда я привел бы девицу? В нашу однокомнатную берлогу, что ли? Но главное, мать, заключается не в этом. Ты тут будь спокойна. Нам с тобой вдвоем неплохо, не правда ли? Я бы не прочь, конечно, если нашлась бы такая, как ты, а такую где найдешь? А мы с тобой как двойная звезда, нас нельзя различить без телескопа — наше дело светить потихонечку, а ты посылаешь меня на вечер отдыха в Дом техники, на кой мне черт этот Дом техники, где заставляют танцевать румбу и липси?»

И мне, конечно, по сердцу пришлись его слова, но какая же тут звезда, если во мне уже давно ничего не светится? Господи, вспомнить только тот год, когда мальчик пошел в школу. Какая там звезда? Я только и думала о том, как бы сбежать пораньше домой, потому что сын после школы бродил по двору голодным — я не разрешала ему пользоваться газовой плитой и предпочитала давать ему деньги на обед, чтобы он, значит, ходил в пельменную; однако были у меня сильные подозрения, что малыш проедает деньги на мороженое. У матери-одиночки если что и светится, то это ее сумасшедшие глаза от сумасшедшей тревоги за ребенка, который где-то шатается без всякого надзора.

Да, я прожила так, как хотела, и была, наверное, по-своему счастлива, да только любое счастье на этом свете захватано руками несчастных. Скажем, пропальваю я клубнику в жаркий день, стою, согнувшись, возле грядки, сама в купальнике, голова под соломенной шляпкой. Хорошо! Прохладный ветер гладит мне плечи; тляпка хорошо наточена сыном... Много ли надо человеку, господи! И вдруг вспоминаю старую бурятку, которую видела утром, когда я с рюкзаком на спине бодро подходила к станции метро. Эта заброшенная, неухоженная бурятка появляется у метро, как только потеплеет, и целыми днями сидит на сером дощатом рундуке, в котором дворники держат метлы, совки и лопаты. Слышала я, что у нее есть в Москве дочь, какая-то образованная особа. Толпа обтекает вокруг, старуха что-то по-своему бормочет, натянув платок на самый нос, и покачивается из стороны в сторону. Иногда, привалив спиной к дереву, вплотную к которому стоит рундук, старая бурятка спит, уронив на грудь седую голову, громко похрапывая... Я не хочу сказать, что воспоминание о заброшенной бурятке лишает меня радости хорошего дня и мирной работы, но уж коли существует подобная старуха где-то на белом свете, то мое счастливое чувство все равно не может не учитывать этого.

Разве могла бы я выйти за него замуж? Он был высокий, видный парень, в строгих очках, коротко стриженный... Лишь нос его не особенно нравился мне — был у него тонким и почему-то очень твердым, прямо-таки роговым, словно птичий клюв. Когда он сердился, на кончике носа и над ноздрями появлялась бледная хрящевая синева, и я боялась его в такие минуты. Кем он стал в жизни, я не знаю, но это не важно — все равно я знаю, каким он мог быть. Он из тех мужчин, которые, если хотят развестись с женой, делают это с мучительными сомнениями, а после падают в еще большие сомнения и кончают тем, что возвращаются к старым женам. В том случае, конечно, когда последние принимают их обратно. Если бы я вышла в свое время за него, то жила бы, вероятно, в трехкомнатной квартире, а дачный участок был бы у меня чуть поближе к Москве, чем сейчас. Я была бы женою ни в чем не ведающего уверенности человека, неплохого, может быть, специалиста в своем деле, но совершенно неспособного повести себя правильно, единственно как должно перед бедой, несчастьем или смертью. Что-то я слишком много думаю о нем и в этом, как всегда, не вижу никакого смысла. Впрочем, и многие другие, которых я встречала в жизни, не внушали мне уверенности, что я могла бы выйти за них замуж. И, открывено говоря, только один человек показался мне достойным всецелого женского уважения — это мой летатель, моя двойная звезда, замечательный мой сын и самый таинственный для меня человек.

Не будь это красное кирпичное строение окружено пятиметровым глухим забором и не будь этот забор увенчан клякстой колючей проволокой, оно могло бы, пожалуй, сойти за школу-пансион.

Не будь в короткой пока и нехитрой биографии 85 его обитателей двух взаимосвязанных подробностей — преступления и наказания, — они могли бы сойти за учащихся.

Здесь, в Гошене, в 66 милях к северо-западу от Нью-Йорка, находится одна из девяти построенных властями штата «тюрем для мальчиков».

На большом листе коричневой оберточной бумаги восемнадцатилетний Мигель изобразил генеалогическое древо своей семьи. Родина этой диковинной разновидности североамериканской урбанистической флоры — Южный Бронкс. Корни дерева скрыты серым асфальтом тротуара. Толстый короткий ствол переходит в раскидистую крону, усеянную плодами, по внешнему виду напоминающими шиши.

Мигель водит пальцем по рисунку. Его комментарии лапидарны и деловиты.

— Вот отчим. — Палец утыкается в мясистый шишеобразный плод на самой верхушке дерева. — Алкоголик. А

собственным рисунке — то ли пытается найти объяснение своему прошлому, то ли старается разглядеть свое будущее.

Уголовная статистика дает справку: треть совершаемых в Соединенных Штатах серьезных правонарушений приходится на долю тех, кому еще не исполнилось двадцати.

Социологи с печалью замечают: каждый третий «тинейджер»¹ абсолютно не готов к жизни в обществе.

Пресса — в частности весьма авторитетный в стране журнал «Ю. С. Ньюс энд Ворлд рипорт» — с вполне обоснованным беспокойством констатирует: нынешнее поколение американской молодежи воспринимает окружающий мир как чужой и враждебный...

И каждый раз, когда репортеры приводят подписчиков газет в смутные очередей сенсационной вестью: о том, например, как миллионера из Солт-Лейк-Сити отправили на тот свет истомившийся в ожидании наследства родные его дочь и внук; или о том, что в одном из чикагских пригородов только за последние два года кончили жизнь самоубийством 40 подростков; или о том, как 18-летняя женщина из Мэриленда вместе с четырьмя

ЖЕС ЛОГИКА

вот дедушка. Арестован за кражу, отпущен под залог, удрал в Колумбию. Брат. Без него ни одна драка в квартале... Сестра. С тремя развелась, четвертый сам сдвинул, унес дедушкины часы и сорок баков... Еще брат... десять лет на кокаине, от человека осталась одна смутная тень...

Сам Мигель попал в Гошен в 1979 году за участие в вооруженном ограблении, которое стоило жизни одной пожилой даме, нехотая подвернувшейся Мигелю и его приятелям под горячую руку. Преступление в общем-то заурядное — таким сегодня в Америке никого не удивишь.

Судебный приговор разлучил Мигеля с семьей, с приятелями и соседями, но особой горечи от разлуки он не испытывает. Здесь, в «тюрьме для мальчиков», у него нет близких, зато есть тюремные воспитатели, колдующие над его личностью в рамках инструкции, которая предписывает им «исправить» ошибки в его воспитании... А главное — у него теперь достаточно времени, чтобы задуматься над своей жизнью, которая с самого начала складывалась с нелепой закономерностью.

В один прекрасный день Мигель покинет Гошен. Две дороги лягут перед ним в этот день, и из них одна ведет назад, в кварталы Южного Бронкса, вторая же — отсюда и в неизвестность. Выбрать первую — значит обречь себя на определенность, которая сродни безысходности. Выбрать вторую — значит предпринять попытку сломать страшную логику этой предопределенности, значит попробовать вырваться из атмосферы физического и нравственного вырождения, на которое благословило семью Мигеля и сотни тысяч других американских семей так называемое «общество равных возможностей».

Этот выбор ему еще предстоит сделать, а пока он сидит, вглядываясь в нарисованное на коричневой бумаге дерево, и не понять, что он ищет в

знакомыми молодыми людьми участвовала в убийстве своего законного супруга через два месяца после свадьбы, — так вот, когда подобного рода факты становятся достоянием общности, поднимается нестройный хор взволнованных голосов, вопрошающих, что же в конце концов происходит с американской семьей и как будущий гражданин Соединенных Штатов постигает азбуку жизни в обществе.

Вывод, к которому приходят сами американцы: институт семьи в США переживает кризис, последствия которого трудно предугадать, и основное проявление этого кризиса заключается в том, что семья явно не справляется с основной своей обязанностью — воспитанием нового поколения. В этом уже мало кто сомневается, и если какой-то вопрос и служит предметом споров, то это вопрос о том, что явилось причиной этого кризиса. Неужели только объективные демографические тенденции (пусть достаточно красноречивые) — эпидемия разводов со всеми их побочными эффектами, имущественными тяжбами и дележом детей и уменьшение числа матерей-одиночек? Похоже, что нет: поставщиками малолетних правонарушителей и юных самоубийц являются сплошь и рядом вполне благополучные внешне семьи.

Так что же разладилось в таком на первый взгляд простом, но на самом деле бесконечно сложном механизме, именуемом семьей, — почему вретса на глазах «связь времен», связь поколений, контакт между родителями и детьми? Почему даже извечный конфликт «отцов и детей», такой, казалась бы, привычный, принимает сегодня в Америке такие гипертрафированные, а порой и патологические формы, что переходит в новое, неизвестное еще социологам качество?

Вот одна из точек зрения, популярной среди американских специалистов по проблемам семьи: корень зла — в утрате родителями чувства ро-

¹ На американском жаргоне — сленге — «buck» означает «доллар».

² «Тинейджерами» в английском языке принято называть тех, кому от тринадцати до девятнадцати.

ся — вы понимаете? Это работа, и она меня устраивает. Во всяком случае, моя нынешняя жизнь в сто раз лучше того, что я видела дома...»

Бегство «тинэйджеров» из дома приобрело в сегодняшней Америке общенациональные масштабы. По оценке сенатского подкомитета по делам несовершеннолетних, ежегодно покидает семью один миллион подростков.

И невозможно подсчитать, сколько маленьких изгоев становятся легкой добычей бизнесменов от порнографии и проституции и сколько пропадают бесследно в лабиринтах улиц. Подробности их существования скрыты от широкой публики, и лишь время от времени на страницы печати попадают отголоски больших трагедий этого маленького мира — таких, например, как убийство 27 бездомных «тинэйджеров» в Хьюстоне.

Еще одна помеченная сегодняшним днем Америки деталь, на которую обращают внимание социологи: если раньше подростки бежали из дома, то теперь на улицах оказывается все больше и больше тех, кого из дома выгоняют. Это о них говорит Луис Ли, директор программы «Дети ночи»: «Эти ребята создают какое-то подобие

исследований Мичиганского университета. 72 процента старшеклассников систематически употребляют спиртные напитки; 34 процента — марихуану; 12 процентов — различные стимулирующие препараты; 5 процентов — кокаин.

Но виски приносит похмелье, на наркотики не хватает денег, а одиночество не отступает, и кажется, что никому нет дела до твоих горестей и обид. И тогда последний шаг за край жизни представляется для многих простым, естественным и желанным.

Самоубийства среди американских «тинэйджеров» давно уже не считаются чрезвычайными происшествиями: к ним привыкли, как привыкают к чему-то достойному сожаления, но неизбежному. За последние десять лет число таких самоубийств возросло в среднем по стране в два раза, а в некоторых районах США, например, в штате Кентукки, на 300 процентов. Ежегодно 2 тысячи подростков кончают жизнь самоубийством, а если учесть, что на каждое самоубийство приходится примерно 50 «неудачных» попыток покончить с собой, становится ясно, что это феномен массовый.

По словам психиатра Синтии Пфеффер из Корнельского университета, 33 процента — треть! всех американских подростков — в той или иной степени испытывают склонность к самоубийству. Для сравнения отметим, что в 60-х годах эта склонность наблюдалась

лишь, которую ведут сотни тысяч беднейших семей сегодняшней Америки.

...Филлис Саблетт не скрывает, что когда-то питала к Рональду Рейгану определенную сердечную слабость. Это было много лет назад, и он, конечно, не был еще президентом Соединенных Штатов.

Она была тогда школьницей (сейчас ей сорок шесть), а он был киноактером, и ей казалось, что он неотразим. И они были почти как соседи — Филлис родилась и выросла в Стерлинге, штат Иллинойс, он — в каких-нибудь десяти милях от ее родного города.

Но с тех пор, повторимся, прошло много лет; тот человек, который некогда казался Филлис и ее согражданам «одним из них», теперь стал и далеким и холодным, как Антарктида. Филлис не может избавиться от ощущения, что ее предал кто-то близкий, что ее благословил на крушение тот, кто мог помочь. И ее не оставляет мысль, что нынешний президент Соединенных Штатов несет личную ответственность за все беды, которые обрушиваются на ее семью. За то, что остался без работы ее старший сын, семнадцатилетний Тимми; за то, что инфляция превращает в фикцию и без того скромное пособие, которое она получает за погибшего в аварии мужа; за то, что, когда ее дети болеют, она не может обратиться к врачу, зная заранее, что не в состоянии будет оплатить счета.

«Он совсем не заботится о бедных семьях», — подытоживает Филлис Саблетт свои жизненные наблюдения.

...Когда по телевизору показывали новую обстановку Белого дома и камера запечатлела крупным планом шикарный фарфоровый сервиз, младшая дочь миссис Саблетт, семилетняя Келли, с недоумением сказала: «Какая разница, что за узор на твоей посуде? Главное, чтобы она не была пустой»...

По последним оценкам, их 29,3 миллиона — американцев, чей жизненный уровень ниже официального порога бедности. За два года пребывания у власти администрации Рейгана их стало больше на 6 миллионов человек.

Сорок лет не знала Америка такого уровня безработицы, как сейчас. Работы лишены 11,3 миллиона человек. Особенно резко — на 26,7 процента — кривая безработицы взметнулась вверх за последние два года. Не нужно обладать богатым воображением, чтобы представить себе, что стоит за этими цифрами и что несет безработица тысячам американских семей.

Супруги Чак и Сэнди Бэйрд из Калифорнии потеряли работу одновременно. Чак давно уже перестал получать пособие по безработице. Сэнди поначалу удалось найти временную работу, но недавно ее предупредили, что через месяц она лишится и ее.

«До самого последнего момента мы не переставали на что-то надеяться», — признается Сэнди. — Теперь надеяться, похоже, не на что. Мы рискуем потерять все, что накопили за долгие годы».

Кризис семьи — это не просто еще один кризис в истории американского общества. Невозможно предугадать, какими последствиями он обернется для будущего нации через одно, два, три поколения. И каждое поколение будет предъявлять обществу свой счет за разочарование, за страх, за одиночество.

Бездуховность и насилие изначально рождаются не в семье — они прививаются новым поколениям обществом и уже через эти поколения исподволь проникают в семьи.

...В обложке револьвера, который держал в руках 14-летний Дэвид Килер из Далласа, было шесть патронов. Но выстрелов ему пришлось сделать только два. Этого оказалось достаточно, чтобы убить отца и мать.

Еще одна американская трагедия. Сколько их происходит изо дня в день с жестокой и бесчеловечной логикой, заложенной в фундаментальные структуры общества без будущего...

ТОЖКАЯ ДИНОЧЕСТВА

дательской ответственности. Многие сегодняшние родители, считает, например, психиатр Джудитан Денсен-Гербер (она возглавляет одну из организаций, осуществляющих попечительство над «трудными подростками»), те, чья собственная юность пришлось на шестидесятые и начало семидесятых годов, привыкли думать и заботиться в первую очередь о себе. Их сознание формировалось в беспокойные времена вьетнамской войны, утергетского скандала, расовых волнений, взлета наркомании и насилия. «Мы — сами по себе, дети — сами по себе» — нечто подобное лежит в основе родительского подхода к воспитанию.

Афористично краток священник из Нью-Йорка Брюс Риттер, директор попечительской организации «Ковенант хауз»: «Разве дело в детях? Наши взрослые — вот в ком проблема».

Распад семейных связей все чаще сопровождается тем, что подростки бегут из семей, предпочитают полное и скрытых опасностей существование на улицах городов одиночество в кругу близких. Что говорят об этом они сами — те, кому посвящают свои труды педагоги и психологи и на кого заводит досье полиция?

«Я ждала этого дня долгие годы...»
... В этот день Линда, четырнадцатилет от роду, в последний раз переступила порог родительского дома, чтобы никогда больше туда не возвращаться.

Что она помнит о своем детстве?
«С тех пор, как мне исполнилось пять лет, я начала бояться отца. Он никогда не относился ко мне как к дочери, я была для него существом женского пола — вы понимаете, что я хочу сказать? Сколько я себя помню, я все мечтала поскорее вырасти, чтобы уйти из этого дома. Я туда никогда не вернусь».

Как теперь живу? Да не прошло и месяца, как я ушла из дома, и все устроилось... У меня теперь есть и квартира и возможность покупать красивые вещи. Как я этого добилась? Ну, нужно просто говорить «да» тем, кто мной интересуется

семей на улице... Они держатся вместе и заботятся друг о друге».

Но никто из тех, кто переступил порог родительского дома — может быть, за редчайшим исключением, — не возвращается в него.

«Я чувствовала, что никому не нужна», — говорит Салли.

Салли 16 лет, она из Сан-Франциско. У Салли скоро будет ребенок.

«У меня никогда не получалось быть такой, какой меня хотели видеть родители. Я всегда старалась, только они все равно были мной недовольны. А когда они узнали про ребенка, то сразу сказали, чтобы я не рассчитывала остаться в их доме. Наверное, я просто была в семье лишняя».

...А знаете, я надеюсь на лучшее. Буду жить со своим малышом. Он-то ведь будет любить меня, правда?»

Распад внутрисемейных связей, о котором пишут и говорят американские социологи, для тысяч подростков предстает не отвлеченной абстракцией, а резким и внезапным ощущением одиночества рядом с людьми, ближе которых не может быть на свете.

Но если реальность не дарит ничего, кроме одиночества, нельзя ли попытаться ускользнуть от реальности?

«Долой от действительности...»

«Только наркотики, — убежденным тоном знатока утверждает Стэн, 19-летний кокаинист из Калифорнии. — Только они позволяют отключиться от действительности — целиком и полностью. Зачем? Странный вопрос...»

Да, конечно, продавать и покупать их противозаконно, и это страшно дорого, и здоровье страдает, я-то знаю... Зато с ними приходит легкость — такая, что стоит один раз попробовать, и пошло-поехало: хочется еще и еще...»

Некоторое представление о масштабах «борьбы с одиночеством», которую ведут американские подростки с помощью алкоголя и наркотиков, дают статистические выкладки, подготовленные институтом социаль-

только у 10 процентов «тинэйджеров». Основными мотивами самоубийства называют душевные травмы, вызванные семейными неурядицами, неудачи в личной жизни или учебе, которые с юношеским максимализмом были расценены как катастрофа. Это может быть форма мести родителям. Это может быть, наконец, последняя, отчаянная попытка обратить на себя внимание. И это всегда ранняя, преждевременно пришедшая усталость от жизни в мире, который постоянно чего-то требует, но часто скрывается на самое простое и необходимое — участие.

«Невыносимо чувствовать, что от тебя постоянно чего-то ждут», — говорит семнадцатилетняя Кэйт. «Ждут большего, чем ты можешь дать. И постоянно сравнивают тебя с друзьями. И намекают: когда ты добьешься того-то и того-то, вот тогда мы будем тебя любить».

Кэйт приняла 75 таблеток снотворного, когда провалилась на вступительном экзамене в колледж. Сейчас ее жизнь вне опасности. Так по крайней мере утверждают врачи. До следующей попытки?

Дочь газетного магната оказывается членом вооруженной банды, сын успешного адвоката попадает на вульгарнейшей краже в супермаркете; наследник миллионного состояния не выходит из мертвой петли наркотического отупения; дочь популярнейшей кинозвезды кончает жизнь самоубийством... Факты подобного рода все чаще встречаются на страницах газет и все реже шокируют американскую публику: похоже, еще немного — и они будут восприниматься как должное. Подтверждается точка зрения подавляющего большинства социологов, утверждающих, что кризис распространился на все без исключения слои американского общества.

Потеря внутрисемейных контактов, отчуждение, горький антагонизм поколений рождают и отчаяние, и цинизм, и страх перед будущим, но длинным апофеозом безысходности предстает не прекращающаяся день за днем и год за годом борьба за выжива-

Три четверти рабочих в Никополе — в возрасте до сорока лет. Очень много молодежи. И прекрасны те часы, когда по проспекту, протянувшемуся почти через весь город, бульваром под пышными каштанами идут на смену, а потом со смены жизнерадостные молодые люди. Пожалуй, каждый второй — спортивного покроя: и в походке, и в движениях, и в интересе к окружающему. Таков уж этот город на берегу Днепра: пять месяцев в году молодежь, да и не только она, живет на воде или возле нее.

**НЕ ОДИНОКО
ПАРУСАМ
В КАХОВСКОМ МОРЕ.
НА ВЕЧЕРНЕЙ
ТРЕНИРОВКЕ —
ЯХТСМЕНЫ
КЛУБА «ТРУБНИК».**

ДВАЖДЫ

**СМЕНА ПОЗАДИ, ПЛАН ЕСТЬ!
ПОСЛЕ СТОКИЛОГРАММОВЫХ ЗАГОТОВОК
ДЛЯ ВАЛЬЦОВЩИКА ВЛАДИМИРА ВЯЛОГО
ДВУХПУДОВАЯ ГИРЯ НА ТРЕНИРОВКЕ —
ИГРУШКА.**

1

— Чему ты удивляешься? Вода шлифует тело так же, как борьба душу, — говорит Анатолий Рыбальченко.

— Ты имеешь в виду спорт? — спрашиваю я.

— Конечно.

Никополь — спортивный город, по своему духу, по складу характеров. Из него вышли в большой спорт призеры Олимпиад и чемпионатов мира, чемпионы страны. Впрочем, не о них пойдет речь. И не о никопольском футбольном «Колосе», о котором одно время говорили как о феномене: в самом деле, команда районного центра пробилась в первую лигу, и не просто пробилась, но за три года своего участия в турнире дважды была пятой и один раз третьей, — не каждому клубу удастся так показать себя.

— Но о футболе поговорим потом, в следующий раз, — предупреждаю я. — Вернемся к воде, к Днепру.

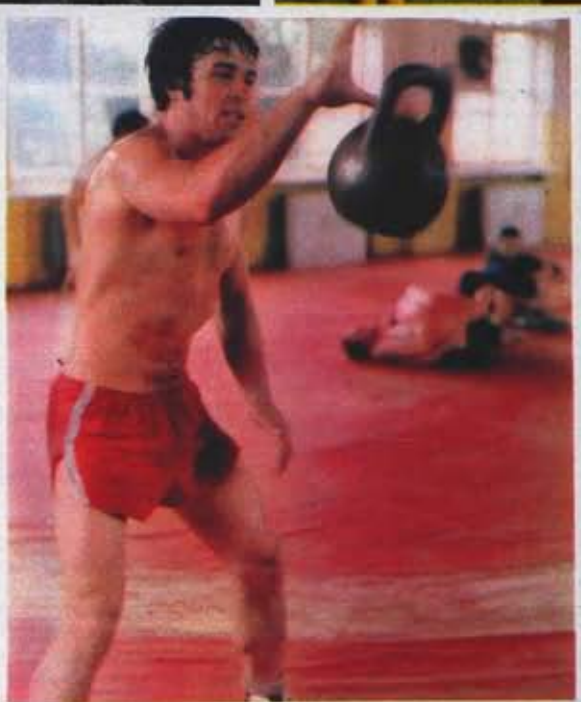
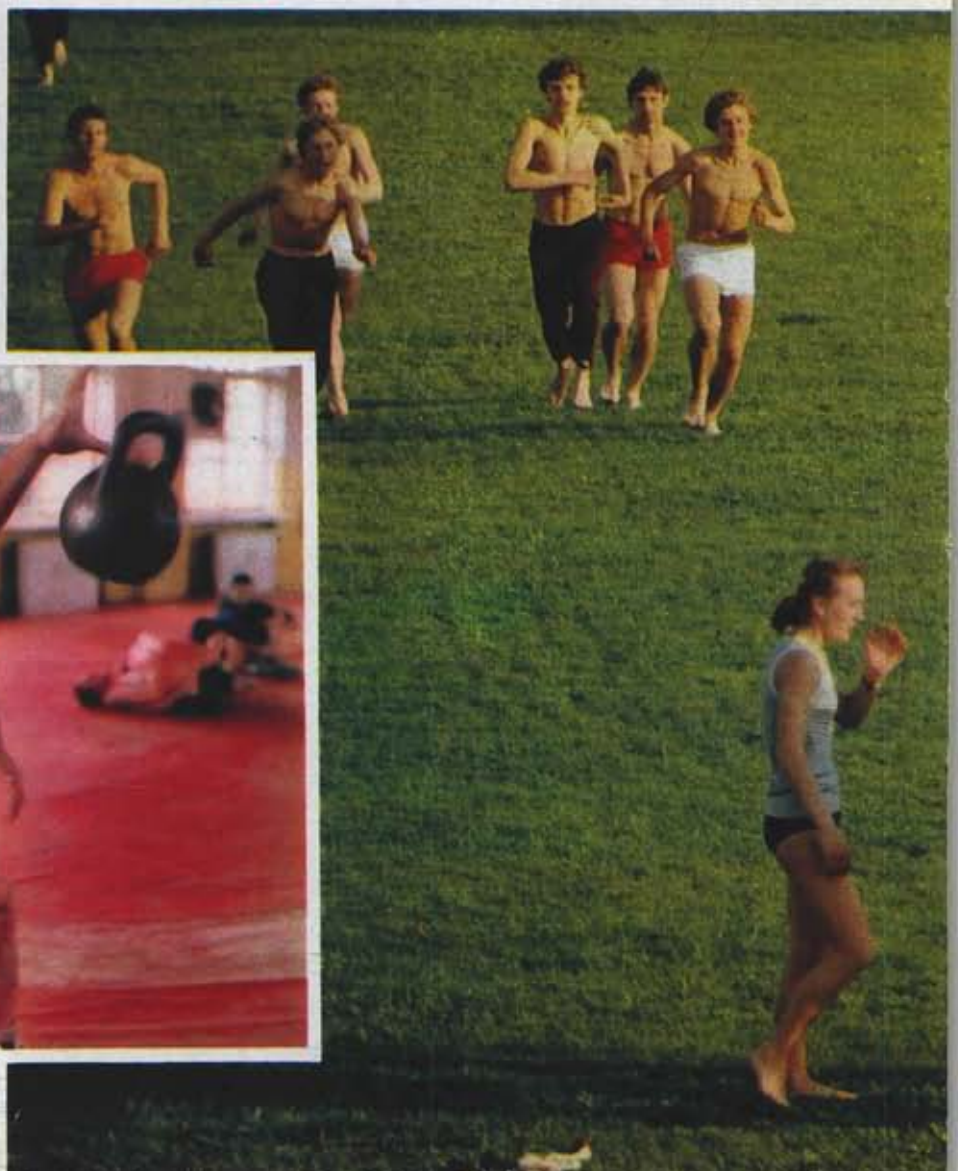
**Борис
ШУРДЕЛИН**

**Фото
Альберта
ЛЕХМУСА**

Мой собеседник — Анатолий Иванович Рыбальченко, Герой Социалистического Труда, делегат XXVI съезда Компартии Украины, человек известный в черной металлургии, а в Никополе и подаявно. В молодости занимался парусным спортом, был шкотовым на швертботе класса «М», в течение многих лет выступал на всевозможных соревнованиях самого разного внутрисюжного ранга. Класс «М» был нашим внутренним классом, стареющим, но тогда довольно широко распространенным. Двадцать пять — двадцать лет назад. Столько лет, к слову, и нашей дружбе.

То было знаменательное время в истории советского парусного спорта. И вот почему.

— Когда мы пришли в яхтклуб, только и слышали: тот — главный инженер, этот — доцент... даже директора институтов... по крайней мере — студенты... А мы?

**ГОРДИТСЯ
ТРУДОВОЙ НИКОПОЛЬ
ФУТБОЛЬНОЙ
КОМАНДОЙ
«КОЛОС»,
ОДНОЙ ИЗ ВЕДУЩИХ
В ПЕРВОЙ ЛИГЕ.**

победителями становились вальцовщики в потертых ватниках. Не сразу, не в первый год, но — год за годом.

— Не могу сказать, что мы стыдились своего незнания. Наверно, все-таки нам казалось, что способность хорошо управлять парусами — природный дар. Но от регаты к регате, с годами мы становились увереннее в себе. Мы ж росли на твоих глазах.

- Ну, я-то был зрителем.
- Пришел опыт.
- Знания и умение, приобретенные на практике?
- Наверно, так. Мы убедились, что управление

МАСТЕРА

Действительно, как-то так сложилось, что парусный спорт поначалу был спортом интеллигенции, и у нас, на Днепропетровщине, тоже. Возможно, считалось, что для управления парусами надо обладать чуть ли не инженерными знаниями, потому что вода и ветер, объединяясь, нередко задают причудливые загадки. Что уж теперь скрывать, я и сам помню, с каким снобизмом (иначе не скажешь) в те годы во время регат на Каховском водохранилище некоторые киевские яхтсмены относились к никопольским парням. Предубеждения живучи, они передавались и молодой смене. Но эти парни — никопольские с Лапинки и днепропетровские с Кайдаков — вторгались в парусный спорт, отвоевывали свое место в нем. И уже вместо доцентов в отутюженных белых брючках

**Спорт
в нашей
жизни**

**ТРЕНИРОВКА ЛЕГКОАТЛЕТОВ
НА ЗАВОДСКОМ СТАДИОНЕ.**

**У СЛЕСАРЯ ВАСИЛИЯ БОЙКО
В ПОРЯДКЕ И РАБОЧИЙ ИНСТРУМЕНТ
И АЛЬПИНИСТСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ.**

парусами — плод не природного дара, а труда, и труда повседневного.

— Твои сыновья с детства занимаются в яхт-клубе. Твое влияние?

— И мое и не мое. Не мое — в том смысле, что в Никополе этот вид спорта популярен среди мальчишек. Особенно в нашем шестидесятиквартирном доме. По-моему, в нашем доме все мальчишки прошли через яхт-клуб. Одни остались, другие ушли, но — бывали. Мое влияние? Этот вопрос сложнее.

Человек, занимавшийся спортом всерьез, хоть раз, как говорится, вкусивший прелесть победы, прочувствовавший радость борьбы, неизбежно будет стремиться не просто к новым победам, а к большой, главной победе. В этом отношении Рыбальченко не дошел до конца. Его главной победы в спорте не было. Да и не могло быть, потому что сам характер той работы, которая составляла тогда и составляет поныне ведущее место в его жизни, требовал огромной отдачи. Вальцовщик трубопрокатного стана — это восемь часов непрерывной работы, максимум сосре-

доточности, полный расход физических сил даже в условиях механизации. А в те годы об автоматизации трубопрокатных станков только еще думали. Человек, избирающий профессию металлурга, понимает, что выбирает. Но это одна из тех мужских профессий, которые воспитывают в человеке необходимое самоуважение — уважение к собственной личности и к тому, что вносишь в общее дело. Это и тяжелый труд. Родина признала его работу, отметила высшей наградой, в этом он победитель. Однако ему, человеку спортивного склада, хотелось, чтобы той большой победы в спорте, о которой он мечтал, добился хотя бы один из его сыновей.

А сыновья? Оба — кандидаты в мастера спорта, как и отец. Старшему — двадцать, заканчивает службу в армии. Был вторым призером первенства Центрального Совета ДСО «Авангард». Младшему — семнадцать, заканчивает десятилетку. Был чемпионом области, чемпионом «Авангарда» среди юношей, в прошлом году занял третье место на первенстве общества уже среди взрослых.

— Хочу, чтобы стали мастерами. И спорта и того дела, которое выберут в жизни.

Дело, которое выберут в жизни? Это ведь не так легко — выбрать: нужно, чтобы обстоятельства и помогали выбору и обеспечивали его. Не опускаться ниже своих спортивных побед? Но так ли уж это неизбежно? Делюсь сомнениями. Рыбальченко охотно отвечает:

— Не место же красит человека, сам человек в ответе за себя. Верно, общество тоже отвечает, но не в такой же степени. Я буду одобрять любой их выбор, лишь бы это был честный шаг. Честный не только по отношению к семье и обществу, хотя это обязательно, но и к тем победам в спорте, которых они уже добились и добьются. Не так уж часто, но все-таки приходится наблюдать, как тот или иной спортсмен свою победу превращает в дойную корову. То есть скатывается до обыкновенного вымогательства. Вымогает у общества, у зрителей, хотя все делает не открыто, под разными масками. Но, эксплуатируя свою победу, теряешь право на нее. Вместе с тем, не выживишь весь, тоже как бы отступаешь. Я не хочу, чтобы мои сыновья потеряли свои победы. Не став мастером спорта, я фактически свои победы утратил.

— По-моему, ты смешиваешь разные понятия.

— Тебе так кажется. Пойми меня правильно. Вот смотришь порой футбол и видишь безвольную игру. Ее игрой даже назвать стыдно. Словно футболисту чем-то не угодили. Кто-то не угодил. И никакого раскаяния после проигранного матча. Представляю, какой потом работник выйдет из этого человека. Ведь его футбол не вечен, рано или поздно с ним расстаются, становятся рабочими или инженерами. Совсем иной строй жизни. Думаешь, в коллективе такому человеку будет легко?

— Ему, может быть, и легко, но вот коллективу...

— Ты лишь уточняешь, а в действительности тяжело придется и самому спортсмену. Я, например, несколько не удивляюсь, что почти все яхтсмены — серьезные спортсмены — находят место в жизни деятельной и полезной: и когда выступают на соревнованиях и по завершении спортивной карьеры. Сам характер парусного спорта воспитывает ответственность и самостоятельность: один легковесный шаг — и экипаж в воде, а кто знает, чем это может закончиться, какие шутки допустимы с водой...

— Да, — быстро соглашаюсь я, невольно вспомнив одного нашего общего знакомого, погибшего по своей же вине двадцать лет назад во время одной из регат под Запорожьем.

— И еще тут важно. Парусный спорт — дорогой спорт. Швертботы — немалой цены, некоторые лодки стоят так дорого, что глаза закрываешь, когда тебе называют цену. Так что — еще и ответственность за дорогостоящую технику. А вот смотришь футбол...

— Мы же договорились: о футболе потом...

— Ладно, ладно. Так вот. Полная отдача — это решающее условие всякой победы. Я от сыновей требую именно этого. Учишься в школе — всего себя учебе, без остатка. Без спорта не можешь? Значит, и ему всего себя. Чтоб уж ничего не оставалось. Трудно совмещать? Научись. В жизни ничего легкого нет. Вроде понимаю меня. Как будет дальше? Между тем я не представляю себе современного молодого человека, равнодушного к спорту.

Я соглашаюсь: такой молодой человек не только сам многое теряет в жизни, он еще и противоестественное явление.

— Часто еще относятся к спорту, будто он развлечение, — продолжает разговорившийся, а обычно немногословный Рыбальченко. — Но уже и физкультура перестала быть развлечением, а спорт и подавно. Насыщенность нашего дня на производстве и в быту достигла такой степени, что человек вынужден думать о каких-то средствах, помогающих поддерживать физические и моральные силы на необходимом для плодотворной жизни уровне. Вот физкультура помогает сохранять эти силы на нужном уровне, а спорт — увеличивать их. Времена меняются. То, что

было двадцать лет назад, теперь нередко кажется наивным. Такой уж выпал нам скоростной век. Он все изменил в жизни людей.

2

Двадцатый век социальными потрясениями и научно-техническим прогрессом действительно существенно изменил лицо человечества. Не только в тех областях человеческого бытия или деятельности, которые составляют основу мира, но и в тех частностях, которые по инерции или по привычке обычно относят к чему-то лишь сопутствующему, но никак не определяющему.

Что такое спорт в этом плане? Действительно лишь сопутствующее явление или в какой-то степени определяющее? Ответ, скорее всего, лежит в иной плоскости. Нечто самостоятельное, хотя и зависимое от всего. Нечто такое, что с прогрессом мира заняло место, которое было ему предназначено в исторической перспективе. Спорт не только как поле деятельности, но и как зрелище. То есть не узкое понятие, а нечто без четких границ. Это не менее важно, чем сама сущность спорта как факта, как деяния.

Двадцатый век изменил и лицо спорта. Можно сказать иначе — изменился сам мир спорта.

Да, легендарные чемпионы древнегреческих Олимпиад до сих пор восхищают нас — и предания о Милоне Кротонском, в один присест съедавшем быка, о Демосфене и Сократе, о Пифагоре — несравненном кулачном бойце, о Геродоте и Леонидасе Родосском, побеждавшем двенадцать раз в трех разных видах состязаний, — все это так, но ведь те же греки, прославившие приверженцами демократии, чуть ли не ее отцами, не допускали к участию в своих Олимпийских играх рабов. Рожденных в неволе или плененных на войне. Спорт средневековья — рыцарские турниры — был спортом господ. И христианская религия не потому всеми средствами боролась против этого дворянского развлечения, что кровь лилась, — попы не раз благословляли крестом потоки крови! Она инстинктивно предвидела, что спорту уготована небывалая роль в жизни человечества, в повседневной жизни, — религия боялась конкуренции. Боялась, что немудрые пойдут мимо храмов на стадионы. И лишь волна атеизма в конце прошлого века позволила спорту утвердиться основательно. Будь воля религии — спорта не было бы. Будь воля властителей — спорту жилось бы неважно. Ибо в спорте происхождение ничего не означает, важна сама личность, и вовсе не важно, рожден чемпион в нищете ли, как Гарриринч, в фамильном ли замке, как лорд Брэгли.

Вот почему спорт занимает такое место в мире. Он демократичен по природе своей и по своему влиянию — тоже. Он уравнивает всех. Уравнивает между собой тех, кто сражается за победу на ковре, на ринге, на стадионе, в бассейне. И уравнивает между собой тех, кто принимает участие в этой борьбе всего лишь как зритель.

Конечно, ни о какой внеклассовости или аполитичности спорта говорить не приходится. Однако сама его структурная основа демократична, и это важно. Так важно, что буржуазия давно уже включила спорт в свою политическую игру.

В том числе постоянным созданием мифов о великих спортсменах, из нищеты взлетевших в мирок миллионеров. То есть, как отмечают американские социологи, «спорт действует как опиум, сохраняющий веру, что люди из низших слоев могут подняться по социальной лестнице вверх через успех в спорте» (журнал «США: экономика, политика, идеология». 1983 г., № 2, стр. 44).

Но буржуазия не в силах подчинить себе спорт, как ранее не в силах были английские короли уничтожить футбол. Спорт перестал быть привилегией имущих классов или образованных слоев. Конечно, нельзя без уважения относиться к олимпийским победам, например, будущего генерала Тофельта, к вкладу в развитие спортивного движения барона де Кубертена или лорда Килланина, но лицо нынешнего спорта определяют не они и не их победы.

3

— Все это любопытно, — отвечает Рыбальченко, — но существует еще моральная ценность спорта для отдельного человека. Спорт формирует личность. И вовсе не обязательно уезжать далеко от Никополя, чтобы в этом убедиться.

— В среде американских спортсменов наряду с лозунгами типа «Еще никто ничему не научился проигрывая» бытует выражение: «Дорога в члены правления фирмы лежит через спортивную раздевалку». Что ты думаешь об этом?

— Также приманка, как и те мифы, о которых ты упоминал. Однако вот на что нужно обратить внимание. Поскольку спорт укрепляет характер, воспитывает в человеке ценнейшие качества, а постоянное, тренируемое стремление к победе, то есть к лучшему исполнению работы, не может пройти бесследно, спортсмен как руководитель должен быть хорош.

— А чтобы найти подходящий пример, придется выехать за пределы Никополя? — спросил я, вынуждая собеседника продолжать.

— Зачем же? Например, известные тебе мастера спорта яхтсмены Вячеслав Ревенко и Илья Нейштадт. Первый много лет работал на инженерных постах в трубопрокатном цехе, сейчас — начальник отдела сбыта завода. Второй — начальник заводской лаборатории резания. Как ты знаешь, каждый на своем месте. Участие в соревнованиях, тренировки, работа в цехах не помешали обоим окончить вечерний институт. Могут еще назвать мастеров спорта: велосипедиста Виктора Нутовцева — старшего инженера в отделе главного механика завода, боксера Николая Трофимова — мастера в трубопрокатном цехе. А помнишь, как на механический завод пришел директором Виталий Егоров?..

Совершенно верно. Вспоминая этого, теперь уже сорокалетнего, а когда-то совсем юного спринтера... Загорелое тело, рвущееся к финишу стометровки... нет, скорее в эстафетном беге... Порыв искренний и радостный... Кстати, в одной команде с ним, обычно на втором этапе, бегал нынешний начальник жилищно-коммунального отдела трубного завода Владимир Коваленко.

Механический завод с приходом директора-спортсмена словно вновь появился на никопольской карте, хотя основан был в прошлом веке. Все буквально ожило, а ранее, как мне говорили в горкоме партии, «вообще ничего не было». Что же касается физкультуры и спорта, то в прошлогодней спартакиаде обкома своего профсоюза завод занял первое место в подгруппе. Нужен спортзал? Средства, чтобы его соорудить, у предприятия, выпускающего мясорубки, цепи и соковыжималки, не было. Нашли выход: взяли шефство над одной из средних школ — в обмен на право пользования спортивным залом.

Команды в городских соревнованиях, группы здоровья, вечера спортивной славы — как и вечера славы трудовой. Повысилась производительность, улучшилось настроение рабочих, ко всему еще — и правонарушений стало значительно меньше. К слову, раньше этот завод как раз по нарушениям трудовой дисциплины, то есть по заурядному пьянству в рабочее время, лидировал в городе.

— Пример любопытный, — соглашаюсь я. — Наверняка будь в хозяйстве этого механического завода стадион хоть сколько-нибудь сносный, не густвовал бы он, жизнь кипела бы на беговых дорожках, и на поле, и на трибунах. А у некоторых предприятий есть все, суще богатство стоимостью, наверно, в миллионы рублей, и эти некоторые не ценят того, что у них есть.

— Ты опять распахиваешь страсти! — смеется Рыбальченко.

Передо мной прошлый номер республиканской «Рабочей газеты». На четвертой полосе опубликовано обращение трубников ко всем коллективам промышленных предприятий, спортивным клубам и физкультурным организациям республики помочь сельским физкультурникам. И подписи Рыбальченко под ним. В числе других. Я не касаюсь общей проблемы, чрезвычайно важной и своевременно поднятой этим обращением. Хвала и честь прекрасной инициативе! Но спустя год, вероятно, не помешало бы столь же гласно подвести итоги этой помощи. И еще кое-что смущает. Например, как могла возникнуть такая цифра? «Сегодня в рядах заводских физкультурников — почти 20 тысяч человек». Буквально так. Это что же, на Южнотрубном заводе занимаются физкультурой и спортом почти все рабочие и служащие? Ну да ладно, суть ведь не в цифрах, а в деле. Одна частность, сегодня — злободневная в масштабе всей страны, которая борется за экономию, бережливость и порядок повсюду. В обращении указано: «В нашем распоряжении хорошая спортивная база — стадион на 12 тысяч мест с футбольным полем и беговыми дорожками». И так далее. Действительно, стадион есть. Но не помешает взглянуть, как он эксплуатируется. С полной ли нагрузкой?

— У тебя о спортклубе «Трубник» сложилось странное мнение, — решительно возражает Рыбальченко. — Ты, к примеру, расхваливаешь всю южнотрубную часть спортклуба.

— Да, потому что это действительно «огнедышащая» часть спортклуба.

— Вообще спортклуб «Трубник» — заметное звено в «Авангарде». Судя сам: легкая атлетика, бокс, самбо, настольный теннис, парусный спорт, стрельба. Немало подготовлено мастеров спорта. Но главное не это ведь? Не только ежегодные заводские спартакиады, но и цеховые и межбригадные. Широта охвата — вот что я считаю его достоинством.

— Разве с этим я спорю? Речь совсем о другом. О хозяйском отношении. Коль есть стадион — вся работа должна быть направлена на то, чтобы до предела загрузить его. Ты же понимаешь, стадион в любом городе — это один из центров городской жизни. Хотим мы того или не хотим, а это — как рука истории. В любом городе стадион — одно из тех мест, которые более всего притягивают к себе людей всех возрастов. Так уж сложилось.

И газон стадиона «Металлург» пора привести в порядок. На страницах «Футбола-хоккея» еще в позапрошлом году мы с тобой уже поднимали вопрос о том, что этот стадион разрушается. Как восприняли критику? Реакция была несерьезной. Обиделись. Но обижаться надо тогда, когда не пишут о ваших успехах, а не тогда, когда пишут о ваших же трудностях. Как бы ни была болезненно воспринята критика, если она справедлива по существу, результат будет. Стадион-то «Металлург» все-таки ожил. Не сравнить ведь с тем, что было два-три года назад.

— В этом пункте я с тобой согласен. Конечно, у страны-труженицы не должно быть балласта вроде неиспользуемых объектов. Не должно быть балласта на балансе страны.

4

«Историей», «приключившейся» с механическим заводом, интересуюсь в горькоме партии. Если свести воедино все, что довелось услышать от секретаря горькома **Клавдии Михайловны Нагорной**, то вырисовывается нечто неожиданное—новый подход к старой проблеме, новый подход к подобным превращениям, новая политика:

— Личный пример руководителя имеет не только нравственное значение. Руководители, для которых выполнение производственных планов любой ценой—все, достались нам в наследство от вчерашнего дня. Обратите внимание: раньше государственный план назывался планом развития народного хозяйства, сейчас—планом социально-экономического развития! То есть для государства важны не только уровень и выполнение производственных заданий, но и социальное лицо предприятия, моральный климат в нем. И поскольку экономические задачи объединены с задачами социальными, значит, мы обязаны требовать от любого руководителя выполнения плана в его полном объеме, в единстве задач экономического и социального развития.

Не за одно лишь производство сегодня спрос с ответственного руководителя, но и за все то, чем обеспечивается производство и что сопутствует ему. Социальное лицо предприятия—это и степень его оснащения учреждениями культуры, библиотеками, детсадами и яслями, медицинскими службами, бытовыми системами, подсобным хозяйством, это и качество контакта с учебными заведениями—техникумы ли это, профтехучилища или средние школы. И, естественно, многое другое.

Мы в Никополе поставлены в такие условия, что любой завод у нас вынужден черпать недостающую рабочую силу внутри города, приток со стороны крайне незначителен. Поэтому каждое предприятие должно быть заинтересовано в создании такого своего лица, которое было бы привлекательным. Прежде всего для юношей и девушек, вступающих в жизнь. Спорт в школах нашего города, как вы знаете, развит достаточно хорошо, и юноша или девушка, окончив школу, ждут, что и на новом месте деятельности, чаще всего на трубном заводе, на заводе ферросплавов, на краностроительном, им будут предоставлены условия для занятия спортом не худшие, чем в школе.

Это ведь так понятно! Хотя людям нашего поколения, а большинство руководителей как раз и принадлежит к этому поколению, понять подобную постановку вопроса порой трудно: нам выпало в юности совсем другое, о спорте ли мы тогда думали... Нет, конечно, что-то было, хотя даже сравнивать с нынешними условиями как-то неловко.

Вовсе не обязательно, чтобы сам руководитель бегал кроссы и играл в волейбол,—важнее, чтобы он понимал те новые требования, которые предъявляются к современному заводу и его руководителю. А если уж и личный пример—это просто прекрасно. Потому что личный пример руководителя в сильной степени влияет на моральный климат в коллективе, а без хорошего морального климата выполнение производственных планов затруднительно. Это проверено и временем и опытом.

Мы, в горькоме партии, всеми силами и средствами партийного воздействия поддерживаем и поощряем тех руководителей, которые идут в ногу со временем, а еще лучше—опережают его. И со всей неизбежностью в таких случаях строго спрашиваем с тех, кто продолжает работать по старым рецептам, не учитывает происходящие в людях изменения, с тех, кто пытается не замечать, как вырос наш человек в сравнении со вчерашним днем, каким широким стал его внутренний мир. В Никополе руководители крупнейших предприятий по-разному относятся к спорту, но время берет свое, заставляет поворачиваться к нему лицом, а не спиной, как это можно было делать еще вчера, когда план был лишь планом чисто производственным.

Проблема рабочих кадров—чтобы решить ее для того или иного предприятия бесповоротно, раз и навсегда,—требует подхода, учитывающего все. И спорт в этом плане—наравне со всеми другими слагаемыми. По этой причине мы—за всемерное развитие в городе спорта. А как же иначе?

5

Рыбальченко знаком с точкой зрения секретаря горькома партии. Но вдруг говорит:

— Нынче как получается? Окончив школу, молодой человек спешит не на стан, а официантом в ресторан. Ты когда-нибудь обращал внимание, что никопольские ресторанные официанты сплошь и рядом выпускники нашего металлургического техникума? А профессия металлурга, что же, становится непрестижной?

Чувствую в его голосе горечь и удивление. Голос выдает чувства. Каждый мастер своего дела считает свою работу не только важной, но и принципиально необходимой, престижной в полном смысле этого слова. Я возражаю, может быть, из уважения к собеседнику, хотя и сам в последние годы наблюдаю нечто подобное. Но почему—из уважения? Я ведь не верю в это, не могу согласиться, что профессия металлурга теряет свою притягательность для никопольских парней, свою привлекательность в глазах юношества. И я решительно возражаю:

— Нет, нет! Настоящий мужчина—мужчина как характер—ищет настоящей мужской работы. Как в свое время искали ее вы, нынешние пятидесятилетние. Как вопрос чести.

6

Шесть лет назад, отслужив в армии, вернулся в Никополь мой юный друг **Владимир Вялый**. Пришел ко мне и говорит: «Хочу работать во втором трубопрокатном цехе на стане холодной прокатки труб. Помогите устроиться». «Но почему именно туда?—удивился я.—Ты хоть знаешь, что там за работенка?» Ответ был несколько неожиданным для меня: «Как вы не понимаете? Я же не буду уважать себя, если не буду делать мужскую работу».

Что он теперь думает о своей мужской работе, спустя шесть лет? Ведь я же знаю, чем насыщена его рабочая смена. Чаще всего ему приходится работать на семнадцатом стане, самом, мягко говоря, нелюбимом: там вальцовщикам достается порядком, попробуй-ка «поиграть» вручную с заготовками весом в полтора центнера, не дошла еще механизация до этого стана.

— Володя, ты помнишь, как однажды говорил о том, что перестал бы уважать себя, если бы делал какое-то такое дело, которое...

— Я и сейчас так считаю,—спешит он с ответом.—Это мое убеждение. Хотя вы знаете, что я безумно люблю спорт. Борьбу и футбол.

— Вообще-то я ожидал, что ты станешь тренером.

— Но вы же знаете, что меня эта работа не привлекала.

— Верно. А вот в цехе тебя ценят. Но давай начнем разговор издалека?

— Понятно. Я потратил столько времени на тренировки, отказывая себе в том, что для других было... ну, можно сказать, удовольствием. Время—это не часы ведь, а годы, так? Пусть я не добился в спорте выдающихся побед...

— Но ты был чемпионом области, призером республиканских соревнований, разве этого мало?

— Вы считаете, что не мало? Хорошо. Так вот, затратив годы, я получил награду—за режим, за жизнь порой на колесах, вдалеке от дома. Звание мастера спорта. Как моральное удовлетворение. Как свидетельство того, что я многое могу.

Этот парень—самый никопольский никопольчанин. И не только потому, что родился он в Никополе. Вальцовщик стана ХПТ, а это первая из ведущих профессий в городе, передовик производства, группкомсорг, страстный мотоциклист, прилично играет в шахматы, превосходно плавает, школьником был чемпионом города по настольному теннису, ловко управляет моторной лодкой, «выписывает фигуры» на водных лыжах, не обучавшийся музыке, способен подобрать любую песенную мелодию на баяне. Всем, кто общается с ним, искренне симпатичен,—каким еще должен быть самый никопольский никопольчанин? К тому же мастер по одному из двух самых престижных в Никополе видов спорта. Работая по-сменному, тренировался, участвовал в разного рода соревнованиях и добился своей цели.

Я знаю, за что он любит спорт. За то же, за что его любим мы с вами.

Нематериальность спорта. Любой результат—неосязаемый, неповторимый, он существует одно мгновение, но какое мгновение! Способное вознести все душевные силы человека на высочайшую нравственную вершину. Да и зритель, не только сам спортсмен, идет на соревнования ради этого мгновения, которое никогда не повторится. Можно добиться большего, но того уже не будет. Можно соорудить два одинаковых дома, повторить спектакль, изваять две скульптуры...

Он подкашивает:

— Прокатать несколько одинаковых труб из какого-нибудь труднокаемого сплава.

Но прыжок Яценко или шайбу Харламова, да и рядовой гол на никопольском стадионе не повторить. Этого мгновения вторично не переживешь. Оно един-

ственное. Оно таким единственным и остается в нашей придирчивой памяти.

Как и все, он мечтал играть в футбол, даже занимался у одного замечательного никопольского самоучки, давшего высшей лиге нескольких известных футболистов, игроков сборной. Но старший брат увлек борьбой. И все-таки без футбола не может. Играя в первенстве города, он весь горит жаждой игры. Иногда прихожу посмотреть, как он забивает свои голы—уж слишком красочно он их потом описывает в устных рассказках. Игра доставляет ему обычную человеческую радость, но окрашенную теми переживаниями, о которых я уже говорил. Хотя матч нередко проходит утром, он и после ночной смены спешит на поле.

При сменном режиме деятельности заводских цехов у спортсменов, работающих на производстве, немало трудностей, хотя они обычно преодолимы. Там, где есть понимание более широкое, чем пролет цеха. Конечно, никто не освобождает спортсменов от того, чтобы они готовились к соревнованиям, тренировались,—на все это уходит свободное от работы время. Зачастую и на соревнования не отпускают—чаще всего это зависит от объема производственных заданий и наличия рабочей силы. Охотнее идут навстречу тем, кто работает неважно, ущерб от освобождения в таких случаях обычно незначительный, но вот у тех, кто отдает работе на стани или на печи всего себя, возникают сложности. Своего рода парадокс? Да как сказать. Вот и приходится иметь в виду, что существует два отношения к спортсмену—как к человеку незаурядному, ценному для коллектива, и как к единице штатной, столь же ценной для производства. Думаю, что не случайно мой собеседник нередко проводит свой выходной день, выступая на каких-либо соревнованиях за цеховую команду. Иначе не получается.

— Ну, хорошо,—говорю я,—это все можно пережить, тем более, что ты уже недействующий борец, перешел в разряд физкультурников. А вот вопрос принципиальный. Что дал тебе спорт, кроме значка мастера спорта?

— Он же воспитывает. Что тут думать? Учит честности, а это и в жизни важно. Потом—жажда борьбы. В обычной ведь жизни без нее тоже не обойтись. Спорт дает друзей—без них нельзя. А потом... Он предоставляет возможность увидеть, как говорят, белый свет. Где только мы не побывали на соревнованиях... Что другое может позволить юноше объездить... ну, хотя бы... нашу республику? В итоге—любовь к путешествиям. Разве плохо?

— Согласен. А еще?

— Самое главное вот что. Во-первых, дисциплина. Я бы сказал, любовь к порядку. Во-вторых...

— И это самое важное?

— Самое из самых-самых! Спорт учит патриотизму. Верности как всей стране, так и своему городу. Своей команде. А наша команда—вся страна. Когда над притихшими зрителями, на какой-то миг забывающими о самих себе, торжественно всплывает красное полотнище с серпом и молотом, и я вижу этот флаг моей Родины, провозглашающий победу моего соотечественника, и слышу, как сквозь величественную мелодию гимна моей страны прорываются звуки литавр,—я всегда говорю: спасибо спорту. Спасибо спорту, который доставляет мне, зрителю, эти торжественные минуты. Независимо от того, в зале ли я, на стадионе или у экрана телевизора. Мы все равно втроем: Родина, победитель и я. Потому что мы едины в этом маленьком празднике победы. Мы все ведь работали на нее. Вся страна. Или весь город. Мой город. Моя команда.

7

Смотрю на него и задаю себе вопрос: а есть ли еще молодые мастера спорта, работающие на производстве? Кроме вальцовщика **Владимира Вялого**, сидящего передо мной? Пусть, по бытующему выражению, уже недействующие спортсмены, но—так или иначе—мастера спорта, звание-то вечное.

— Сколько у вас в цехе мастеров спорта? Не тех, которые только числятся. Бывает же такое? А отдающих работе столько же времени и сил, сколько ты?

— Можно сосчитать.

— Давай попробуем.

Механик цеха байдарижник **Григорий Панкеев**. Есть еще городошник, тоже механик **Борис Айкашев**. Еще один городошник **Станислав Святоха**—расточник. Термист—тяжелотлет **Даниил Жерновский**. Несколько слесарей—в их числе боксер **Александр Парфенюк**, стрелок **Ким Штейн**. Все—мастера спорта.

— Между прочим, начальник цеха у нас—бывший игрок сборной города по гандболу,—напоминает собеседник.—Хоть и не мастер спорта.

Верно, очень спортивный человек и способный администратор **Александр Куценко**. И вовсе, выходит, не случайно этот цех систематически побеждает в заводских спартакиадах?

— Где работают борцы **Николай Олищук** и **Юрий Малахов**?

— Горновыми на заводе ферросплавов.

ЧТОБЫ СМАСТЕРИТЬ ДЕЛЬТАПЛАН, НАДО БЫТЬ И КОНСТРУКТОРОМ, И МЕХАНИКОМ, И СПОРТСМЕНОМ.

ЗАВТРАШНИЕ «ДВАЖДЫ МАСТЕРА» — ЮНЫЕ ГИМНАСТКИ ДЕТСКОЙ СПОРТИВНОЙ ШКОЛЫ.

Там же горновым работает боксер Константин Чекалов. На том же заводе огнеупорщиком — велосипедист Николай Капитанов, слесарем — альпинист Василий Бойко. На краностроительном заводе в чугунолитейном цехе электросварщиком — борец Юрий Топчий. Борец Евгений Черный — изолировщик в строительном управлении. Все тоже мастера спорта.

— Есть еще шоферы.

— Правильно. Хотя бы борец Виктор Руженко и яхтсмен Александр Торин. Кстати, последний был чемпионом СССР среди юношей.

— А портрет городошника Евгения Юркевского в почетном ряду на проспекте возле Дворца культуры? Он работает прессовщиком горячих труб в третьем цехе.

В общем, мы насчитали сорок мастеров спорта, работающих вальцовщиками, шоферами, слесарями, электриками, термистами, токарями, горновыми, машинистами тепловозов, инженерами.

— На Доске почета краностроительного завода тоже есть фото мастера спорта, — подсказывает Вялый. — Яхтсмен Александр Анистратенко — бригадир сборочного цеха. Сорок первый.

— Нет, — добавляю я. — Сорок два. Есть ведь еще городошник Иосиф Святоха, бывший кантовщик на печи в трубопрокатном цехе.

8

Не в звании «мастер спорта» дело. Важно, что подавляющее большинство из них — передовики в своих рабочих коллективах. Что они служат примерами не только в труде, но и в том, что мы именуем нравственностью.

Конечно, все они разные, никопольские мастера спорта.

Виктор Руженко — порывистый, неугомонный: «Спорт спас меня. Не верите? У меня неприятностей бывало много, и на работе тоже. Из-за моей неорганизованности. Совсем разочаровался в себе. Друг, тренер по борьбе, посоветовал: займись спортом, приходи ко мне. Я пришел, понравилось. Я же до армии занимался борьбой, но потом... Понимаете? Вот кое-что все-таки получилось. Себя не узнаю. Работа работой, но спортзал — обязательно. Все равно он в моем графике. Получаю наслаждение. Ко всему стал относиться по-другому. Не так, как раньше. Не представляю, что было бы, если бы я тогда не пришел... вернее, не вернулся в спортзал».

Николай Олищук — степенный, спокойный: «Борьбой начал заниматься, еще учась в техникуме. Окончив техникум, сразу попал на печь. Работа изматывала. Меня — тогдашнего. Но я все равно бежал в спортзал, на тренировки, участвовал в соревнованиях. Выигрывал, проигрывал, но стремился не терять

пульса жизни. Сейчас работаю плавильщиком на печи, семья уже есть, двое детей, но все равно строю свои планы так, чтобы хоть три раза в неделю провести по полтора-два часа в спортзале. Еще и в соревнованиях выступаю».

Александр Парфенюк — резковатый, общительный: «Работаю на ремонте металлургического оборудования. Бригада — на несколько цехов. Прорывы бывают, так что нам достается. Не знаю, выдержал бы все эти нагрузки, если бы бокс не научил меня перегрузкам. Боксеры ведь люди привычные к однообразному и тяжелому труду. Так что у меня все в порядке».

9

Обращаюсь снова к Анатолию Рыбальченко. Он отвечает:

— Дело, конечно, не в том, что человек должен обязательно быть мастером спорта. Просто человек, занимавшийся спортом, — пусть его как спортсмена знают лишь в городе, совсем не повсюду, — уже человек нового характера. Я вовсе не хочу сказать, что он лучше других, он просто иной. В общем нашем строе не все люди одинаковы, да это было бы вредным. Социализм как раз и развивается в людях их внутреннюю разность. Хотя одновременно с ней обязательно общую социалистическую сущность. Ты заставил меня говорить таким ученым языком, что я уж думаю: не написать ли мне диссертацию! Вот эти люди, о которых мы говорим, иные, потому что в них многие качества развиты и сильнее и сложнее, чем у остальных. Прежде всего — чувство коллективизма. Да, каждый из них боролся или борется, сражался или сражается за свою личную победу, но она, эта его личная победа, всегда была необходимой... понимаешь, необходимой?.. и органической частью победы коллектива. Команды, которая является коллективом, представляющим коллектив больший — цех ли, завод ли, город. В спорте нельзя — сам по себе. Обязательно ты чей-то. Обязательно ты за кого-то. Во-вторых, умение бороться. Умение мобилизовать себя, когда это необходимо. Все это воспитывается годами, тренировками, соревнованиями. И спорт воспитывает эти качества лучше всего. За одного битого двух небитых дают? Не надо нам этой сомнительной морали. Человек создан для побед, а не для поражений. Они неизбежны, эти поражения, верно, но не они сущность человека. Эти же сорок два — победители. Знаюк мастера спорта не получишь, проигрывая. Значит, они выигрывали. Но выигрывали они не одни те турниры, которые приносили им признание, себя они еще выигрывали. Каждый из них знал, что за всеми победами, за пределами ринга или акватории, ковра или легкоатлетического сектора, идет простая жизнь, в которой есть его место, и оно должно быть достойным и полезным. Быть полезным и себе самому

ХОРОШО ПРИЙТИ СЮДА ПОСЛЕ СЛАВНОГО ТРУДА!

ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА АНАТОЛИЙ РЫБАЛЬЧЕНКО: СТАН НЕПРЕРЫВНОЙ ПРОКАТКИ ТРЕБУЕТ НАПРЯЖЕННОГО ВНИМАНИЯ — ОНО НЕОБХОДИМО И ПРИ ПРОВЕРКЕ ТАКЕЛАЖА ШВЕРТБОТА.

**МОТОБОЛ В НИКОПОЛЕ —
ТРАДИЦИОННЫЙ ВИД СПОРТА.
КОМАНДА «ТРУБНИК» НЕ РАЗ
ВЫИГРЫВАЛА СОРЕВНОВАНИЯ ДОСААФ.**

и стране — такова первая заповедь. Это не красивые слова. Рассказы о спортсменах-индивидуалистах? Это вы, литераторы, их выдумали. В действительности каждый спортсмен не забывает о коллективе, потому что думает о своем будущем. И поскольку так или иначе он воспитан в духе коллективизма и патриотизма, он и во время своей спортивной карьеры и после ее завершения хочет быть полезным.

10

Не следует смешивать патриотизм хотя бы городского масштаба с местничеством. Местничество — это стремление любыми способами взять себе то, что по праву принадлежит другим или должно быть завоевано другими. Патриотизм — стремление в открытом, честном бою завоевать то, что по тому же праву принадлежит твоему городу. Не думаю, что олимпийский чемпион Юрий Седых или серебряная медалистка Олимпиады Анна Ростова, игравшие в сборной СССР по футболу Леонид Шмуц и Сергей Шавло, чемпион Спартакиады народов СССР Владимир Игнатенко или чемпион Европы Николай Петренко не испытывают теплых чувств к Никополю, к городу, который открыл им дорогу к победам, к известности, да и к тем людям, которые помогли сделать первые шаги в спорте.

Спорт — естественный спутник индустриальных центров. В среде рабочего класса вырастают чемпионы разных рангов, не отрываются от этой трудовой среды, живут в ее гуще, ее заботами и мечтами, идеями и праздниками, работают, и работают отлично, служат примером и для старших и для младших. Их встречаешь в цехах, на прокатных станах и на сборке кранов, не только в спортзалах или на стадионах.

Нетепличные ребята, знающие пот труда и вкус победы. Пот труда на тренировках и на вальцовке, вкус победы на чемпионатах и на плавильной печи. Вот что особенно привлекает в них. Они — явление. Безусловно, новая рабочая формация социалистического рабочего класса. Они научены большему, чем их сверстники. Они и сильнее, потому что лучше других знают цену и поражения и победы.

11

И эти мальчишки — тоже. Борцовский зал на горе, возле спартаковского стадиона. Может быть, тесновата раздевалка, но сам зал с огромными окнами, наполненный светом и покрытый упругими коврами, прекрасен — светлый, юный и жизнелюбивый мир, пропитанный каждодневным трудом. С усилием веришь, что эти вот веселящиеся, бойкие мальчишки, и пообтершиеся в мире спорта двадцатипятилетние мужчины, и с уже устояв-

шей жизнью тридцатилетние каждое утро спешат из своих теплых домов на тренировку... нет, это даже еще не тренировка... всего-навсего физзарядка... на свежем воздухе — на дамбе ли, на пляже... и зимой и летом... физзарядка в половине шестого утра. Тренировки будут позже — днем или вечером. Выдерживают не все, но выдерживает большинство.

Как вот этот Сережа Назаров. Крепкий, гибкий, застенчивый и молчаливый. Учится в техникуме, будущий горновой на заводе ферросплавов. В течение десяти лет ежедневно в половине шестого утра бегать на физзарядку за три километра от своего дома? Но ведь другие могли? Значит, сможет и он. Почему сможет? Он уже выдержал свой первый экзамен — хотя бы на волю. Такие испытания не проходят бесследно в юношеском характере.

Как Сережа Малахов. Вот он, как говорят в нашем крае, «струнный», подвижный, растущий, с неизменной улыбкой. Тоже будущий горновой. Совсем не похож на старшего брата, да и весовые категории, как говорится, уже разошлись.

Они станут мастерами спорта, эти будущие, завтрашние горновые. Значит, новая рабочая формация постоянно пополняется.

12

Для сюжета нужен конфликт. Раньше к бывшему или действующему спортсмену на производстве чаще всего относились с прохладцей, в лучшем случае настороженно. Но времена изменились: теперь их ценят и бригадиры и товарищи по работе. Кроме того, что каждый из спортсменов отдает коллективу свои силы, он вносит еще нечто чрезвычайно важное для того же коллектива — дисциплину. И надежность характера.

Спортсмен в рабочем коллективе. Не исключено время, когда именно такого склада и образа жизни рабочие станут преобладающей группой в нашем рабочем классе. Налицо явление — неизбежное, подготовленное, обусловленное логикой нашего современного развития.

Невозможно не любить мир спорта. Мир, в котором молодость — этот вечный цвет жизни — проявляет себя полностью. Спорт предоставляет любому человеку право продемонстрировать не только свои возможности, но вообще — на что способен человек. Не обязательно каждый должен подняться на высочайшую вершину, это и невозможно: на ней всем не поместиться, — но в жизни есть немало других вершин. И когда молодые люди настойчиво, не считаясь со временем и тратой сил, найдя свои вершины, достигают их — это уже прекрасно. Потому и прекрасен мир спорта. Спорт — поле всеобщее, в этом его достоинство. Он и в социальном плане явление, заслуживающее пристального внимания и тщательного изучения.

Отяжеленная металлом и кровью многих войн, земля безропотно прижимала в себя осколки, глушила собою отзвуки битвы...

Виктор АСТАФЬЕВ

Капитан бежал по картофельному полю. Сперва хрупала, хлопала, всхлипывала под сапогами крепкая ботва. Потом стала липнуть к сапогам жирная земля. Он бежал уже по обработанному комбайном участку. Тем самым комбайном, что вместе с клубнями выворотил из земли снаряд. Капитан снаряда еще не видел. Колхозники не позаботились об охране, и когда приехали саперы, снаряды на месте не оказалось. В растерянности опешили все. Кроме капитана Чаплинского. Он увидел: вдалеке, на опушке леса, мальчишки разводят костер. И побежал.

Он не слышал хрста ботвы. Не чувствовал, как с каждым шагом тяжелеют сапоги. Не слышал. Не чувствовал. Не думал. А бежал. Быстрее, быстрее, быстрее. Туда, где занималась пламя костра.

Увидев приближавшегося капитана — от сапог летела в разные стороны земля, комочки налипли на черных усах, на мокром от пота лбу, — мальчишки, забыв о костре, врассыпную кинулись в лес.

А он их не видел. Он видел лишь занимавшееся пламя костра. И в нем — снаряд. И выхватил его из костра. И, усилием воли сдержав дыхание, уняв дрожание рук, в считанные секунды обезвредил взрыватель. Так и есть: снаряд был стреляный, прошедший канал пушечного ствола — на медном кольце остались рубцы. Снаряд второй категории опасности. Такие и встречаются на полях. Одиночные и самые опасные. На складах лежат нестреляные, с гладким медным кольцом.

Капитан медленно шел по картофельному полю, держа перед собой остывающий снаряд из костра. Теперь он чувствовал, как тяжелеют с каждым шагом сапоги от липнущей к ним земли. Теперь он слышал за спиной говорок испуганных мальчишек. Теперь он чувствовал глухие удары у себя в груди, ближе к левой руке.

На поле, обработанном комбайном, он взорвал этот снаряд.

И вернулся на опушку леса. И сидел на пеньке, щепкой счищая землю с сапог. И дождался мальчишек, с опаской приблизившихся к нему.

Он молча смотрел на них. И молчали, потупившись, они.

— Что же вы делаете? — наконец выдохнул он. — Жизнь не дорога?

Я слышал однажды такие же слова. И видел бегущего по пустырю офицера. И у него тоже были черные круги под глазами. Он увел тогда нас с пустыря и вызвал саперов. И саперы взорвали желто-синие шарики-гранаты, которыми мы играли на пустыре. Противопехотные гранаты японского и итальянского производства. Гранаты со взрывателями. Готовые к бою. Сам он не мог их взорвать. И вызвал саперов. А нас увел. И тоже долго молчал. И мы молчали.

— Что же вы делаете? Жизнь не дорога? — сказал нам тогда мой отец. И добавил: — Матери ни слова.

Это было... Когда же это было? В первый послевоенный год, тридцать семь лет назад. Мы были мальчишками военного поколения. Знали, как опасны гранаты. Но таких красивых желто-синих шариков никогда прежде не видели и не знали, что это гранаты. Впервые увидели на Сахалине.

А капитан Чаплинский родился спустя восемь лет после войны. А мальчишки, которых он спас и спасает постоянно, родились спустя четверть века после войны. Третье или четвертое послевоенное поколение? Они бы должны были видеть гранаты, снаряды и мины только в кино. Но они находят их — настоящие — в раненой белорусской земле.

Бедовый народ мальчишки. Им интересно увидеть взрыв. Положат ржавый снаряд или гранату в костер, убегут, спрячутся и ждут взрыва. Час, бывает, ждут, другой, уж затухнет костер. Безопасно, решат, и подходят. А он, снаряд, только-только прогрелся — понастоящему. Как узнать, когда он жажнет?

Ни одного случая подрыва саперов за десяток лет. Но война тянет через годы свои смертоносные щупальца к незнающим и грозит мальчишкам третьего-четвертого послевоенных поколений. Как и кто осушит слезы их матерей?

...В аэропорту места назначения встретил меня майор с редкой фамилией, которая, уверен, у каждого его нового знакомого оставляет теплое чувство, — его фамилия Октябрь. По дороге в часть, естественно, разговорились. И рассказал майор такой случай. Давно уж, правда, то было. В другой части служил лейтенант Октябрь. И на очередном разминировании столкнулся впервые с фауст-патронами. Как положено, вывез подальше в поле и, соблюдая, кажется, все меры предосторожности, приступил к уничтожению. А они, проклятые «фаусты», стали разлетаться и сухой лесок подожгли. Добежали с водителем, с помощью подоспевших колхозников всем, что на себе было, пожар загасили. Так опыт появился: когда «фаусты» уничтожаешь, еще на пару сотен метров расчет надо делать. Давно то было. А сейчас майору Октябрю 34 года. Первое послевоенное поколение.

— Рановато все же вы к нам приехали, — уже в части сказал майор. — Вот весна разгуляется, пахота начнется, развернется фронт строительных работ, так и пойдут вызовы: то здесь, то там взрывоопасные предметы.

Весна в этом году ранняя выдалась. Пока ехали вдоль полей, птичек пляшущих на них заметили. Еще в старину говаривали: птички на полях заплесали, во весь опор к пахоте готовься.

Рановато, значит, приехал? За четыре дня пребывания в части трижды довелось выезжать на разминирование с капитаном Чаплинским и рядовым Зейканом...

На переднем бампере машины «ГАЗ-66» крупными яркими буквами написано «РАЗМИНИРОВАНИЕ». На крыше кабины — мигалка, потому что не всегда сопровождают машину работники ГАИ, только при крупных разминированиях. Кузов под брезентом. На полу насыпан толстый слой песка — «подушка».

За рулем рядовой Степан Зейкан. Рядом с ним капитан Вячеслав Чаплинский. В кузове, на деревянной скамейке, спиною к ящику с песком сажу я, перодевший в бушлат и ватные брюки.

У офицеров и солдат инженерно-саперной службы — служба многообразная. Воинских обязанностей не перечислить. И мирных тоже. Строителям помогают часто — и ломать и строить. Подрывной и строительной работы непереворот. А разминирование — обязанность как бы дополнительная. Лишь несколько офицеров сейчас ее выполняют. Все они окончили военно-инженерные училища и каждый год на сборах проходят специальную подготовку. Постепенно готовят себе смену. Капитану Чаплинскому в этом году стукнет 30, он уже ветеран. Как и капитан Геннадий Евдокимов, которому скоро будет 29. А старший лейтенант Александр Богач (ему 25) уже как бы из следующего поколения офицеров, возглавляющих группы разминирования. Но все они — первое послевоенное поколение.

Заявки на разминирование поступают в часть, выполненные по всей форме. Как только обнаружен где-то и кем-то — строителями, дорожниками, колхозниками — взрывоопасный предмет, место огораживается, сообщается в военкомат, оттуда в часть, и не позже чем в течение трех дней должна прибыть группа. Но бывают и срочные вызовы — по телефонному звонку. По такому звонку из милиции мы сейчас и едем. В старом районе областного

центра мальчишки нашли мину. Опять мальчишки. И, значит, никакой задержки. Значит, выезд мгновенный.

Вечно живущий в народе опыт страшных войн: прежде всего спасать детей. Спасать будущее народа. Будущее самой жизни.

Убегали вдалеке леса и поля. Убегали и мысли, не связанные между собой и с целью поездки. Но задержалась одна — о том, что у сына сегодня день рождения и вечером надо позвонить. Ему исполняется 17, второе послевоенное поколение. А сколько тем мальчишкам, что мину нашли, к кому мы спешим?

Городские окраины, центральные улицы. Умилиться тому, что мирная жизнь идет своим чередом, что люди спешат кто куда, ждут на остановке троллейбусов? Чего ж тут умиляться? Мирная жизнь потому и прекрасна, что она мирная и что она жизнь.

А где-то около мины нас ждут мальчишки...

Редкий прохожий не обернется вслед машине, на которой написано «РАЗМИНИРОВАНИЕ» и на крыше кабины — мигалка. Посмотрела нам вслед женщина, понимающе покачала головой.

Не к ее ли внуку мы сейчас спешим? Нет, говорят, в Белоруссии семьи, не потерявшей кого-нибудь в войну. А в земле до сих пор находят снаряды не

изымать подобные экспонаты. Учителя ахали, за сердце хватались. Какой уж с мальчишек за глупость и беспечность спрос? А жизнь-то у каждого одна... Как и кто осушит потом слезы матерей?

Учителя, родители! Вдумайтесь, прислушайтесь! Не шутят ведь саперы, беседуя с вами!

В 1981 году саперы Н-ской части уничтожили около десяти тысяч взрывоопасных предметов. В 1982 году, самым благополучным с этой точки зрения, — более 1200. За первые месяцы 1983 года — уже более 1200.

Весна хоть и выдалась ранняя, пахота тогда еще не начиналась. Рановато, значит, приехал?

За четыре дня — три выезда. А весной и осенью каждодневно воюют саперы со снарядами. Воюют офицеры первого послевоенного поколения. Воюют солдаты второго послевоенного. Воюют, спасая, уберегая мальчишек третьего-четвертого поколений.

Кто же они, воюющие с войной?

Капитан Евдокимов родом из села Центрального, что в Николаевской области. Там и сейчас живут его родители, отец — шофер, мать — бухгалтер. Закончил Калининградское училище, в Н-ской части служит уже восемь лет, шесть из них постоянно ездит на разминирование. На его послужном, боевом сче-

ВЗРЫВЫ

только с Великой Отечественной, но и с первой мировой...

Затрясло кузов: въехали в старый район города, одноэтажные домики здесь, каменные и деревянные. А дороги — хуже не бывает. Трясет кузов, обеими руками за скамейку держись. Лишь песочная «подушка» не шелохнется. Будет ли мина лежать на ней на обратном пути?

На улице Коваленко, 50, «она» лежала у обочины, прикрытая тряпкой. Мальчишки показали, и отослал их капитан. Уходили нехотя, оборачивались. Когда далеко ушли, капитан снял тряпку, осторожно взял «ее» в руки. Ржавый шар, и от него три хвостика в разные стороны. Улыбнулся и осторожно положил в кузов.

— Никакая это не мина, — объяснил он. — Муфта, что ли, старая от водоразборной колонки. Или газовики деталь забыли. Но мальчишкам — ни-ни! Лучше пусть лишней раз вызовут, чем настоящей миной баловаться начнут.

Мальчишек поблагодарили, сказали, чтобы были и впредь бдительными. Уехали.

А мальчишки погибают. Каждый год. Завтра в военкомате районного городка, куда выедем мы на разминирование, расскажет пожилой прапорщик Василий Матвеевич Кримазов, что не так много, к несчастью, бдительных мальчишек, как те, с улицы Коваленко.

Да и взрослые по глупости начинают порой сами с взрывоопасными предметами орудовать. Браконьеры пытаются тол из них выплавить, чтобы рыбу глушить. «Рачительные» хозяева в домашних мастерских под верстаки приспособивают снаряды, что побольше. По радио без конца предупреждают, разъясняют, как поступать надо при обнаружении взрывоопасного предмета. В газетах о том же пишут. По школам, по деревням ездят саперы с беседами. В ежегодной сводке о количестве разминированных предметов есть графа, в которой учитывается количество бесед с населением.

А мальчишки... Да и взрослые...

Зашел однажды в школу провести беседу капитан Евдокимов. Показывают ему стенд с «музейными» экспонатами. Мины, гранаты, снаряды... все неразминированные. По городам и деревням, в каждую школу ездил потом саперы

Н

Валерий ВИНУКОВ,
специальный корреспондент
«Смены»

ту — более пяти тысяч уничтоженных взрывоопасных предметов.

В части есть специальная карта, на которую наносятся все точки разминирования. Создалась на карте широкая полоса, по которой можно изучить, как шел фронт в годы нашей Великой войны. Девять месяцев стоял он, к примеру, по речке Проне. Туда и приходилось часто выезжать саперам. А добираясь в райцентр, пересекли мы места, где в войну проходили бои в ходе знаменитой операции «Багратион».

Однажды вызвали саперов в обычный дом в районном городке, дом, построенный на крепком каменном фундаменте. Решив расширить чуть погреб, наткнулась хозяйка на бетонные стрелки, похожие на хвост от ракеты. Теперь-то все ясно Евдокимову, а тогда пришлось помучиться. В конце войны фашисты стали пользоваться бетонными бомбами. Глубоко зарылась такая бомба в землю и почему-то не разорвалась. Когда строили фундамент, подумали, видно, наткнувшись на бетонную боковину бомбы, что это обычный камень. Так и стоял дом на бомбе, пока погреб не показался хозяйке маловатым.

Согнувшись в три погибели в погребе, выбивал Евдокимов эту бомбу. Угол лечи разворотил, пока выбивал. На все долгие часы его работы пришлось эвакуировать школу, что напротив дома, банк и сберкасса, что рядом с домом, соседей из близлежащих домов.

Вообще-то для разминирования авиационных бомб надо вызывать группу из округа, у которой есть специальное замораживающее устройство. Когда время терпит, так и поступают саперы части. Но время часто не терпит, особенно тогда, когда находишь бомбы неожиданно — вызов был на снаряды или мины, а тут бомба обнаружилась.

Старшему лейтенанту Богачу — повезло или не повезло, как считать? — за три года, что ездит он на разминирование, пришлось уже ликвидировать 15

А ПАШЕНЕ

ЭТОТ СКЛАД ВЯЧЕСЛАВ ЧАПЛИНСКИЙ РАЗМИНИРОВАЛ В ПРОШЛОМ ГОДУ.

взрывом птички. Заплясали на поле. Пахота скоро.

...Машина с надписью «РАЗМИНИРОВАНИЕ» на переднем бампере, сопровождаемая пичьеголосой ватагой мальчишек, медленно петляет по асфальтовым дорожкам нового микрорайона областного центра, куда мы вновь примчались по звонку. Примчались потому, что в опорном пункте охраны общественного порядка нас ждет граната, найденная мальчишками.

Во дворе людно. Послеробочее время. Вот-вот спустятся сумерки и опустеют лавочки у подъездов, где сейчас, после трудового дня, присели поболтать соседки. Дежурного милиционера нет еще: не ожидал, видно, что мы так быстро подъедем. Выбираемся из окруженной мальчишками машины. Узнав о цели нашего приезда, женщины на лавочке пускаются в воспоминания. Сколько они помнят случаев — опасных, порой роковых — о «встречах» с взрывоопасными предметами. Начинена гранатами да минами раненая белорусская земля. Живая наша земля.

— Дяденька, это вы на кладбище разминировали? Я по усам вас узнал. — Это парнишка посмелее обращается к Чаплинскому.

— И фамилию помнишь? — спрашиваю.

— А как же! Я потом и в газете читал.

— Народ знает своих героев, — шепчу Славе на ухо. И испытываю чувство гордости: стою рядом с капитаном, кавалером ордена Красной Звезды, и сам в бушлате.

Когда-то это кладбище было на окраине города. Теперь он разросся, метрах в трехстах от кладбища вырос этот новый жилой массив. По вязкой глине подходим к черному гранитному обелиску с надписью, сообщающей о том, что здесь покоятся останки 20 тысяч мирных советских граждан, погибших от рук фашистов. Капитан отходит от памятника влево метров на десять и жестом руки очерчивает по воздуху совсем небольшой квадрат: на такой площади и лежали проклятые снаряды. Целый склад — 1200 штук — в трехстах метрах от жилых домов.

Что такое 1200 снарядов? Это шесть грузовиков, если уложены снаряды в заводской упаковке. А если они выкопаны из сырой глины и надо укладывать их на песочной подушке так, чтобы не прикасались друг к другу? Хотя и не прошли они канал ствола, кто знает, что произошло с каждым снарядом за четыре десятка лет в земле?

— Представляете, сколько рейсов пришлось совершить Степану? Он риску подвергается больше, чем каждый из нас. Не говоря уж о том, что ездит-то со всеми офицерами, с разными группами, — говорит капитан. — За два года службы больше заслуживает ордена, чем я за все восемь лет.

Окруженный мальчишками, рядовой Степан Зейкан ждал нас во дворе и, коротая время, показывал ребятам, какие меры предосторожности приняты при оборудовании машины. Вел попутно ту самую работу, какую ведут саперы, езда по школам.

Невысокий, худощавый, с юным безусым лицом. Совсем еще недалеко ушел он по возрасту и внешности от своих внимательных слушателей. Им по 12—15 лет, ему вот-вот стукнет 20. Он уже два года воюет с войной. Когда в части проверили его шоферские знания, сразу назначили на машину разминирования: у нее все всегда должно быть в полном порядке — мотор не имеет права заглохнуть.

— Сперва, конечно, боязно было, — признается Степа. — Но так случилось, что в первые два месяца выезжать приходилось почти что каждый день. Постепенно привык. Научился сам работать с детонаторами, электрическими и огнепроводными шнурами. Главное — не нарушать правил безопасности.

Ох, сколько этих правил, сколько тонкостей! Когда, например, вставляешь шнур в детонатор и затем обжимаешь край детонатора специальными щипчиками, надо держать его на вытянутой руке, мизинцем и большим пальцем, да еще так, чтобы ладонь прикрывала лицо...

Отчаявшись отучить сына хватать найденные гранаты, отец моего приятеля, пришедший с войны, показал ему, как обезвреживать взрыватель. Это был первый послевоенный год. Спустя 37 лет надобность в такой науке не стала меньше.

— А в Ужгород, родителям, сразу написал, чем в армии занимаешься?

— Не-е, — улыбается Степа. — Сперва просто писал, что шоферу. А потом уж, когда отец, он механик на хлебозаводе, пристал: напиши подробнее о службе, — тогда и написал. Мама, конечно, разволновалась. А отец ответил: служи достойно, помни, как твой дед героически сражался в Отечестве.

...Молоденький милиционер завел нас в кладовку, ткнул пальцем в темный угол — там, мол, граната лежит — и тихо выскользнул из кладовки. Чаплинский осторожно взял «ее» в руку — ржавую, с погнутой рукояткой. Позже, на полигоне, он отвернет рукоятку и объяснит мне устройство этой гранаты РГ-41. Аккуратно отодвинул какую-то ржавую задвижку и вернул ее на место.

— Все в порядке: взрывателя нет. Сама она не взорвется.

— Вздыхаю с облегчением, а то чувствовал холодок в спине.

Теперь я уже знал, почему мы должны ехать на учебный полигон и взорвать эту гранату, хотя и нет в ней взрывателя. Она ведь начинена пироксилином, а если не взорвать, если попадет в руки любопытным мальчишкам, если начнут баловаться, а то и в костер положат... Кто и как осушит слезы матерей?

Поздним вечером, рассказывая о себе, о своей работе, о товарищах, жестко произнесет капитан Чаплинский:

— У всех у нас, советских людей, счеты с фашистами. А у меня, хоть и родился через восемь лет после войны, есть и свои счеты, семейные.

Его родителям было по 17 лет, когда угнали их фашисты в Германию из городка Дунаевцы, что в Хмельницкой области. Юноша отец, они с матерью тогда знакомы не были, пять раз пытались бежать. Ловили, избивали. На Родину вернулись после Победы.

— Подумать только, — вздыхает капитан, — наша юность и их юность. С 17 до 21 года в плену, на чужбине.

Конечно, не только Степу Зейкана обучил капитан воевать с войной...

У капитана Чаплинского на правой руке нет фаланги на большом пальце и двух фаланг на указательном.

— Сам виноват. Один только раз нарушил правила безопасности. Проводил занятия с солдатами: показывал, как действовать с детонатором. На учебных, безопасных детонаторах, конечно. А тут срочный вызов на подрывные работы. Строителям помочь. Ошибку допустил, когда сунул в тот же карман, где лежали учебные детонаторы, боевые...

Чтоб в подробности не вдаваться: эта ошибка, это нарушение и стоили ему потом двух пальцев.

...Гранату РГ-41, начиненную пироксилином, мы взорвали на учебном полигоне. На том и завершилась командировка. Гулким коротким взрывом.

И мне никогда уже не позабыть того чувства, когда, вернувшись с полигона, снимал бушлат. Необъяснимое чувство участия в войне с войной. Не передаваемое словами чувство.

Через годы, через поколения тянет зло войны свои смертоносные щупальца. Грозит нашим мальчишкам. А на пути из этого зла, истребляя его и защищая мальчишек, становятся те, кто родился после войны и продолжает нашу вечную войну с войной. Они победят ее. Чтоб не знали слез глаза матерей.

Краснознаменный
Белорусский военный округ.

авиационных бомб. Всего же — более двух тысяч взрывоопасных предметов.

Кто же они, воюющие с войной?

Саша окончил Тюменское училище. Хотя в семье военных не было (мать — преподаватель истории КПСС в институте, отец — управляющий строительно-монтажным трестом), он еще в пятом классе решил, что обязательно станет офицером и обязательно сапером. Мальчишкой, выходит, решил мальчишек оберегать!

Мне почему-то всегда думалось, что в саперы идут какие-то особые люди — хладнокровные, невозмутимые.

— Не-е, — смеется старший лейтенант, — я по темпераменту холерик.

А на вопрос, не страшно ли было начинать разминирование, ведь сравнительно недавно начал, еще в 80-м ездил стажером, значит, должен помнить первые ощущения, отвечает тоже с веселым таким, жизнерадостным смехом:

— В своей работе я бессмертен! — И продолжает, уже чуть серьезнее: — Молодости не свойственно чувство смерти, так мне кажется, она представляется чем-то немислимым, о ней и не задумываешься. Поэтому и мальчишки балуются, не сознают опасности...

Ни одного случая подрыва саперов за десяток лет. И каждый год, случается, гибнут мальчишки.

— Знаешь, что должен хорошо делать свое дело, — продолжает Саша, — знать в нем все до тонкостей, все требования профессии соблюдать. Такая работа.

Военная и мирная одновременно. На территории обвонной фабрики рыли траншею. Наткнулись на снаряд. Богач вывез тогда с фабрики 72 снаряда. С обвонной фабрики.

По железнодорожному узлу Орши, занятому фашистами, впервые били наши «Катюши» — это был их военный дебют. Они так расколошматили склады боеприпасов противника, что все не использованные врагом против наших

солдат мины и снаряды позарывались в землю, и порой далеко от узла. Сколько их обезврежено, уничтожено в послевоенные годы! Но...

В районе завода железобетонных изделий группа Богача трудилась трое суток с короткими перерывами на отдых. Вывезли 150 термитных минометных мин. Со строительного завода.

Он показывает мне наградные часы — электронные, с выгравированной надписью, — подарок командующего округом.

— Даже если испортятся, на всю жизнь сохраню — для сына.

— Почему должны испортиться?

— Так не вечный же механизм, — опять смеется, — а сыну еще только два месяца от роду.

Год рождения маленького Богача — 1983-й. Какое по счету послевоенное поколение? Неужели и он, когда вырастет, будет с мальчишками-сверстниками наткаться на гранаты и мины? Или когда-нибудь покончат с ними отец и его товарищи-саперы? Конечно, покончат. Сомнений нет.

Пока прапорщик в военкомате района связывается с прорабом дорожников, чтобы уточнить место, где лежит найденный ими при строительстве снаряд, капитан Чаплинский задумчиво разглядывает карту района:

— Больше ста деревень здесь. Хочу найти какую-нибудь, где не бывал ни разу на разминировании. Да вот никак не могу.

Восемь лет он служит в этой части. Семь лет ездит на разминирование — это 6500 снарядов, мин, гранат.

Капитан Чаплинский и рядовой Зейкан взорвали гаубичный снаряд на месте. Осталась воронка на обочине строящейся дороги. Между будущей дорогой и живым полем. Забросает ее экскаватор. И следа не останется. «Земля безропотно принимала в себя осколки».

А вот уже и вернулись спугнутые

ТЕАТР МОД

Михаил СЕРЕБРЯКОВ.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Какое-то странное ощущение, близкое к неуверенности, преследовало меня по пути на спектакль театра моды «Стиль». Конечно, возможности театра безграничны, — но как соединить драматургию с показом одежды? Подумалось: наверно, одно будет невыразительной тенью другого...

Театр моды «Стиль» обосновался в помещении рабочего клуба московского опытного завода «Красная Пресня». Концерт, показ или представление (пока еще трудно с выбором точного термина) было назначено на восемь часов вечера. За полчаса до начала в тесноватом фойе заводского клуба стал заметно прибывать зритель: в основном молодежь — кто еще так внимательно следит за модой и ее капризами?

Конферансье Юрий Аргеев после ненавязчивого и остроумного вступления объявляет первую коллекцию: «Ретро». Под медленное танго артисты-манекенщики разыгрывают небольшие сценки из жизни того времени, к которому принадлежат демонстрируемые костюмы. Каждый образ: будь то незадачливый влюбленный или любительница чарльстона — четко «подыгрывает» костюмам. А они, в свою очередь, должны показать зрителю: «ретро» не устарело, в рамках этого стиля возможен поиск современных силуэтов одежды.

Подумаем: так ли уж нужно стремиться быть одетым модно? Не получается ли в результате одинаково модно: короткая курточка, джинсы, и, конечно, кроссовки — господствующий сегодня молодежный стиль. А не берут ли здесь свое начало безвкусица, безликость? Руководитель единственного у нас в стране самостоятельного театра моды «Стиль», художник-модельер Раф Сардаров и его едино-

мышленники задались целью показать именно сценически, как положить в основу создания гардероба современного человека простоту, красоту, удобство.

...В 1979 году Рафа Сардарова пригласили в Московский энергетический институт помочь сделать костюмы для диско-группы. К этому времени в его костюмах «работали» многие артисты эстрады.

— Я добросовестно посещал все репетиции, — вспоминает Раф Сардаров. — Для ритм-группы ЭМИ поставил костюмы, сшиты которые были из очень простых тканей и вполне соответствовали обстановке праздника и веселья. Так уж случилось, что впервые я увидел эти костюмы в день премьеры... И понял: произошла самая настоящая катастрофа! Ребята из общезнания пришли на дискотеку кто в чем: кто в тапочках, кто в тренировочных брюках, кто в видавших виды джинсах, в синтетических курточках, — словом, кто во что горазд. А буквально в двух шагах

от них (так было задумано) — девушки в гриме, блестках, сверкающих пелеринах... Они и должны были «заводить» публику. Но контакта не получилось.

Раф впервые так остро ощутил тот психологический барьер, который неожиданно возник по «вине» его костюма. И тогда пришла мысль придумать, оформить и поставить представление, где бы главным действующим лицом стал костюм.

...Однажды в «домашнем архиве» у нынешнего ведущего и администратора театра Юрия Аргеева в одном из древних сундуков ребята обнаружили прекрасно сохранившиеся уникальные старинные платья, шляпки, трости, веер, зонг. Самые нетерпеливые тут же стали примерять, бережно разглаживая складки времен. Несколько раз устраивались домашние представления, на которые приходили друзья, знакомые. Все чаще слышался недоуменный вопрос: «А почему бы вам это не показать?» Тогда ребята отважи-

точное положение между манекенщицами и танцовщицами-профессионалами.

Как правило, один материал — одна коллекция. Хлопок — «главное действующее лицо» в коллекции «Летом». Модельер демонстрирует нам вначале самую разнообразную форму костю-

**А МОЖНО ВЕДЬ
СКАЗАТЬ И ТАК:
КОСТЮМ
СБЛИЖАЕТ
ЛЮДЕЙ.
КОЛЛЕКЦИЯ
«ЛАТИНА».**

лись создать театр. Подчеркнем: самостоятельный.

Самодельные актеры — к этому мы привыкли. Но манекенщицки-непрофессионалы?!

— Принцип отбора в наш театр моды «Стиль»? — отвечает на мой вопрос Сардаров. — Прежде всего обязательно иметь фактуру манекенщицы. Можно быть высокой, низкой, полной, худенькой. Любой человек может и должен быть красивым. Главным принципом для нас является все-таки показ возможностей костюма. Поэтому мы боимся перегрузить представление сценическим действием и не стремимся дать больше динамики. Мы показываем не моду в бытовом ее назначении, а именно, повторяю, возможности костюма.

Постепенно, в результате поиска, промахов и находок у театра моды выработался свой, вполне определенный стиль показа одежды. Так, как двигаются на сцене девушки из «Стиля», профессиональные манекенщицы на подиуме не ходят. Впрочем, не двигаются так и танцовщицы. По хореографии воспитанницы Рафа Сардарова занимают, видимо, промежу-

**КАК БУДТО ВСЕ КРАСКИ
РУССКОГО ЛЕТА
РАСЦВЕТАЮТ НА СЦЕНЕ,
КОГДА ДЕМОНСТРИРУЕТСЯ
КОЛЛЕКЦИЯ «ПАВЛОВО-ПОСАД».**

ма, затем к «чистой» форме примешивается красный цвет, потом добавляется черный, цветные аксессуары, цветы. Таким образом, наглядно и динамично доказываются практически неисчерпаемые возможности одного материала, одного цвета.

— Обычно мы берем одну дешевую и свободно продающуюся в магазине ткань, — поясняет Сардаров. — Самое интересное, что мимо нее, я сам видел, проходят толпы людей и не замечают!

В «Стиле» в основном разрабатывают одежду для отдыха, одежду фантазийного направления, шитую из облегченных тканей, купленных в обычных магазинах... Случалось, что неко-

торые старые вещи ребята переделывали с помощью аппликаций, перекраски, то есть чисто по-житейски.

Те, кого объединил театр моды «Стиль», понимают, что эффектно пройти по сцене, «пофорсить» — только та часть айсберга, которая видна над водой. «Стиль» — прежде всего множество профессий. Нужно быть художником-гримером, фотохудожником, делать украшения, цветы или шить, гладить, стирать, делать прически. Человек, посвятивший себя театру моды, всегда увлечен общим делом, чуткий и обязательно веселый товарищ и, конечно же,

она научилась гримироваться, двигаться, «лепить» образ. И теперь — на сцене.

...Коллекция «Павлово-Посад» — одна из самых ярких и веселых. Настоящий праздник цвета, музыки и гармонии. Незамысловатый сюжет, построенный на мотивах русского фольклора, позволяет в полной мере раскрыть замысел художника-модельера. Драматургия показов, видимо, будет искать свои, специфические в данном случае формы и содержание. Однако более серьезная драматургия, безусловно, потребует от участников и больших актерских способностей. В ближайших планах театра моды «Стиль» — занятия по актерскому мастерству.

— Если говорить о перспективах, — говорит Раф Сардаров, — то хотелось бы, чтобы жанр, который мы избрали — театрализованый показ

неисчерпаемых возможностей костюма, — укрепился, получил признание и чтобы его узнавали. Очень хочется, чтобы зритель знал и понимал, что мы ему показываем, и, не скрою, хотелось бы, чтобы зритель ждал этого. Мечтаем создать спектакль «Сотворение моды», когда от самой древности человек начинает думать об одежде, украшать себя, постепенно проявляя свой вкус...

Ребята по крупицам собирают литературу, которая хоть как-то может помочь им в дальнейшей работе. Они гордятся своими журналами мод за 1924—1925—1926 годы, предвоенными журналами, откуда в основном черпали сведения для коллекции «Ретро». Как к самым дорогим реликвиям относятся в театре к старинным изображениям костюмов народов Поволжья...

В планах этого интересного коллектива показ костюмов эпохи Ренессанса, более полное знакомство зрителя с возможностями стиля «модерн», и, конечно, фантазийные костюмы на темы всех времен и народов.

Ведь заманчиво, когда человек может выбрать для себя что-то не из направлений моды на ближайшие два-три года, а из всего богатейшего арсенала одежды, который накопило человечество за свою историю?!

У нас в стране богатейшие традиции костюма — как исконно русского, так и многонационального. К сожалению, художники-модельеры подчас склонны листать западные журналы в поисках «новинки», в то время как их авторы часто черпают свои идеи в наших, отечественных источниках. Вспомните историю с русскими женскими сапожками, которые возродились почему-то в Париже, а не у нас. Пропаганда и популяризация того, что незаслуженно забыто, — одна из важнейших задач театра «Стиль».

обладает задатками творческой личности. За три года существования театра моды «Стиль» у Рафа Сардарова уже сложилась, как признают сами ребята, довольно жесткая школа воспитания актера, и не все ее выдерживают, зато самые увлеченные и преданные делу остаются. Среди старожилов театра: **Нина Климовская** — профессиональный художник-модельер; **Виктор Тулаев** — электрик по специальности, выполняет административную работу, а недавно стал еще и манекенщиком; **Людмила Анисимова** — пришла в театр после швейного ПТУ. Пришла только ради того, чтобы шить. Постепенно с ней начали заниматься хореографией,

ШАШКИ

Под редакцией мастера Виктора КРАМАРЕНКО

По просьбе читателей продолжаем знакомить с «Шашечным кодексом СССР».

В случае, если во время партии или после ее окончания участники или судьи обнаружили неправильности, допущенные в процессе игры, партия должна быть переиграна. Так, если установлено, что перед началом партии шашки были расставлены неправильно или была неправильно поставлена доска, то партия переигрывается сначала; если установлено, что был сделан ход, противоречащий правилам, то партия переигрывается с того момента, когда был сделан неправильный ход.

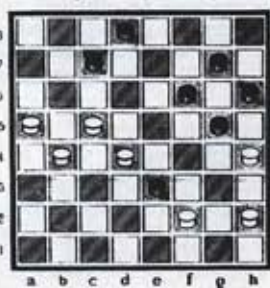
Если упомянутые неправильности обнаружены после начала следующего тура соревнований, то результат этой партии остается без изменения. Также не подлежат переигрыванию партии последних туров в турнирах и последняя партия матча.

Если в процессе партии или после ее окончания обнаруживается, что участником предоставлены шашки другого цвета, чем

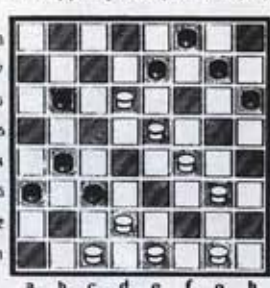
полагается по расписанию, то в первом случае, хотя бы это обнаружилось после первого же ответного хода, партия продолжается, а во втором — результат ее считается действительным.

Пятый тур Публикуется впервые

1. Ю. Черняев (Москва)

2. Н. Дмитриев (Чебоксары)

В обеих позициях белые начинают и выигрывают.

Последний срок отправления ответов на задания пятого тура — 1 декабря (по почтовому штемпелю). Ответы присылайте только на открытках (без конвертов). Не забудьте сделать пометку «Шашечный конкурс-83. 5-й тур».

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

Продолжаем публикацию задания нашего шахматного конкурса.

На этот раз читателям «Смены» предстоит решить две многоходовые задачи. Первая скорее всего не доставит больших хлопот при решении. Но красивый авторский замысел, наверное, никого не оставит равнодушным.

Вторая задача — логического стиля.

Почему нельзя сразу форсировать путем 1. Кf6+? Потому что после правильного отступления короля черных — 1... Крс5! — нет 2. С:d6x.

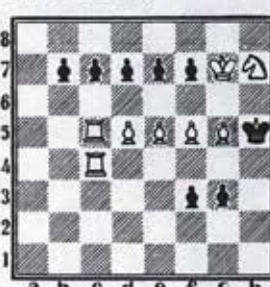
А нельзя ли как-то улучшить позицию белых фигур, чтобы потом осуществить главный план?

Пятый тур

1

Белые: Крг7, Лс4, Лс5, Кн7, пп. d5, e5, f5, g5 (8).

Черные: Крh5, пп. b7, c7, d7, e7, f3, f7, g3 (8).
Белые начинают и дают мат в 5 ходов (2 очка).

Белые: Крf7, Ла6, Сd3, Сf8, Кс2, Кd7 (6).
Черные: Крд5, Сg2, Сg3, Кd1, пп. b4, b5, d6 (7).
Белые начинают и дают мат в 6 ходов (4 балла).

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «Шахматный конкурс-83. 5-й тур». Последний срок присылки ответов — 1 декабря (по почтовому штемпелю).

История одного воспоминания

Уважаемая редакция! Перед тем, как вручить нам, ветеранам войны, почетные знаки, совет ветеранов фронта обратился к каждому из нас с просьбой записать, кроме основных сведений о своей военной биографии, два-три фронтовых воспоминания. Пришлось взяться за перо...

А тут как раз в школе пионеры попросили меня рассказать о комсомольцах 40-х годов. Я прочитал им то, что написал о Герое Советского Союза Александре Румянцеве. Ребятам его судьба взволновала, и они сразу решили, что мы должны послать мои записки в журнал «Смена». Здесь я и растерялся. «А вдруг, — думаю, — не примут, пришлют отказ, я ведь не журналист, не писатель, записал просто то, что помнил. А пионеры могут понять так, что их старый учитель (с 36-летним стажем), директор школы, член КПСС с 1944 года, не сумел написать даже небольшой рассказ о подвиге своего дружка-однополчанина. Вот будет позор перед всей школой!» Однако отговорить ребят не сумел. Они сказали, что если я сам не пошлю, то они напишут в «Пионерскую правду», но лучше в «Смену», потому что Саша Румянцев был комсомольцем. Извините за такую откровенность. Никогда не писал, но вот пришлось...

С уважением

1944 год. Армия генерала Федюнинского подошла к Нарве. Усиленный стрелками-добровольцами взвод гвардейцев-автоматчиков лейтенанта Амбарцумяна получил приказ занять плацдарм на западном берегу и удерживать его до форсирования реки дивизией. Под покровом дождя и ночи, преодолев широкую водную преграду, автоматчики вступили в бой, опрокинули позиции врага. Бой стих под утро. Потери обеих сторон огромны. Погиб командир, и командование принял старшина Румянцев.

Неприятель имел здесь, за Нарвой, армейский корпус, несколько бригад и офицерских школ и, конечно, не мог смириться с дерзостью наших автоматчиков. С рассветом на плацдарм обрушился шквальный огонь. И к вечеру, не считая тяжело раненных семерых стрелков, гвардейцы остались втроем: сержант Бойко из Харькова, рядовой Поляков из Барнаула и старшина Румянцев со станции Буй.

И три гвардейца сдерживают одну атаку гитлеровцев за другой. Геройски погибли Поляков и Бойко. Румянцев остался один. Смерть товарищей потрясла его, и вспомнились вдруг когда-то прочитанные слова: «Смерть героев подобна закату солнца». Со своим безотказным пулеметом Саша в одиночестве продолжает удерживать плацдарм. Но вот зазвучали дружные орудийные выстрелы. С восточного берега Нарвы последовали залпы «Катюш»... Саша пришел в сознание только на следующий день и, открыв глаза, увидел людей в белых халатах...

Дивизия форсировала реку на этом участке наступления ночью. Бойцы нашли на плацдарме у пулемета тяжело раненного старшину, а в блиндаже, тоже почти в безнадежном состоянии, пятерых солдат. В спешном порядке всех отправили в полевой госпиталь. В ходе операции из тела Саши Румянцева было извлечено двенадцать осколков. Опытные хирурги-фронтовики спасли жизнь отважного старшины и пятерых бойцов. За подвиг, мужество и героизм комсомольцу Александру Румянцеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Я записал это со слов самого Саши и корректировщика гаубичной батареи Киселева, который на плацдарме

был ранен в грудь и в обе ноги, но каким-то чудом остался жив. Наши с Сашей дороги разошлись в августе 1946 года: я поехал на свой Урал, а он — в Буй, к старушке матери, о которой каждый день вспоминал на фронте.

Вернувшись домой и ожившись с головой в водоворот школьной жизни и заочной учебы в пединституте, я не сразу написал ему письмо. Ответа не получил. Затем еще не раз пытался установить с ним связь. Писал и в облвоенкомат Костромь...

Сергей ШАТРОВ,
ветеран войны, учитель,
Миасс, Челябинской области

Сестра санитарного поезда

Дорогая редакция «Смены»! Вам пишет ветеран войны, бывшая фронтовая медсестра. В одном из номеров журнала «Смена» была помещена картина художника В. Альшеевского «Медсестры». Она потрясла меня правдивостью изображенного: да, именно так умирали наши фронтовые подруги в годы Великой Отечественной войны. Я долго рассматривала эту картину и не могла сдержать слез.

Вы поймете меня. В годы войны я служила на фронтовом санитарном поезде. Вагоны чаще товарные, плохо оборудованные, с «буржуйкой» или бочкой-«печкой» посредине. Трудно было и перебраться в другой вагон, когда раненому становилось плохо. На одну медсестру приходилось от двух до четырех вагонов.

Часть бомбежки особенно мешали нам. Несмотря на то, что на каждой двери вагона были изображены огромные красные кресты на белом фоне, фашистские стервятники старались «накрыть» санитарный поезд. Представьте себе состояние раненых при такой транспортировке!

Иногда совершали долгие рейсы, при том что состояние пути не позволяло двигаться быстро. Как тут не вспомнить железнодорожников? Они работали, нет, воевали просто-таки самоотверженно. Это были гражданские люди, но гибли они, как настоящие бойцы. Первую же пикировку гитлеровские стервятники делали обычно на паровоз, поливая пулеметными очередями машинистов. А сам будничный труд железнодорожников! Нелегко поднять пар сырыми дровами, загрузить ненадежный тендер.

Не могу не рассказать об очень памятной случае. На одной из станций нам предстоял ремонт вагонов после очередного налета. Нас предупредили, что придет мастер-ремонтник.

Стояли сильные морозы, мы грелись возле расклеванной бочки. В дверь вагона кто-то тихо постучал, мы не обратили внимания; обычно нас окликали, так как дверь товарного вагона открыть трудно без помощи изнутри. И вот слышим плач, отодвигаем тяжелую дверь и видим: на рельсах сидит мальчик лет двенадцати и плачет. На боку у него голцовая сумка, из которой торчит большой гаечный ключ и молоток. Это и был мастер. Мы подставляли ему ящики, чтобы он мог доставить до поврежденных мест вагона. Но как он мастерски работал! Сам бледный, худенький, полуалодный. Он рассказал нам, что отец и брат его погибли на фронте; у матери, кроме него, еще трое малолетних детей. И жил он вместе с братьями в землянке.

Простите, очень волнуюсь... Помню, все помню до сих пор, и эти картины, как живые, встали перед глазами, когда я смотрела на картину «Медсестры».

Антонина ПОВАРОВСКАЯ,
г. Лиепая Латвийской ССР

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

Ярослава — дочь цирка

«Цирк Умберто» хорошо известен в Чехословакии. Не одно поколение цирковых артистов воспитано в этом «цирке на колесах», путешествующем по всей стране.

Ярослава Ноуэкова выросла в семье цирковых служащих. Отец работал униформистом, а мать ухаживала за дикими животными. Разве могла Ярослава не увлечься манежем? Закончив школу, она подала заявление с просьбой допустить ее к конкурсу в московское училище циркового искусства. И ее приняли.

История театра и цирка, эстетика и многие специальные дисциплины, — так начинались годы учебы. По несколько часов в день она тренировалась в хождении по проволоке, занималась гимнастикой, акробатикой. Начиная с четвертого курса, она отработывала собственный номер, который помогли создать советские педагоги. Пролетели пять лет, и вот она уже солистка «Цирка Умберто»... Ее номер — Ярослава балансирует под куполом цирка — пользуется большим успехом.

«ЖИВОТ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ВИРУСЫ ГРИППА — СКОЛЬКО ИХ?

Итальянским специалистам из Института иммунологии удалось выделить 60 различных вирусов гриппа. Профессор Луиджи Джианико подчеркнул большую важность этой работы для получения высокоэффективной вакцины, поражающей сразу несколько типов вирусов. На между-

ЗАГАДКИ АГАТЫ КРИСТИ

Театр как театр — ни снаружи, ни внутри вроде бы ничего особенного. Однако публику тянет сюда как магнитом. Пьеса Агаты Кристи «Мышеловка» играет ежедневно, без перерыва, вот уже тридцать лет! Со дня премьеры только в Лондоне (а ее играют и в других городах) пьесу смотрело свыше пяти миллионов зрителей.

В конце концов «Мышеловка» стала своего рода новой британской национальной реликвией. Туристские агентства, рекомендуя своим клиентам осмотреть знаменитый Биг-Бен, Британский музей

или дом, в котором якобы жил Шерлок Холмс, никогда не забывают упомянуть, что к самым достопримечательным местам столицы Великобритании относится и театр, где ежевечерне идет «Мышеловка».

Почему именно «Мышеловка» имеет такой успех? Один из критиков сказал: «Я думаю, что и в следующие тридцать лет мы не будем знать истинной причины. Это последняя загадка Агаты Кристи, не разрешенная до сей поры»...

«ИЛУСТРОВАНА ПОЛИТИКА»,
ЮГОСЛАВИЯ

Пираты XX века

Жители деревушки Хартланд-Пойнт (графство Северный Девоншир) абсолютно уверены, что законов не нарушали...

Когда панамское судно «Джоанна» село на мель в бухте Хартланд, команду спасли вертолеты и катера. Но само судно (водоизмещением 900 тонн) осталось на мели без присмотра, а вскоре его и официально объявили «покинутым». И тогда началось разграбление судна «согласно морским традициям». Сто с лишним жителей близлежащей деревни за одну только лунную ночь ободрали его до последней нитки — утащили с судна на берег все, чем смогли поживиться — от холодильника до двери.

Случай с «Джоанной» не единичен. Девоншир и соседнее графство Корнуолл «славятся» в наши дни своими береговыми пиратами, которые, убирая или переноса сторожевые огни, искусственно вызывают кораблекрушения.

«НЕПСАВА», ВЕНГРИЯ

ТЕЛЕФОННЫЙ СКАЗОЧНИК

Дети болгарской столицы Софии получили подарок: телефонного сказочника. Достаточно набрать номер 197, и в трубке раздастся приятный голос, который расскажет интересную трехминутную сказку. Причем каждый день — новую! Иногда это старинная болгарская народная сказка или современная сказка болгарского писателя или поэта, иногда сказки других народов. Неудивительно, что телефонный номер 197 хорошо запомнили и очень полюбили софийские дети.

«СВЕТ СОЦИАЛИЗМУ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Это опасное небо

Вот и еще одна катастрофа... Истребитель «Старфайтер» американского производства, принадлежащий бельгийским ВВС, рухнул на здание машиностроительной фирмы в Нойнкирхене, ФРГ. Три женщины погибли. В другой катастрофе «машиной смерти» тоже оказался «Старфайтер», на этот раз — канадских ВВС. Он упал во Франкфурте-на-Майне. Пять человек, семья местного священника, сгорели в автомобиле.

Западногерманское небо становится все опаснее. Военные заявляют, что в будущей войне, чтобы уйти от радаров, придется летать на бреющем полете — стало быть, надо проводить соответствующие тренировки. А на больших высотах летают и частные машины, нередко управляемые плохо подготовленными пилотами. Летом нынешнего года, самолет-разведчик «Мираж III R» французских ВВС столкнулся со спортивной машиной и упал на жилой квартал города Биберах. Семь человек погибли, тринадцать получили тяжкие увечья. «Подобное несчастье может повториться в любое время», — таков мрачный прогноз экспертов.

«ШТЕРН», ФРГ

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ДАЕТ ВУЛКАН

Во время извержений вулканов освобождается огромная энергия. В Индонезии вступила в эксплуатацию геотермальная электростанция, которая работает на горячем паре, выходящем из вулкана. Энергетический уникум находится в местности Камоянг на Западной Яве, в 200 километрах от Джакарты.

«СКЫНТЕЙЯ», РУМЫНИЯ

ПОМПЕИ ПОД КРЫШЕЙ

Специалисты утверждают, что если срочно не будут приняты меры, руины знаменитого античного города Помпеи, который был разрушен извержением Везувия в 79 году, исчезнут с лица земли. Навсегда будет утрачена уникальная художественная и историческая ценность. Посетители древнего города воочию убеждаются, что метеорологические процессы, загрязнение среды, растительность оказывают пагубное действие. Кроме того, землетрясение, происшедшее 23 ноября 1980 года, вызвало сильные разрушения. Сейчас 60 гектаров города представляют собой зрелище, вызывающее тревогу.

Правительственные органы начали поиски решения. Из предложенных проектов выбрали совершенно необычный: город Помпеи покроют тонкими листами специальной пластмассы. Таким образом красота этого археологического мира не будет затронута. Одновременно приступят к реставрации многочисленных объектов. Благодаря электронной аппаратуре можно будет сохранять надлежащие атмосферные условия. Этот план разработан комиссией, в состав которой входили специалисты многих отраслей науки.

«ТАЙМС», США

Кто открыл Бразилию?

Бразилия была открыта, как до сих пор принято считать, португальским адмиралом Педру Кабралом в 1500 году. Несколько лет назад, однако, на дне бухты Гуанабара водолазы обнаружили два керамических якоря, анализ которых определил возраст находки: 2500 лет. Другая находка, сделанная на двадцатиметровой глубине у берегов штата Баян — керамическая тарелка, датированная тем же временем, и проведенный анализ установил ее сходство с керамическими якорями из бухты Гуанабара. Высказывается предположение, что все найденное принадлежало потонувшему финикийскому судну; эту точку зрения подтверждают и найденные позднее в бухте античные амфоры. Организованы поиски судна, для чего необходима специальная техника, позволяющая проникнуть сквозь толстые пласты многовековых отложений. Место поисков покрыто огромным количеством ила, который, как надеются специалисты, сохранил предметы доколумбовой эпохи. Более 100 лет назад в районе реки Параиба была найдена надпись, которая гласит, что на этом месте финикийские мореплаватели, которые заблудились в океане, сошли на берег и принесли в жертву своему богу Баалу одного из моряков.

«ПРИРОДА»,
БОЛГАРИЯ

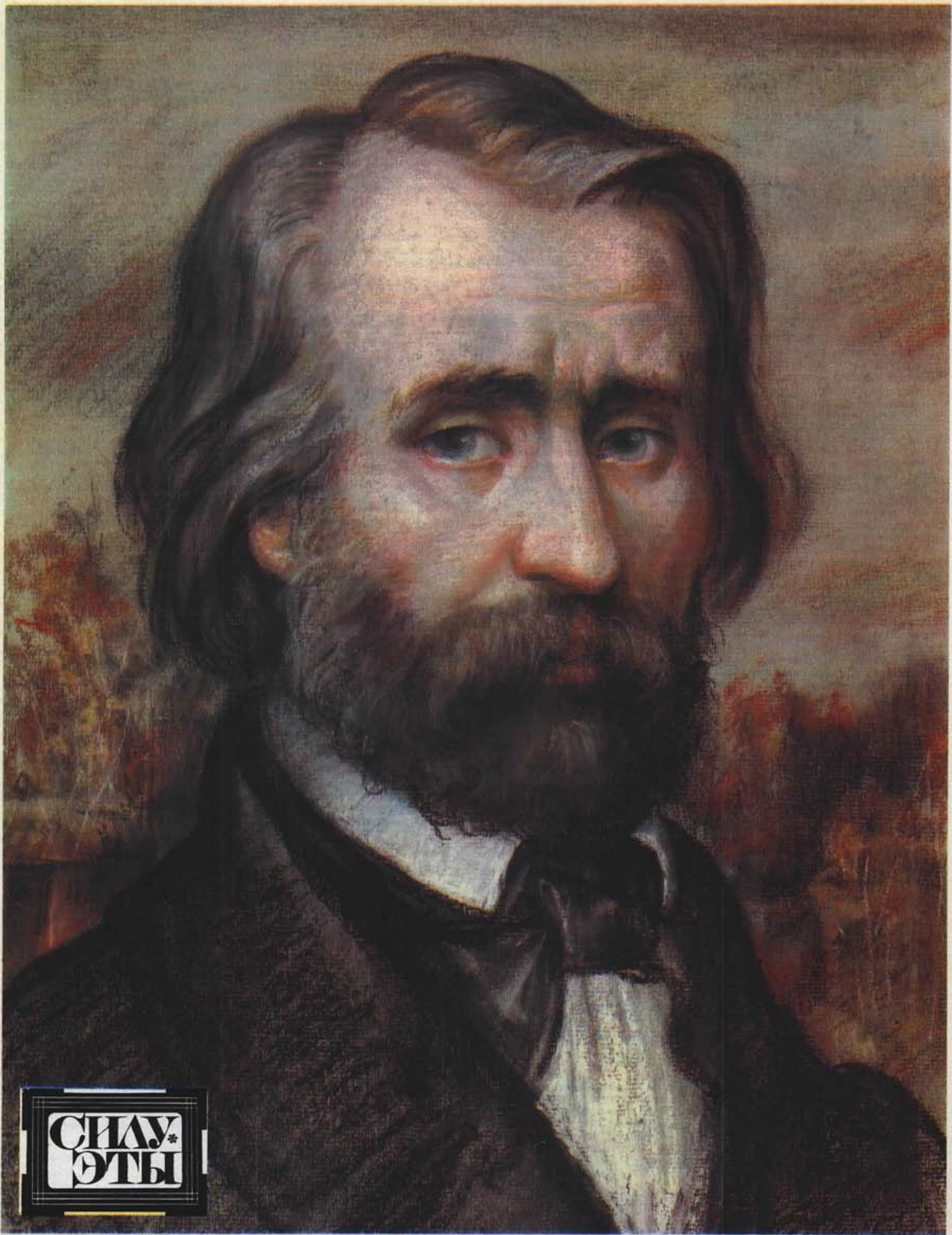

Рисунок Юрия ИВАНОВА

ТУРГЕНЕВ

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

Писать о Тургеневе? Дух захватывает. Одна из самых загадочных фигур в истории русской словесности.

Я не литературовед, не историк. Просто читатель. Ну, еще ученик, выросший на его прозе, студент-первокурсник, затерянный в последних рядах аудитории, чья макушка с профессорской кафедры просто не видна. В последнем собрании сочинений и писем Тургенева тридцать томов. Тридцать томов — и все классика! Как подступиться к этой машине?

Но перечитывать Тургенева, думать о Тургеневе — это ведь такой праздник...

Существует определенная традиция юбилейной речи. Торжественное вступление. Краткая биография. Длинный ряд заслуг. Длинный ряд цитат. Всемирно-историческое значение. Торжественное заключение. Словом, панегирик на колених.

Но о нем так нельзя — Иван Сергеевич был человеком с юмором и со вкусом.

Написать о гении сугубо субъективно, так сказать, собственное мнение, писатель о писателе? Нельзя — слишком различны масштабы.

Впрочем, у великих литераторов есть гумманная особенность: они, пусть в разной степени, принадлежат каждому, умеющему читать. Даже у редактора полного собрания сочинений на классика не хозяйские, а лишь читательские права. Так что у любого из нас свой Тургенев.

О своем Тургеневе я и буду писать. Вероятно, все же окажусь субъективным. Но для субъективности у меня есть некоторые основания. Дело в том, что со школьных лет Тургенев — мой любимый писатель, а любовь объективной не бывает.

Любимый писатель — всегда близкий человек. Нельзя серьезно думать о нем, о его эпохе, его жизни, его творчестве, не пытаясь в полную силу своего ограниченного разума взглянуть в себя, в свою эпоху, в свою жизнь, в свое ремесло. Не только книгами, но и судьбами классики учат нас жить.

Я причислил Тургенева к фигурам загадочным. Но правомерно ли это? Жизнь его известна с первого до последнего дня, расписана, распланирована, разнесена по биографиям, монографиям, вузовским и школьным учебникам. Книги изучены до спорной запятой, истолкованы многократно. Письма собраны, изданы и прокомментированы. Замыслы, вплоть до неосуществленных, и те строго учтены: классик обмолвился в письме или случайном разговоре, что тревожит его некая мысль — а эту мысль тут же в реестрик под специальным номером. Вот так, например: «123» Бедный Семен. Замысел очерка из «Записок охотника». Занесен под №7 в двух программах в черновой рукописи «Бурмистра» (июль 1847 г.) (И. С. Тургенев, 1883—1933, сборник статей, ОГИЗ-ГИХЛ, 1934 г.).

Ну где тут спрятаться загадке? Но вот факт из того же реестрика — впрочем, известный ныне даже порядочному школьнику: в 1847-м Тургенев опубликовал в «Современнике» очерк «Хорь и Калиныч». Этим очерком или рассказом открылись знаменитые «Записки охотника», составляющие, как правило, в многочисленных собраниях его сочинений первый том. В литературу вошел великий писатель.

Стоп! Тут загадка. Момент вхождения в литературу — это, по сути, лишь канцелярская регистрация огромного события, происшедшего раньше. В 1847 году Иван Сергеевич Тургенев официально оформился в качестве великого писателя. А когда же и как он им стал? Каким образом, в силу каких причин человек становится великим? Если бы хоть приблизительно понять

это! Какой ценности «передовой опыт» для любого живущего на земле, будь то литератор, инженер или зоотехник...

Пушкина уже в шестнадцать лет заметил и благословил старик Державин. Лермонтова не заметили и не благословили, но зря: в шестнадцать лет он уже вполне был достоин благословения. Впрочем, юный поэт в благословении, пожалуй, и не нуждался, чуть не с колыбели он ощущал в себе громадный талант, и требовалось лишь время, чтобы найти ему воплощение.

Но Тургенев — дело иное...

...Родился 28 октября (по старому стилю) 1818 года в Орле, в достаточно богатой дворянской семье. Отец Тургенева, Сергей Николаевич (цитирую биографию 1883 года, вероятно, первую посмертную), «...служил в елисаветградском кирасирском полку и женился в Орле на дочери богатого местного землевладельца, Варваре Петровне Лутовиной. Вскоре после рождения Ивана Сергеевича, бывшего вторым в семье, отец его вышел в отставку, с чином полковника, и поселился в имении своей жены, селе Спасском-Лутовинове, в десяти верстах от города Мценска, Орловской губернии. Там провел Иван Сергеевич первые годы своего детства, вместе со своим старшим (на два года) братом Николаем. В 1822 году родители их, со всей семьей и множеством крепостной челяди, отправились на собственные лошади, в двух каретах с фургоном, за границу — в Германию, Швейцарию и Францию. Это путешествие, бывшее, по тому времени и при тогдашних дорогах, своего рода подвигом, едва не стоило жизни нашему Тургеневу: в Берне, осматривая знаменитую яму, где и теперь содержится городские медведи, он сорвался с перил и чуть не упал к зверям; по счастью, отец вовремя успел подхватить неосторожного ребенка. Такая близость к смерти была не единственным случаем в детстве Тургенева: на том же четвертом году возраста он заболел так отчаянно, что с него уже снимали мерку для гроба».

Проходит еще несколько лет. Мальчика учат дома «чему-нибудь» и как-нибудь — пушкинская формулировка тут вполне уместна. С иностранной литературой его знакомит гувернер-немец, с русской — крепостной камердинер матери, читающий ему вслух «Россиаду» Хераскова, длинную торжественную поэму, давно и справедливо забытую. Литературой в семье интересуются мало, русскую вообще не признают, разве что, с оговорками, Пушкина. Зато языкам, французскому и немецкому, учат с раннего детства.

Не будем слишком строги к родителю классика, пренебрегавшим родной словесностью. Сперва вспомним, из чего она в то время состояла. Первый прозаик — Карамзин. Первые поэты — Державин, Жуковский, Батюшков. Первый драматург — наперсно, Сумароков. Особняком стоят Фонвизин и Крылов. Достойные имена, немаловажна их историческая роль. Но пройдет несколько лет, и Белинский, даже без горечи, просто констатируя факт, скажет: литературы у нас нет.

Странное и удивительное время! Возьмем хотя бы 1822 год, тот год, когда с большого мальчика снимали мерку для гроба. Литературы (скажем осторожной — великой литературы) нет. А великие писатели есть! И сколько их!

Пушкину двадцать третий год. На предшественников не похож и потому сомнителен. Уже успел прослыть и скандальным и опасным. Через год напишет первые строфы «Евгения Онегина». Грибоедов постарше, ему двадцать семь. Умен, образован, глубок, в литературе безвестен. Тютчев помладше — девятнадцать. Умен, образован, глубок, в литературе безвестен.

А дальше? Дальше — мальчики. Гоголю тринадцать лет, Белинскому одиннадцать, Гончарову и Герцену по десять, Лермонтову восемь, Достоевскому и Некрасову идет второй год, Григорович только родился. Через год родится Островский, через четыре — Салтыков-Щедрин, через шесть — Толстой и Чернышевский.

Великой литературы еще нет. Но артиллерия главного калибра уже выдвинута на боевые позиции, могучие резервы на подходе...

Что это — случайная концентрация таланта во времени? Или, в отличие от предыдущих, эта эпоха в силу разного рода причин поощряла своих гениев, позволила им воплотиться в дела? Но нет, непохоже — кому уготована ссылка, кому чахотка, кому дуэльная пуля...

Скорей всего причина иная — русское передовое общество созрело для великой литературы.

Тургеневу повезло — он явился вовремя... Впрочем, сын рядового орловского помещика обо всем этом не знает и не думает. У него свои заботы.

Тринадцать лет. Москва. Пансион. Молодой человек пишет «милому Дяде» не без юмора о классных успехах и с куда большим удовольствием о приятных развлечениях.

С пятнадцати лет Тургенев изучает гуманитарные науки в университетах, меняя города: год в Москве, два в Петербурге, затем, не удовлетворенный полученным образованием, еще два года (с перерывом) в Берлине. Учится он по-настоящему, не «для порядку», а для себя. К двадцати трем годам он широко и достаточно фундаментально образованный человек, знающий языки, философию, русскую и европейскую литературу.

Молодой человек и сам пробует перо: пишет лирику, поэмы, драмы, переводит кусками «Отелло», «Короля Лира», байронического «Манфреда». Уже печатаются кое-где его стихи. Автор ценит свои творения не слишком высоко: чем образованней человек, тем трудней ему заблудиться на собственный счет, а Тургенев, как мы знаем, уже образован. Посылая первые опыты старшим знакомым для совета, он долго и более чем самокритично извиняется. Тургенев как бы стоит на пороге литературы, колеблясь, стоит ли делать решительный шаг.

Эти колебания длятся приблизительно еще два года.

«Около Пасхи 1843 года в Петербурге произошло событие и само по себе крайне незначительное и давным-давно поглощенное всеобщим забвением. А именно: появилась небольшая поэма некоего Т. Л., под названием «Параша». Этот Т. Л. был я; этою поэмой я вступил на литературное поприще».

Шаг сделан, но можно ли назвать его решительным?

Поэме повезло — ее похвалил Белинский. Впоследствии Тургенев писал, что великий критик сделал это «в силу некоторых, едва заметных крупичек чего-то похожего на дарование».

Чья оценка справедливее? Думаю, автора. Поэма написана и читается легко, точна в подробностях, вызывает в памяти прекрасные образцы — «Евгений Онегин», «Домик в Коломне», «Тамбовская казначейша», но что еще хорошего можно о ней сказать? Впоследствии, при всей любви к автору, ее быстро перестали читать.

Впрочем, Белинского легко понять. Пушкин убит, Лермонтов убит, Тютчев пишет мало и редко, Некрасов только расправляет крылья. На тогдашнем поэтическом фоне «Параша» явно выделяется, автор ее может сразу занять заметное место среди второстепенных русских поэтов — а первостепенных нет. Так что, пожалуй, аванс критика вполне оправдан.

В скором будущем Тургенев этот аванс с лихвой оплатит — только иной монетой...

После «Параша» молодой литератор печатается активно. Стихи, поэмы, рецензии, несколько прозаических вещей. То с подписью, то под буквой, то вообще без подписи. Нужная и вполне квалифицированная журнальная работа. Многие литераторы, начинавшие вместе с Тургеневым, так и занимались ею всю жизнь...

Конечно же, трудолюбие и, я бы сказал, профессиональный демократизм (никакой работы не чурается) молодого Тургенева вызывают глубокое уважение. Без подобной «графомании» большой писатель, как правило, не получается. Но и одно трудолюбие не делает большого писателя. Необходимо что-то еще.

В тургеневских публикациях до «Записок охотника» виден одаренный и культурный молодой автор, уже вошедший в литературу и занявший в ней довольно скромное, но полезное и вполне достойное место. Гений не виден.

Пожалуй, разгадка уже подготовленной вспышки надо искать в других разделах собрания сочинений.

Сегодня мы пишем письма редко и неохотно: расходы на телефон намного превышают затраты на переписку. Но нам повезло — в тургеневскую эпоху телефон еще не был изобретен.

После Тургенева осталось больше пяти тысяч писем. Огромная, во многих томах история человеческой души. По стихам и статьям видно, что писал Тургенев до «Записок охотника». По письмам видно, как он жил, что думал, с кем дружил, к чему готовился. С кем же дружил начитанный сын орловского помещика?

Тут ему редкостью повезло. Нужные, влиятельные, знаменитые люди!

Если употреблять нынешний штамп, «доброе пути» в литературу ему пожелал величайший русский критик. Он развивался и мужал в одной компании с Герценом, Гончаровым, Некрасовым, Григоровичем, Бакунным, Грановским. Классики, сплошь классики!

Надо уметь выбирать друзей! Но давайте забудем про бородатые портреты на стенах библиотек. Ведь ничего этого и в помине не было!

Студент дружил со студентами, молодой человек водил компанию с молодыми людьми. Да, Грановский и Станкевич оказались влиятельными деятелями в том единственном смысле, что их влияние на литературу огромно. Но кто бы предположил это в тот вечер, когда Тургенев сидел с Грановским «в большой и пустой его комнате, за шатким столиком, на котором вместо всякого угощения стоял графин воды и банка варенья»? И будущие классики были в ту пору безвестными и полуголодными. И благословил молодого человека на тяжкий литературный труд другой молодой человек — тридцатидвухлетний болезненный бедняк, «поденщик и каторжник» — журналистики Белинский!

Надо уметь выбирать друзей! В 1840 году Тургенев (ему еще нет двадцати двух) пишет другу:

«Нас постигло великое несчастье, Грановский... 24 июня в Нови скончался Станкевич... Я олядываюся, иду — напрасно. Кто из нашего поколения может достойно заменить нашу потерю? Кто достойный примет от умершего завещание его великих мыслей и не даст позабыть его вланию, будет идти по его дороге, в его духе, с его силой?»

Через пару месяцев — письмо Бакунину: «Как для меня значителен 40-й год. Как много я пережил в 9 месяцев. Вообрази себе — в начале января скачет человек в кибитке по снегам России. В нем едва началось брожение, его волнуют смутные мысли; он робок и бесплодно задумчив... В Риме я нахожу Станкевича. Понимаешь ли ты переворот, или нет, начало развития моей души».

Почти через тридцать лет Тургенев напишет об этой поре, о поездке за границу:

«Мне необходимо было удалиться от моего врата затем, чтобы из самой моей дали сильней напасть на него. В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был — крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил все, против чего я решил бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примиряться... Это была моя анкибаловская хлябья».

В одном из поздних писем он скажет о «Записках охотника»: «Собственно, все они были написаны между 1840-м и 1850-м». Что было в сороковом — наброски, замысел, смутное ощущение задачи? Или просто начало «развития души», способной эту задачу решить?

К сорок шестому году развитие души в основном закончилось, под влиянием учения, книг и друзей личность на редкость глубокая наконец сформировалась. Великий писатель сложился.

Оставалось написать великие вещи. Как выглядел классик?

Седобородый патриарх, грузноватый, умудренный и умиротворенный, хорош для памятника, но «Записки охотника» и «Дворянское гнездо» писал не он.

Лучше взглянем в фотографию 1856 года. Ивану Сергеевичу тридцать восемь лет. Пять лет назад окончены «Записки охотника», через пять лет появятся «Отцы и дети», «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Ася», «Первая любовь» — все вмещает это десятилетие. Похоже, именно тут вершина жизни. За спиной — богатый опыт, в руках — безукоризненное мастерство. Друзья ясны, враг ясен. Здоровья хватает, замыслов в избытке. Только работать, только не упустить идеальное для писательства время!

Не упустит... На овальной фотографии крупный, спокойный, аккуратный человек. Аккуратная, волосы назад, прическа. Аккуратные, довольно большие, ровно подстриженные бакенбарды. Белоснежная сорочка с незастегнутым воротничком и черный — галстук? шейный платок? — не знаю, как это тогда называлось. Удобный, чуть меховатый спортивный жилетом.

Если отвлечься от моды давно минувшей эпохи, одежда выглядит вполне практично, вроде современных спортивного покрова ансамблей: можно в контору, можно к друзьям, можно в театр, можно снять куртку — и к письменному столу.

Лоб большой, глаза умные, внимательные. Никаких следов пронзительности, фанатичного огня, скрытой муки и прочего творческого демонизма. Спокойная, чуть печальная доброжелательность. Основное ощущение от фотографии, или, как говорили в те времена, «ве пафос» — глубокая, естественная порядочность. И, пожалуй, ответственность: писатель с таким лицом не оставит на листе неряшливую фразу. А в общем, умный, сдержанный, работающий интеллигент. Если позволить себе более позднюю литературную аналогию — чеховский доктор Астров.

Жаль, что наиболее распространенные скульптуры и портреты изображают не творца в период максимальной мощи, а то, что остается от них на склоне лет. Знай мы, как выглядели покойные гении в самый свой рабочий час, может, бережней бы относились к гениям живым...

Тургенев был умен, очень умен. Это отмечали почти все, знавшие его. В одном из писем Белинский говорил о своем младшем (на семь лет) друге: «Тургенев — очень хороший человек, и я легко облизываюсь с ним. Это — человек необыкновенно умный; беседа и споры с ним отвели мне душу».

Тургенев прекрасно играл в шахматы — если судить по дошедшим партиям, лучше любого из русских классиков. И еще одно косвенное и грустное свидетельство ума: посмертное вскрытие обнаружило редкостную величину его мозга — он весил более двух килограммов.

Не парадоксально ли, что именно Тургеневу пришлось полжизни доказывать догматам и примитивам, что жизнь умнее самого умного литератора, что дело честного художника — честно исследовать действительность, а не подгонять писательскую задачу к ответу?!

«Господа критики вообще не совсем

верно представляют себе то, что происходит в душе автора, то, в чем именно состоят его радости и горести, его стремления, удача и неудача... Они вполне убеждены, что автор непременно только и делает, что «проводит свои идеи»; не хотят верить, что точно и сильно воспроизвести истину, реальность жизни — есть высочайшее счастье для литератора, даже если эта истина не совпадает с его собственными симпатиями» — так писал он в очерке «По поводу «Отцов и детей»».

Этому принципу — точно и сильно воспроизводить истину — писатель следовал всю жизнь. И всю жизнь от него требовали другого: не глубокого анализа, а ясной, однозначной оценки. За Базарова или против? Любить героя или ненавидеть? Как в уличной драке, где одно лишь и важно — на чьей ты стороне...

Когда врач уверенно назначает лечение непонятной ему болезни, он совершает профессиональное преступление. Тургенев на преступление не шел, за что и расплачивался достаточно жестоко. Хорошо, что был тогда в России Писарев, сумевший понять и сложный образ Базарова и благородное величие тургеневского реализма...

Молодой Тургенев пользовался в писательской среде почти единодушной любовью. Отношения зрелого Тургенева с великими коллегами были куда сложнее и нерадостней. Долгие ссоры с Толстым, Гончаровым, Достоевским...

Как это понять? Почему один из самых достойных, великодушных и просто воспитанных людей эпохи годами влачил тягостную ношу ненужной вражды?

При этом следует заметить, что Тургенев и в человеческих отношениях и в литературных оценках был, как правило, доброжелателен, талантливые вещи встречал радостно, чужие книги пропагандировал охотнее, чем свои, а если и судил о произведениях коллег строго, то обычно со смягчающими оговорками.

В чем же тут дело? Может быть, причины чисто житейские, из тех мелочей, что порой весьма активно вмешиваются в течение жизни?

Скажем, то, что, не превосходя некоторых своих коллег размерами дарования — да и кто его измерит! — Тургенев, возможно, превосходил их чувством юмора. А юмор, при всей своей кажущейся невинности, вещь обоюдоострая и в отношении с людьми самолюбивыми отнюдь не безопасная. Шутки, пародии, розыгрыши, которые особенно в молодости любил добродушный Иван Сергеевич, воспринимались жертвами шутки не всегда добродушно. Например, Авдотья Панаева вспоминала, как остро и неадекватно реагировал на подтрунивание молодого Тургенева молодой Достоевский. Порой и незлые люди бывают злопамятны: это черта характера, ее не выкинешь из натуры просто по желанию. Не становился ли иногда зрелый Тургенев жертвой невольной злопамятности жертв своих давних шуток?

Или дело в тургеневской щепетильности? Сам он даже в резкой публичной полемике не позволял себе объяснять ту или иную художественную неудачу бесчестностью намерений автора и вообще его низким моральным обликом — и, естественно, не терпел подобное по отношению к себе. Впрочем, это лишь догадки. Думается, основная причина гораздо важнее и объективнее.

Сегодня, в эпоху всемирной славы наших классиков прошлого века, в эпоху миллионных тиражей и общепризнанности, нам нелегко представить в конкретных частностях литературный процесс той поры. А ведь тогда все было отнюдь не безоблачно и весьма неясно.

Это сейчас всемирная слава, а тогда многие ли, например, знали Гончарова не только в Париже или Риме, но, допустим, в Ярославле или Тольском? Это сейчас миллионные тиражи Толстого — обычное дело, а тогда и пятитысячный был вполне престижен. Это сейчас Достоевский общепризнан, а тогда даже Добролюбов, хваля за направленность, высокой художественности за Федором Михайловичем не признавал.

В тридцатых — сороковых годах столетия Белинский вполне объективно определил бесспорные авторитеты эпохи, написав о конце пушкинского и начале гоголевского периода в литературе. В 1848 году критик умер. Еще при его жизни Гоголь надолго, до конца

своих дней, замолчал. Следующий период остался незазванным.

Однако литература в своем развитии не остановилась и период этот был.

Мне кажется, есть немало оснований называть его тургеневским.

Что это за основания?

Из мощной группы ярких талантов, вошедших в литературу в сороковые — пятидесятые годы, Тургенев первым завоевал не просто известность, а широкую, устойчивую славу. Начиная с «Записок охотника», он долгие годы был самым популярным, самым знаменитым писателем, «центральной фигурой» литературного процесса. Именно его новые вещи больше всего ждали читатели, именно ему издатели, заинтересованные в подписчиках, платили самые высокие гонорары — показатель «низкого ряда», но характерный и достаточно объективный. Именно его проза вызвала к жизни ярчайшие произведения публицистической критики той эпохи: статьи Добролюбова о «Накануне», Чернышевского об «Асе», Писарева об «Отцах и детях»...

Автор посмертной биографии, которую я уже цитировал, написал, что именно Тургеневу — в продолжение сорока лет принадлежала руководящая роль в литературе, — написал без колебаний, хотя два года назад закончил свой жизненный путь Достоевский, а Толстой уже выступил в свет «Воину и мир» и «Анну Каренину».

Разумеется, утверждение о руководящей роли субъективно. Но вот, например, еще одно свидетельство — В. Г. Короленко, одного из самых умных и честных очевидцев эпохи (в год смерти Тургенева ему было около тридцати):

«Недавно один из критиков «Нового времени» (г. Перцов) указал, — и, пожалуй, верно, что Гончарова гораздо меньше «ругали», чем Тургенева. Да, но это лишь потому, что в то время, которое помнит г. Перцов, о Гончарове вообще говорили мало. Тургенев раздражал, как собеседник, порой больно задававший самые живые струны тогдашних настроений. К нему относились страстно, бурно порицали и так же бурно выражали ему любовь и уважение. У него была ссора, но было и удовлетворение триумфа. Он понимал, и его тоже понимали».

Причем написано это не в работе о Тургеневе, а в юбилейной статье о Гончарове!

Сформулировать можно примерно так: начиная с «Записок охотника», по популярности у русского читателя Тургенев бывал первым, первым среди равных, равным среди равных, но вторым не был никогда.

Наверняка мне возразят, что периодизация литературы по признаку успеха — дело крайне рискованное. Сразу с этим соглашусь. Пока сформулируем скромнее: Тургенев был центральной фигурой тогдашней литературы с точки зрения тогдашнего образованного читателя.

Ну а сам Тургенев — он как относился к своему первенству?

Вдумчивый, серьезный, влюбленный в свое дело писатель, он не был по натуре ни борцом, ни тем более вождем. В знаменитой статье-речи «Гамлет и Дон-Кихот» он восхитился безоглядной решительностью Дон-Кихота, на верное, как раз потому, что сам этого (кстати, отнюдь не идеального качества) был лишен. По натуре он был скорее Гамлет — даже в пору высшей славы каждая новая законченная работа оставляла в нем чувство неуверенности, а то и просто неудачи. Ни к какому лидерству он никогда не стремился, и первое место в литературном процессе его явно тяготило. Не случайно и в письмах и в статьях он настойчиво называл первым писателем эпохи Толстого. Но, увы, даже эта акция лишь подчеркивала его первенство: отрекаться от трона может лишь законный монарх...

Короче, занимая в литературе тех лет место важное, но отнюдь не особенное, в литературном процессе Тургенев занимал место особенное. Проще — он был модный писатель.

Да, модный. Его книги ждали, о нем говорили даже в тех житейских случаях, когда просто нужно о чем-нибудь поговорить. Когда он писал, обсуждали, что пишет, когда не писал, обсуждали, почему не пишет. На литературных вечерах молодая публика шумно восторгалась не только тем, что он читал, но и тем, что читал он. Тогда не было динамиков, но каждое тургеневское слово мода усиливала, как динамик.

Во все эпохи литературная мода раздражала коллег.

Дело тут, разумеется, не в зависти, не в жажде славы, букетов и дамских вздохов: естественно, все мы люди, но, когда речь идет о великих писателях, переоценивать малые человеческие слабости несерьезно. Тут все глуже.

Почти каждая книга большого художника не просто еще одно литературное произведение, но и новый взгляд на мир, поиск лучших путей для человечества. И когда читатель проходит мимо книги-открытия, отвлекаясь на менее значительное, автор огорчается не только за себя, но и за читателя: ведь если модный знахарь уводит больного у опытного врача, врач возмущается не потерей клиента, а тем, что человек может пострадать. Мода забавна, порой увлекательна, но не так безобидна, как кажется: она нарушает нормальное течение литературного процесса, зачастую дезориентирует читателя, тормозит эстетическое и нравственное развитие общества.

Так что вполне можно понять ту иногда неосознанную неприязнь, которую испытывают порой даже очень крупные художники к модному собрату...

В чем только не обвиняли Тургенева! В лозерстве, в «популярничанье», в заискивании перед читающей публикой, в неискренности, даже в желании «подвильнуть хвостом перед молодежью»! Больше всего раздражало, что мода на Тургенева, в отличие от прочих мод, все никак не проходила. Вроде бы поспорил с публикой из-за «Отцов и детей», роман ругают, но все равно у всех на устах то же имя. Уехал за границу, оторвался от родной почвы, от литературной борьбы, а по приезде вместо равнодушия триумфальная встреча! Говорят, что мода не выдерживает времени — мода на Тургенева прошла сквозь всю его жизнь, продолжалась после смерти и практически продолжается сейчас — свидетельство тому хотя бы неумывающееся количество инсценировок и экранизаций.

Откуда же такая стойкость моды?

На мой взгляд, это был тот несчастный случай, когда мода не тормозила, а торопила социальное и нравственное развитие эпохи. Тургенев читали и Тургеневым жили потому, что он этого полностью заслуживал — в течение нескольких десятилетий он был духовный лидер времени.

(При этом, разумеется, не надо забывать, что ни Толстой, ни Достоевский вовсе не оказались в читательском мнении отодвинутыми на второй план: их период начался несколько позднее и длится по сей день, причем не только в отечественной, но и во всей мировой литературе.)

Гоголевский период в литературе кончился, конечно же, не потому, что умер Гоголь. Просто великие художники очень часто, открывая тему, одновременно и «закрывают» ее. После «Мертвых душ» и «Ревизора» какая сатира не показалась бы ослабленным повторением? Прошли десятилетия, прежде чем возникла общественная потребность в Салтыкове-Щедрине.

К тому же, хотя отрицание темного в жизни — сильнейший и незаменимый стимул прогресса, человек не может жить одним отрицанием. Есть еще и природа, и любовь, и сложный мир человеческих отношений, и просветительство в разных его формах — вообще все, что формирует и развивает душу.

В середине прошлого века все эти стороны жизни и литературы смело можно было объединить одним словом: «Тургенев».

В нем была пушкинская широта и «ренессансность» — не зря он всю жизнь преклонялся перед нашим величайшим поэтом. С пушкинской свободой переходил он из жанра в жанр: роман, повесть, очерк, воспоминание, критика, пьесы, идущие до сих пор по всему миру. Стихи? Да, и стихи: поем же мы и сегодня «Утро туманное, утро седое»... Как и Пушкин, он был убежденный интернационалист: для него не было плохих народов, его книги населены героями разных национальностей, один из любимейших — болгарин Инсаров. Как Пушкин, он знал и чувствовал всю Россию — от неграмотных крестьян до молодых интеллигентов.

Тургенев замечательно писал о любви: его проза о «страсти нежной» по воздействию на читателя не уступала (да, пожалуй, и сейчас не уступает) откровеннейшим любовным стихам. Практически в то время в душах молодежи Тургенев, пожалуй, занимал место первого лирического поэта эпохи.

Но главная причина «модности» заключалась в одной крайне редкой особенности тургеневской личности: по складу литературного дарования он был пророк. Это не возвышенная похвала — именно творческая особенность, ничего более.

Здесь, видимо, опять надо вернуться к огромному тургеневскому уму. До сих пор спорят: полезны ум и образование в художественном творчестве или вредны? На примере русских гениев можно ответить однозначно: полезны! Тургенев постоянно попадал в самую сердцевину, в «десятку» общественных проблем, конечно же, не потому, что «популярничал» или стремился «подвилянуть хвостом», а только потому, что наблюдал жизнь страны гораздо внимательнее, понимал гораздо глубже, чем подавляющее большинство его современников. Отсюда постоянный жадный интерес к его творчеству. Отсюда, к сожалению, близорукость, но злые нападки на писателя.

Момент «Записок охотника» был счастливым: писатель и передовое общество совпали в оценке острых проблем дня. Дальше стало сложнее: выражаясь стилем современных спортивных репортажей, писатель «пошел в отрыв». Почти в каждой новой вещи открывал он новые типы. Если жизненность их обнаруживалась сразу, вещь объявлялась творческой победой, если через пятнадцать лет, — клеветой. К счастью, четырех десятилетий творчества хватило, чтобы читающая Россия поняла и признала этот пророческий дар...

Впрочем, нельзя забывать, что в ту пору в России вовсе не один Тургенев был пророк: ведь рядом работали два гиганта, Толстой и Достоевский, видевшие многое в будущем с необычайной, пугающей ясностью, и крупнейшими писателями России двадцатый век признал именно их. Но Тургенев при жизни был популярней. Почему?

Видимо, дело в том, что его пророчества в ту пору были, если можно так выразиться, более конструктивны.

Достоевский, например, точно предсказывал развитие страшных общественных типов и уродливых, преступных отношений — спустя сто лет после его смерти фашиствующие «бесы» уножат пассажирские самолеты и взрывают бомбы на вокзалах. А Тургенев с той же точностью предсказывал развитие светлых общественных типов и высоко человеческих отношений.

Достоевский объяснял, как нельзя и не надо жить, Тургенев — как можно жить. А человек, читающий книгу, знал, что ему, уверенно произнося вслед за писателем все «нет», все равно потом придется сказать «да»: надо жить, надо строить жизнь во всей ее сложной конкретности для себя, для тех, кто рядом, для тех, кто придет. Вот он и тянулся к обнадеживающим прогнозам Тургенева, ибо с Тургеневым жить можно.

Тургеневские «конструктивные пророчества» поразительны. Вспомним хотя бы знаменитых «тургеневских девушек», которых сегодня, без всякого на то основания, преподносят в воспитательных беседах в качестве послушных, благонравных, стопроцентно примерных девиц. Ведь на деле это были подлинные революционерки в сфере человеческих отношений. С какой решительностью ставили они любовь выше условностей, рассудок выше предассудка! Да и разве ограничивалась их роль областью любви? Рядом с героинями тургеневских романов немисливо было оставаться невестой, бездельником, уродливым холопом любого вышестоящего. Самим фактом своего существования они боролись за достоинство и свободу человека. Не от них ли ведут свою родословную героини «Народной воли», революции и Отечественной войны? Впрочем, почему непременно героини? А обычные юные лица, сдержанные и смелые, задумчивые и открытые, то серьезно, то критически, то испытующе глядящие на мир, разнообразные девичьи лица, так украшающие рабочим утром улицы наших городов, — разве не Тургеневым то ли замечены, то ли угаданы они почти полтора века назад?

В свое время «тургеневские девушки» буквально потрясли современников, как ныне потрясают нас, потомков. В мире немало славных литераторов, наша не единственная, но где еще найти женские образы, которые сочетали бы в себе такую душевную силу, высоту нравственных критериев и способность к самопожертвованию, как это характерно для героини нашего классика? Вряд ли

будет преувеличением сказать, что эти характеры, созданные историей народа и творческим провидением писателя, — наше великое национальное достояние.

Но главное из «конструктивных пророчеств» великого писателя, пожалуй, все же не «тургеневские девушки»...

Если бы Иван Сергеевич написал в жизни только одну эту книгу, он все равно занял бы место в первом ряду нашей классики. До сих пор «Отцы и дети» — как бы эталон «проблемного романа». Вроде бы все привычно: интрига, сюжет, частная жизнь частных людей, но какой узел конфликтов, какой острый и контрастный портрет эпохи!

Роман читается до сих пор, но это умеренная похвала. Век для хорошей литературы не так уж много, и самые разные произведения современников Тургенева, от лирических стихотворений до многоактных пьес, без видимых усилий переагнули этот рубеж. Но спустя век вызывать яростные, непрекращающиеся споры способна только уникальная книга.

На рубеже пятидесятых — шестидесятых годов по стране одна за другой прокатились две небывалые по массовости и накалу дискуссии. Впрочем, «прокатились» — неточность: то затухая, то усиливаясь, катятся до сих пор. Первая — о «физиках и лириках», о цивилизации и культуре, о вещах и духовности, о том, нужны ли нашему современнику Бах и Блок, или это только привычная дань «хорошему тону». Вторая — о проблеме «отцов и детей», о взаимопреemptности или взаимостраданиях поколений.

Обе эти дискуссии (а в них в той или иной мере участвовали едва ли не миллионы людей, от старшекласников до государственных деятелей) восходят к одной не слишком объемистой книге, которую сам автор скромно называл повестью и лишь потом определил как роман.

Причем интересно, что мы спорим не только о проблемах романа, но и о его персонажах — прежде всего, конечно, о Базарове — вот уже двенадцать десятилетий (а сколько их будет еще?). Кто он? Что за личность? Циничный прагматик, равнодушный ко всему прекрасному, или умный работник, справедливо презирающий прекрасную болтовню? Находящиеся преподаватели литературы порой устраивают в духе двадцатых годов «суды» над Базаровым, и эти литературно-юридические мероприятия имеют среди старшекласников стойкий успех. Многие ли герои старой классики удастаиваются нынче диспуту?

Говорят, время все ставит на свои места. С «Отцами и детьми» этого пока не произошло: видно, для этой книги сто лет не время. Тип Базарова продолжает развиваться, роман уходит корнями в далекое будущее.

Удивительной силы «конструктивное пророчество»!

Теперь нелегко понять, почему тогдашние блюстители прогресса угладили в Базарове карикатуру на передовую молодежь. Утверждали, что писатель отстал от жизни. На деле все обстояло по-иному, как оно и бывает нередко: жизнь отстала от писателя, уже увидевшего и осмыслившего ее будущий этап...

Так, может, не стоило забегать? Может, разумней было подождать, пока жизнь подтянется, и уж тогда высказаться — всем все понятно, ни обвинений, ни обид?

Заманчиво, но нельзя. Ибо сама по себе жизнь не подтягивается. Надо тянуть. Ее и тянут вперед такие, как Базаров. Такие, как его автор...

Нелегко быть пророком в своем отечестве. Тургенев занимал эту хлопотную должность в течение трех десятилетий.

Что нужнее творческому человеку — уверенность в себе или самокритичность?

Наверное, нужно и то и другое. Уверенность помогает писать, самокритичность — хорошо писать. Везет человеку, у которого оба качества в гармонии!

У Тургенева с большим перевесом преобладала самокритичность.

Когда юный автор, посылая опытному собрату свои опыты, через фразу извиняется, это легко понять. Но и зрелый, прославленный художник не может уйти от той же неуверенной интонации! Уже автором «Записок охотника» он писал знакомому: «Я всегда охотнее верю тому, кто меня бранит...»

Регулярнее всех бранил работы Тургенева сам Тургенев.

Вот после выхода «Записок охотника» он оценивает книгу, принесшую ему славу:

«Мои «Записки» мне кажутся теперь произведением весьма незрелым...»

Вот через годы сообщает Достоевскому (они тогда были в хороших отношениях):

«Когда вы получите это письмо, вероятно, моя повесть будет уже в Петербурге. Прочтите и скажите свое мнение со всей искренностью. Я ожидаю неуспеха, чтобы не сказать более — это не есть «забегание вперед», а довольно ясное сознание, основанное на положительных данных. Я знаю, чего я хотел, — и начинаю чувствовать, что взял задачу не по силам...»

Что же это за повесть? Ни много ни мало — «Отцы и дети».

До сих пор по всему миру идет с успехом тургеневский «Нахлебник». А как относился к своему детищу сам удачливый автор пьесы-долгожительницы? Вот как:

«...что же касается до представления моего «Нахлебника», то это одно из тех несчастий, которые могут случиться со всяким порядочным человеком. — Воображаю, что это будет за мерзость! — И пьеса, и исполнители ее одинаково достойны друг друга...»

А вот в письме Писареву, так сказать, обобщенная оценка творческих возможностей литератора Тургенева (к этому времени уже признанного в Европе мастера):

«...я, с одной стороны, очень хорошо знаю, что всякий талант, как всякое дерево, знает только те плоды, которые ему принадлежат, однако, с другой стороны, я не делаю себе никаких иллюзий насчет моего таланта — моего дерева — и вижу в нем весьма обыкновенную, едва привитую, российскую яблоню...»

«Стихотворения в прозе», ныне переведенные на сотни языков, автор считал лишь эскизами, материалами для будущей работы и не хотел отдавать в печать.

Что это — неуместная скромность? Литературное кокетство?

К сожалению, нет. Это нормальная мука честного писателя, никогда не способного достичь собственного идеала.

Ни тиражи, ни гонорары, ни переводы, ни слава, ни почетная мантия Оксфордского университета ничего в Тургеневе не меняли — видимо, зазнаваться классик попросту не умел. Позволю себе привести еще одну его автохарактеристику:

«Я один из писателей междуцарствия — эпохи между Гоголем и будущим глаголом; мы все разрабатывали в ширину и разбивку то, что великий талант сжал бы в одно крепкое целое, добытое из глубины; что же делать! Так нас и судите...»

Напомню, что к писателям «междуцарствия», этим старательным, но недостаточно талантливым середнякам, скромным «разработчикам в ширину и разбивку» относились, кроме самого Ивана Сергеевича, еще и Гончаров, Некрасов, Герцен, Островский, Достоевский, Толстой.

Нам бы сегодня тургеневские критерии!

Для русской словесности Тургенев сделал то же самое, что Петр Первый для Русского государства: прорубил окно в Европу. Его первого начали широко переводить. Французские классики почтительно называли его учителем, немецкие критики в посмертных статьях сравнивали с Гете.

Но Тургенев не был бы Тургеневым, если бы удовлетворялся только собственной популярностью в мире. Трудно назвать человека, который больше сделал для пропаганды русской литературы за границей.

Важно отметить, что Тургенев стремился познакомить зарубежного читателя с книгами не только своих друзей, но и личных недругов, если книги того заслуживали. Даже в годы разрыва личных отношений он активно способствовал изданию в Европе Толстого и Достоевского.

Нам бы сегодня тургеневскую принципиальность!

Владимир Галактионович Короленко писал в 1909 году в статье «Стереотипное в жизни русского писателя»:

«Когда умирает русский писатель, какого бы калибра он ни был, то ему, как всякому подсудимому на суде, прежде всего, вероятно, предлагают на том свете вопрос: «Были ли в каторжных работах? На

поселении в Сибири? Под судом? В тюрьме? Ссылался ли административно? Или, по меньшей мере, не состоял ли под надзором полиции, явным или тайным?»

И редкий из нашей братии может положить руку на сердце, ответить: на каторге не бывал, под судом и следствием не находился, под явным и тайным надзором не состоял.

Такая уже преступная профессия. Тургенев же писатель глубоко русский, и положенной чашей его не обнесли: и под арестом находился и в ссылке побывал.

Справедливости ради отметим, что арестован и сослан классик был в целом-то небеспричинно: в статье памяти Гоголя он умышленно и противозаконно назвал великого русского писателя великим русским писателем.

К этим жизненным осложнениям Тургенев отнесся вполне профессионально, то есть не переживал, а работал: под арестом он написал знаменитый рассказ «Муму», а в деревенской ссылке — повести «Два приятеля» и «Записки»...

Литературное новаторство требует, как правило, не только громадного таланта, но и могучего характера: ниспровергать общепринятое трудно и творчески и житейски. Века литературного процесса словно бы создали тип новатора: убежденность в своем признании, готовность и даже стремление к борьбе, к публичной полемике, к скандалу, устойчивость к критике и дуэльное умение отвечать ударом на удар.

Байрон, Гого, Маяковский рождены были новаторами: словно с кулаками бросались они на замшелые стены литературных догм — только каменные брызги в стороны!

Но воспитанный, деликатный, постоянно сомневающийся в себе Тургенев?

Да, Тургенев. В истории найдется не много новаторов такого масштаба. Он не бил кулаком, он стучал в стену вежливо, как случайный гость в чужую квартиру, а стена рушилась! Не опровергал, не декларировал, просто писал книги — открытия совершались словно бы сами собой.

Характера новатора у Тургенева не было. Видимо, талант новатора с лихвой перекрывал эту недостающую.

«Записки охотника», восторженные, будто написанные на одном дыхании, не просто книга и не просто открытие темы: это открытие жанра, который с пользой и славой прошел сквозь девятнадцатое столетие и оказался таким необходимым в нашу эпоху в работах Овечкина, Дороса, Абрамова и других наших «деревенщиков» вплоть до Шукшина.

А романы Тургенева, короткие и упругие, вроде бы традиционные, «семейные», но при этом загадочным образом вибрирующие еще и эпоху со всей ее мудростью, горечью и иллюзиями? Кажется, при жизни автора их уже называли «проблемными». Практически тоже жанр, так бурно развившийся в двадцатом веке и давший столько достижений, — вспомним хотя бы прозу нашего Юрия Трифонова...

К «Стихотворениям в прозе» автор не относился серьезно. Но вот они вышли — и рухнул еще кусок стены, и век спустя в пролом хлынул целый поток «лирической прозы».

Даже «странные повести» позднего Тургенева — «Сон», «Песнь торжествующей любви», «Клара Милич» — предвосхитили и как бы вообрали в себя все достижения будущего русского декаданта...

Сколько литераторов во все времена стремились выгладеть новаторами! А оказывается, выгладеть новатором вовсе не обязательно — достаточно им быть...

Прозу зрелого Тургенева его современники читали взахлеб. Критики же главным образом ругали. Кому верить?

Самокритичный классик и за перебором, как в пору подъема, больше верил тем, кто бранит. Сомнения в себе накапливались. В письмах Тургенева шестидесятых — семидесятых годов звучит навязчивым мотивом: с творческой работой пора кончать. В очерке «По поводу «Отцов и детей» — невеселая шутка: «...литературные ветераны подобны военным — почти всегда инвалиды — и благо тем, которые вовремя умеют сами подать в отставку!» И рядом, в той же фразе, спокойный и горький вывод: «Наступили новые времена, нужны новые люди».

Но как жить писателю, переставшему писать?

На наше счастье, орлу не так легко откашляться от крыльев.

Тургенев пишет, не надеясь на успех, заранее предсказывая неудачу каждой новой вещи, но пишет. Журналы его ругают, он тут же соглашается с их оценкой. И вновь пишет.

Среди «неудач» этого периода такие шедевры, как «Вешние воды» и «Песнь торжествующей любви».

В июне 1872 года Тургенев посылает из Москвы письмо Флоберу, старому другу и почти ровеснику:

«Мой друг, старость — это тяжелое тусклое облако, завлакивающее и будущее, и настоящее, и даже прошедшее, так как делает его печальным, ступенчатая и надламывающая воспоминания... Надо защищаться против этого облака...»

Автор не должен падать духом. Пусть он мужественно идет до конца!..

Прощайте и до свидания, мой дорогой друг. — будем же держать голову высоко, пока ее не покроют волны.»

Тургеневу предстоит бороться с волнами еще одиннадцать лет.

Наверное, Тургенев, великий труженик, заработал у судьбы право если не на спокойную старость, то хотя бы на легкую смерть. Вышло, к сожалению, по-иному: последняя болезнь была мучительной и долгой, после выяснилось, что это рак позвоночника. У самого Ивана Сергеевича насчет количества оставшейся жизни иллюзий не было.

Что делать писателю в ожидании смерти? А что еще ему остается делать?!

В свое время, возмущенный предположениями, что некоторые его повести писаны по-французски и по-немецки, Тургенев возразил:

«Я никогда, ни одной строки в жизни не напечатал не на русском языке; в противном случае я был бы не художник, а — просто — дрянь. Как это можно писать на чужом языке, когда и на своем-то, на родном, едва можно сладить с образами, мыслями и т. д.!»

Увы, в жизни лучше ни от чего не зарекаться.

Летом 1883 года во Франции, в Буживале, умирающий Тургенев диктует по-французски свое новое произведение: рассказ «Пожар на море». Почему по-французски? Так приходится, ведь записывает Полина Виардо.

Несмотря на перевод, несмотря на страдания болезни, несмотря на осознаваемую близость смерти, рассказ этот на сто процентов тургеневский — его правдивость, его наблюдательность и, что в данной ситуации даже странно, его обычный печально-снижидательный юмор:

«Совершенно справедливо, что ничто не равняется трагизму кораблекрушения или пожара в море, кроме их комизма. Например, богатый помещик, охваченный ужасом, ползал по полу, неистово клал земные поклоны; когда же вода, которую изобильно лили в отверстия угольных трюмов, на минуту укротила ярость пламени, он встал во весь рост и закричал громовым голосом: «Малюверные! Неужели вы думали, что наш бог, русский бог, нас покинет?» Но в ту же минуту пламя метнуло сильнее, и многоверующий бедняк опять упал на четвереньки и снова принялся бить земные поклоны. Какой-то генерал с угрюмо-растерянным взором не переставал кричать: «Нужно послать курьера к государю! К нему послали курьера, когда был бунт военных поселений, где я был, да, лично, и это спасло хоть некоторых из нас!» Другой барин, с дождевым зонтиком в руках, вдруг с ожесточением начал прокалывать находившийся тут же в багаже дрянной портретишко, писанный масляными красками и привязанный к своему мольберту. Концом зонтика он проткнул пять дырок: на месте глаз, носа и ушей. Разрушение это он сопровождал восклицанием: «К чему все это теперь?» И эта картина ему не принадлежала!»

Автор не щадит и себя (рассказ написан по личным юношеским воспоминаниям):

«Я помню, что схватил за руку матроса и обещал ему десять тысяч рублей от имени матушки, если ему удастся спасти меня. Матрос, который, естественно, не мог принять моих слов за серьезное, высвободился от меня; да я и сам не настаивал, понимая, что в том, что я говорю, нет здравого смысла».

И в финале рассказа, после спасения, на берегу:

«Матрос, которому я за свое спасение наобещал непомерную сумму от имени матушки, явился требовать от меня исполнения моего обещания. Но так как я был не вполне уверен, он ли это действительно, да и сверх того, так как он ровно ничего не сделал, чтобы меня спасти, то я предложил ему талер, который он и принял с благодарностью».

Этот рассказ в тургеневских собраниях сочинений и печатают-то на самом скромном месте, в приложениях. Хотя, наверное, он заслуживает лучшей участи: ведь это тоже своеобразный «репортаж с петлей на шее»...

Дни, оставшиеся до последнего беспмятства, были мучительны. Тем не менее Иван Сергеевич провел их с пользой и многое успел. Успел посмотреть русский перевод рассказа «На море» (смерть смертью, а работа работой), успел послать коротенькое письмо Толстому, в котором уговаривал упрямого гения вернуться к литературной деятельности («Друг мой, великий писатель русской земли — внемлите моей просьбе!»), успел, наконец, сделать необходимые распоряжения по поводу похорон. Впрочем, «распорядиться» было не в его характере.

«Незадолго до своей смерти Тургенев говорил, что он желал бы быть похороненным в Святогорском монастыре, у ног Пушкина, которого он всегда называл своим учителем, но не считая себя достойным такой чести, а потому и завещал похоронить его тело в Петербурге, на Волковом кладбище, рядом со своим другом Белинским. На буквальном исполнении своей воли он, впрочем, не настаивал ввиду того, что рядом с могилой Белинского давно нет места для другой могилы, а потому и было решено похоронить Тургенева на одном кладбище с Белинским возле соборной церкви, с левой (северной) ее стороны, близ входа в собор...» (Биографический очерк из первого посмертного издания собраний сочинений, 1883 год).

Последние дни перед смертью Тургенев лишь изредка приходил в сознание. Третьего сентября 1883 года, в два часа пополудни, дыхание прекратилось.

Тело писателя из Буживаля перевезли в Париж, оттуда в Петербург, где и состоялись похороны (городская дума приняла их на свой счет). Еще раз предоставляю слово биографу-современнику:

В погребальной процессии, медленно двигавшейся от Варшавского вокзала на кладбище — среди несметной толпы, стоявшей вдоль улицы, участвовало 179 депутатов с венками — от различных учебных учреждений и общества, от органов столичной и провинциальной русской печати, от многих русских городов и т. д. Множество венков прибыло вместе с гробом из Парижа и Берлина, из Ковню, Вильны, Динабурга, Острова, Пскова, Луги и Гатчины — попутных городов, жители которых выехали встречать прах Тургенева и днем, и в ночное время. Глаз едва хватывал весь этот ряд венков, двигавшихся, возвышаясь над толпой, на протяжении более чем двух верст. На улицах, в окнах домов (окна по случаю неожиданно наступившей в этот день ясной и теплой погоды были почти везде открыты), на балконах, по заборам и складам дров, и на крышах — всюду было видно множество людей.

По окончании заупокойной литургии и панихиды в церкви гроб, опущенный в могилу, был засыпан землей и цветами. Речи на могиле были произнесены ректором Петербургского университета А. Н. Бекетовым, профессором Московского университета С. Н. Муромцевым и Д. В. Григоровичем; А. Н. Плещеев прочел свое стихотворение».

Так проводили современники своего гения — великой читательской любовью и скромным поклоном литературной общности.

Ну а что сегодня сказать потомку?

Может, просто повторить слова, написанные одним товарищем молодости Тургенева о другом товарище его молодости:

«Учитель! Перед именем твоим Позволь смиренно преклонить колени?»

Или отнести к его судьбе и памяти о нем его же любимое изречение: «Все мнется, одна любовь останется?»

Его любовь с нами. Наша любовь с ним.

Матросы заката

Сергей
Высоцкий

РОМАН

Они встретились в скверике на углу Большого проспекта и Пятнадцатой линии. Бугаев подробно изложил свой план полковнику. Игорь Васильевич слушал молча, никак не показывая своего отношения. Только изредка останавливал Семена, уточнял детали. Правда, это совсем не означало, что предложение майору ему нравится — он мог дотошно выспрашивать мельчайшие подробности, с чем-то спорить, предлагать свои варианты, а в конце разговора заявить: «Нет, дорогой Семен Иванович, план твой никуда не годится». И в доказательство сослаться на какую-нибудь мелочь, которая на первый взгляд и отношения-то к делу не имела. Но Корнилов умел увидеть обстоятельство с самой неожиданной стороны. Увидеть и показать своему собеседнику, что это как раз та мелочь, которая в будущем может сыграть роковую роль. За годы работы с Корниловым Бугаев хорошо изучил своего шефа и никогда не брался заранее предсказывать его решение.

— Да... Сложную задачку ты мне задал. — Полковник поднялся со скамейки и, сделав едва уловимый знак шоферу оставаться на месте, предложил: — Давай пройдемся немного. — Слово прогулка могла помочь принять решение.

Некоторое время они шли молча, потом Корнилов сказал:

— Домой к Жогину они вряд ли придут. И звонят, конечно, из автомата...

Бугаев знал, что Игорь Васильевич не ждет от него ответа.

— Так что если бы мы попросили разрешения подежурить у него в квартире, результат был бы — ноль. Предложить ему согласиться на изготовление инструмента? Проследить за тем человеком, который придет на встречу с Жогиним? А если это ни во что не посвященный связной? Ты прав, это пассивная позиция. Значит, ввести в дело своего человека?

— Не вообще своего, а меня, — не выдержал Бугаев. — И чем скорее, тем лучше. Мы вот с вами, товарищ полковник, прогуливаемся, а Жогину, между прочим, может быть, опять звонят.

Корнилов искоса взглянул на майора. Неодобрительно покачал головой. А потом вдруг задал ему неожиданный вопрос:

— Ты ему веришь? Жогину-то? Сердцем веришь?

И, заметив, как нахмурился Бугаев, засмеялся:

— Что, Сеня, хочешь сказать, при чем тут сердце? А на что же еще в таком случае можно положиться? Если со здравым смыслом подойти — трудно Жогину поверить. Недавно вышел из заключения — раз. Не он к нам пришел рассказать о звонке, а ты к нему нагрянул. Не нагрянул, так бы мы в лучшем случае ничего и не узнали. А в худшем — изготовил бы Жогин этим бандитам все, что они просят. А может быть, и сам в дело вошел... Так?

— А знаете, Игорь Васильевич, — задумчиво сказал Бугаев, — насчет сердца-то вы, пожалуй, правы. Я вот на них на обоих посмотрел — на Жогина и на его жену, — им обоим я бы доверился. Хотя прежде всего у меня расчет на то, что он у нас под контролем будет...

— Ну ладно, — перебил его Корнилов. — Расчет расчетом, а предложение интересное. Поселим тебя где-нибудь поближе...

— Надо в новостройке. Там никто никого не знает. Если проверять начнут, многого не разнюхают.

— Правильно, Семен, — одобрил Корнилов. — Сейчас приеду в управление, займусь твоей жилплощадью. Хорошо бы в Гавани. Там много домов сейчас сдается. Попросим недельки на две-три квартиру. Машина у тебя есть...

— Номера сменить надо.

— У тебя небось приметные номера? — усмехнулся полковник. — С нулями? Чтобы инспекторы ГАИ не слишком беспокоили?

— Игорь Васильевич, я ж на своей машине и по служебным делам разъезжаю...

— Ладно. Номера сменит. Только не рано планы строим? Согласится твой Жогин? Для него ведь это тоже рискованное предприятие.

Когда Бугаев вернулся в квартиру Жогиных, там вкусно пахло щами, тушеным мясом.

— У нас обед готов, Семен Иванович, — сказала Люба, открывая майору дверь. — Покрутите с нами? — Глаза у нее были тревожные.

— Нет, Люба. Времени мало. Вот если стакан чаю...

Она тут же принесла в комнату чай, поставила розетку с вареньем, мармелад в простенькой стеклянной вазочке. Бугаев отхлебнул глоток чаю и почувствовал себя уютно: Жогини смотрели на него выжидательно.

— Вы просили, чтобы я помог вам, — сказал Семен. — А я, нахал, хочу у вас просить помощи. У вас, Евгений Афанасьевич...

— Какой же? — глухо спросил Жогин. — Чтобы подсадную из меня сделать? Я в такие игры не играю.

— Да подожди ты, Женя, — остановила его жена. — Выслушай Семена Ивановича.

— Я и так слушаю, — сердито сказал Жогин.

Продолжение. Начало в №№ 14—18.

«Ну, что ж,— с огорчением подумал Бугаев.— Хуже было бы, если бы он согласился, а потом струсил или, не дай бог, двойную игру сыграл. По крайней мере честно».

— Да нет, чего же слушать?— пожал он плечами.— Дело это добровольное, не каждый решится. А что касается вашей просьбы— думаю, что в два-три дня все устроится. В управлении кадров одного северного треста наш товарищ работает. Пенсионер. Ни разу не отказывал. А с вашей-то квалификацией!

— Семен Иванович,— тихо сказал Жогин,— не могу я, поймите. Это я знаю, что ушел навсегда! Они же меня своим считают. Не простят. Знали бы вы Лёву Буря!

«Про Лёву Буря я могу ему и сказать,— решил Бугаев.— Может быть, и на Север он завербоваться хочет, потому что Котлукова боится».

— Лёвы Буря нет.— Семен снова взялся за чай. Зачерпнул ложечкой варенья. Варенье было вишневое, без косточек. Бугаев посмотрел на Любу.— Мое любимое. Я думал, что так вкусно только моя мама варит.

Люба расплылась в улыбке.

Жогин напряженно смотрел на Бугаева и молчал. Его состояние, видимо, почувствовала и Люба. Повернувшись к мужу, спросила:

— Женя, ты что?

— Лёвы в Питере нет?— в голосе Жогина чувствовался такой пристальный интерес, что Бугаев теперь не сомневался: больше всего он боится Лёвы.

— Лёва Котлукова совсем нет. Он умер.

— Ха... Лёва Бур просто так умер?

— Просто так никто не умирает...— Семен хотел сказать, что один умирает от болезней, другие от старости, третьи от несчастных случаев, но Жогин перебил его:

— Вот и я о том же — Лёва Бур просто так умереть не мог.

— Евгений Афанасьевич.— Бугаев не удержался и положил в рот мармеладину. Все-таки с утра ничего не ел.— А какая вам разница, от чего умер Котлуков? Его нет. В этом все дело.

— Женя, а может, теперь-то ты и помог бы им?— Она кивнула на Бугаева.— Теперь-то, а?— повторила она со значением. Чувствовалось, что Люба боялась Лёвы Буря еще больше, чем муж.— Ведь если ты им поможешь,— продолжила она горячо,— то ведь и с тебя все спишет. Все, что было. И забыть можно будет на вечные времена. И никто больше придти к тебе не будет. Не будет справки наводить про всех этих подонков.

«Вот режет,— с интересом слушал Семен Любу.— Логика хоть и женская, а доходчиво».

— Вы что, и правда, Котлукова боялись?— спросил он.

Жогин бросил на него короткий взгляд исподлобья и не ответил. Спросил сам:

— Что нужно? Узнать, кто звонил? Где хазу дер-

жат? Для этого заказ придется брать. А я-то думал, чего они от Лёвы приветы передают, а за инструментом ко мне обращаются!

— От вас, Евгений Афанасьевич, требуется только одно — познакомиться меня с кем-то из них. Я для них и инструмент раздобуду. Так что «подсадной» не вы будете, а я.

Жогин с удивлением смотрел на Семена.

— Да как же я вас сведу? Я и сам его ни разу не видел. Только по телефону.

Бугаев ободряюще подмигнул.

— Об этом мы с вами быстро договоримся. Главное, улыбайтесь почаще да не держитесь так напряженно...

14

Бугаев вошел в ресторан слегка расхлябанной походкой человека, который знает, что он уже пьян, но всеми силами старается доказать окружающим обратное. Старик гардеробщик сидел у барьера и что-то торопливо ел из белой мисочки, заливая чаем. В пустом гардеробе одиноко висела его старенькая фуражка с потемневшим золотым околышем.

— От щедрот шеф-повара?— спросил Семен и дурашливо подмигнул гардеробщику. Старик равнодушно отмахнулся от него и продолжал невозмутимо поглощать свою еду. Бугаев остановился у большого зеркала. «Ничего себе рожка!»— ухмыльнулся он удовлетворенно. В это время дверь в зал открылась и в вестибюль вышел крупный мужчина с красным, потным лицом.

— Где тут заведение?— спросил он у гардеробщика.

Старик молча показал ему вилкой на портьеру в углу.

Бугаев демонстративно поплевал на ладони и стал приглаживать волосы. В оставленную приоткрытой дверь была видна часть зала, и Семен сразу же заметил в дальнем углу сидевшего боком к дверям Жогина. Рядом с ним, лицом к выходу, сидел молодой парень. «Значит, пришел один»,— отметил Бугаев. Слегка качнувшись, он повернулся от зеркала и пошел в зал.

На эстраде рассаживались оркестранты. Бугаев остановился у дверей и огляделся, отыскивая свободный столик. Краем глаза он успел заметить Володю Лебедева, сидевшего за столиком в углу с какой-то молодой парочкой.

Откуда-то сбоку возник высокий мужчина в лоснящемся черном костюме. Наверное, метрдотель.

— Желаете поужинать?— спросил он Бугаева.

— Желает.

— Вы один? Или ожидаете друзей?

— Или,— сказал Бугаев.— Хочу крепко поужинать. Но друзей не ожидаю.

Метрдотель подвел Семена к пустому столику, снял с него карточку с надписью «столик заказан».

— Прошу вас. Сейчас подойдет официант.

Семен сел вполоборота к столику, за которым

расположились Жогин с парнем. Парень был какой-то невзрачный, тусклый, с плоским лицом. Если бы не мягкая рыжка в волосах да прыщи, едва прикрытые пушком бакенбардов, его внешность плохо бы поддавалась описанию.

Пока Бугаев тоном загулявшего пижона выспрашивал у официанта, чего ему заказать повкуснее, да требовал хорошего коньяку, а официант вежливо объяснял, что хороших коньяков сегодня нет, он с удовлетворением почувствовал на себе взгляд жогинского соседа. «Клюй, рыбка, большая и маленькая. Лучше бы большая, но что-то по морде не похоже».

Оглушающе, так, что задрезжали фужеры, грянул оркестр. Потом пухлый певец в серебристом костюме вяло спел две цыганские песни.

Официант, почувствовав, что его клиент горит желанием гульнуть, развернулся довольно быстро. Нашлась и бутылка марочного коньяка. Низко склонившись к Семену, официант шептал ему, одновременно ловко раскладывая на столе закуски:

— Попросил у буфетчика. Коньяк из его энзе. Только для вас. И боржомчик. Пришлось этикетки содрать, чтобы не привлекать внимание...

Слушая вполуха шепот официанта, Бугаев начинал тревожиться, думая о том, что время идет, а Жогин сидит за своим столиком, словно истукан, даже головы не повернет. Может, не видит его?

Молоденькая, с приятной доброй мордашкой певичка запела любимую песню Семена про то, как кружатся над городом желтые листья. «Не прожить нам в мире без потерь, без потерь, не пройдет, казалось, лето, а теперь...»

— А теперь, а теперь!— подпел негромко Семен. С соседнего столика на него шикнула полная блондинка, но в это время певичка, задорно пританцовывая на эстраде, прибавила темп: «...Листья желтые над городом кружатся». Оркестр грянул громче. Посетители начали вставать из-за столиков и потянулись к небольшому пятачку перед эстрадой. Танцевать.

— Семен Иванович!— услышал Бугаев голос Жогина и обернулся. Жогин махал ему рукой.

— Жека, кирюха!— с неподдельной радостью крикнул Бугаев.— Давай сюда!

Жогин посмотрел на парня и развел руками, словно бы говоря: неудобно, я тут не один.

— Давайте оба!— силясь перекричать оркестр, позвал Бугаев. Но Жогин, наверное, не расслышал и только еще раз развел руками. Семен видел, как парень, наклонившись к Жогину, быстро спросил его о чем-то. Наверное, поинтересовался, что еще за знакомый тут выискался. Жогин начал объяснять, и по его жестам Бугаев понял, что характеристику он выдает ему самую лестную. «Ну, артист,— подумал Бугаев.— Разыгрывает все как по нотам». Он всегда считал, что тюрьма и колония из любого человека делают артиста. Не могут не делать, потому что в заключении каждый час, каждую минуту, лавируя между тюремным начальством и прожженными, способными на все рецидивистами, человек вынужден лицедействовать. И всегда, когда Семену приходилось иметь дело с побывавшими за колючей проволокой людьми, держал он в голове это казавшееся ему немаловажным обстоятельство. За что не раз полу-

чал замечания от Корнилова, считавшего, что настоящего человека никакая тюрьма не превратит в лицедея. «Настоящие люди в тюрьму не попадают», — всегда говорил в свою защиту Семен. Но он был молод и задирист. И не имел такого опыта, как его непосредственный начальник.

«Пока гремит оркестр, самое время для знакомства», — решил Бугаев. — Под шумок это лучше получается». Он взял бутылку коньяка в одну руку, блюдо с рыбным ассорти — в другую и, слегка пошатываясь, направился к столику, за которым сидели Жогин с рыжим парнем.

— Господа, — сказал он, излучая добродушие и желание угостить ближнего, — когда гора не идет... Женья... Ты знаешь, к кому не идет гора?

— Знаю, Семен Иванович, — улынулся Жогин. — Вы присаживайтесь. Мы с дружкой тут сбегались накоротке. По рюмке принять.

По тому, как заинтересованно склонился парень на Бугаева, Семен понял, что Жогин успел рассказать о нем главное.

«Косись, косись», — подумал Семен. — А мы тебе пока ноль внимания». И, обернувшись, отыскав глазами официанта, небрежно взмахнул рукой.

— Милый, не сердись на меня. Друга встретил. Благодетеля. Обслужи за этим столиком, — попросил он, когда официант подошел. Тот сочувственно кивнул.

— Закусочка у вас есть. И коньячку на первый раз хватит. А как шашлык? Три?

— Конечно, три! — сказал Бугаев. — Жека, как твой кирюха? Язвой желудка не страдает? Ему шашлык врачи не запретили?

По тому, как у парня зарделись уши, Бугаев понял, что попал в точку, и мысленно выругал себя.

— Как, Вася? — не слишком смело спросил Жогин парня. — Ударим по шашлычку? Семен Иванович — свой человек.

Парень посмотрел на часы, потом на Бугаева. Помедлил с ответом, словно сомневался, стоит ли затеваться. Потом сказал:

— Можно и по шашлычку. Бугаев стал разливать коньяк, но парень прикрыл свою рюмку.

— Не буду мешать, долью водку. — Голос у него был красивый, бархатный. Располагающий. Когда он говорил, Бугаеву почудилось, что перед ним два разных человека. Так разителен был контраст бесцветного, плоского лица и красивого голоса.

— Как ты меня, Женечка, вырубил, — сказал Семен, когда они выпили. И обнял Жогина. — Женя — золотая ручка! — обернувшись к парню, восхищенно поцокал языком и объяснил: — Мотор у моей старой лайты починил. Да как! Был ржавый, стал новый. Она у меня, бедняжка, пять лет по мне скучала... — Он насулился, словно понял, что сказал лишнее, и строго посмотрел на парня.

Тот сидел спокойно, только пальцы правой руки у него двигались, разминая хлебный мякиш. «Похоже, и ты срок имел», — подумал Бугаев.

Жогин вздохнул. Сказал с сожалением:

— А теперь, Семен Иванович, на работе так прижали, что нужной железки не возьмешь без разрешения, не то чтобы... — Он выразительно взглянул на Бугаева.

— Я, значит, у тебя последним клиентом оказался? — усмехнулся Бугаев. — За это выпить надо. Вот ведь подвезло мне!

Парень со злостью запустил хлебный катышем под ноги танцующим.

— Ты, Жека, бросал бы заводскую пахоту. В какой-нибудь ширпотреб устроился, — сказал Бугаев. — Телевизоры ремонтировать. Или сейфы. — Он захохотал, а Жогин насулился.

— Молчу, Жека, молчу, — примирительно сказал Бугаев. — Вольному — воля, спасенному — рай. Зарабатывай характеристику. Никто тебе плохого слова не скажет, ты закон знаешь, старыми корешами не брезгуешь. — Он опять сурово посмотрел на парня. Тот усмехнулся и пожал плечами, словно бы соглашаясь с Семеном.

— А то, что прижимать сейчас стали, — пройдет, — продолжал Бугаев. — Вспомни, как у нас... — Он словно бы хотел сказать: «у нас в зоне», да вовремя поостерегся постороннего и только заговорщицки подмигнул и взялся за бутылку. Водки уже не было. Семен хотел налить парню коньяку, но тот снова прикрыл ладонью рюмку. Бугаева все время настораживало молчание парня, незаметное, исподтишка, приглядывание и особенно легкая снисходительная ухмылка, время от времени кривившая его тонкие губы.

— А я, Жека, новой хатой обзавелся, — сказал Семен, с аппетитом принимаясь за шашлык. — С твоей легкой руки кооператив приобрел. Пришлось, конечно... Сам понимаешь! И телефон теперь есть. Позвони мне завтра-послезавтра. Я ведь еще у тебя в должниках хожу. — Он вынул из пластмассового стаканчика пачку бумажных салфеток и написал номер.

— Семен Иванович, — вдруг тихо спросил Жогин, — а вы не могли бы вернуть мне... тот набор, что я

для вашей лайты сделал? А, Семен Иванович? Трурики у меня все целы. Хотя завтра готов привезти, куда скажете. И долг ваш спишется...

Бугаев видел, как напрягся рыжий. Хотя и опустил глаза, словно примериваясь, в какой кусок шашлыка воткнуть вилку.

— Да ты что? — удивился Семен. — Анаши накурится? Может быть, покаяться решил и в цехком отнесешь? Или еще куда подальше? — Теперь он уже не пытался играть в жмурки с рыжим парнем. Просьба Жогина оправдывала его ярость.

— Тише вы, Семен Иванович, — умоляюще посмотрел на него Евгений. — Официант так и крутится вокруг нас.

— И пусть крутится! — отрезал Бугаев. — Должен крутиться, когда люди гуляют. А ты...

— Да сдуру это я, — оправдывался Жогин. — Не подумал. Выкручусь. Не берите в голову. Хотел дяде подарить к дню рождения. Он у меня любит по металлу работать, хоть и пенсионер. А день рождения скоро... Ну, черт меня за язык дернул. Выкручусь я!

— Эх, и шашлычок! — вдруг повеселев, сказал парень. — Во рту тает. Я такие только в Сухуми ел. Под такой шашлычок можно и коньячку пригубить.

— Давно бы так, — хмуро пробурчал Бугаев и налил ему коньяк в фужер, а на протестующий жест рыжего сказал: — Да в рюмке водкой весь аромат перебьет.

Они выпили, и Семен сказал уже чуть подобранным голосом:

— Ну Жека, ну Жека...

— Женя — кореш свойский, — защитил Жогина рыжий. — Зря ты, Семен Иванович, на него бочку покати. Пошутит человек...

«Ишь ты, запомнил, как зовут, — подумал Семен. — Наверное, и телефон запомнил». И тут же увидел, как рыжий взял верхнюю салфетку из пачки, на которой Бугаев записал номер телефона для Евгения, деликатно вытер ею губы и, сложив вчетверо, незаметно подsunул краешком под тарелку.

Первым поднялся рыжий.

— Женя, не хочешь прогуляться? — спросил он Жогина.

— Куда? — не понял тот.

— В галлюн.

Жогин кивнул и тоже поднялся.

Когда они, пройдя нетвердой походкой между столиками, скрылись за дверью, Бугаев увидел, что салфетка, которую рыжий подсовывал под тарелку с шашлыком, отсутствует. «Не понадеялся на свою память, — почему-то с удовлетворением подумал Семен. — Забрал салфетку. Я так перо нажимал, что, поди, на всей пачке телефон пропечатался».

Оркестранты сделали перерыв. Трое из них сели за столик, стоявший у самой эстрады, и, о чем-то оживленно споря, стали закусывать. Ивичка, исполнявшая песню про желтые листья, прошла мимо Бугаева куда-то в конец зала.

Бугаев откинулся на спинку стула и обвел зал глазами. Лебедев смотрел на него с тревогой. Наверное, беспокоился, не исчезли бы рыжий с Жогиним. Семен, словно шурясь от яркого света люстры, прикрыл глаза: «Все в порядке. Без паники».

«Наверное, рыжий спрашивает обо мне у Жогина, — подумал он. — Что, дескать, за птица? Клюй, рыбака, клюй, большая и маленькая...» Но соседи не возвращались. Теперь и Бугаев начал тревожиться. Послать Лебедева посмотреть, что там происходит? У него была на этот случай договоренность — стоило Бугаеву приспустить галстук и расстегнуть ворот рубашки, как Лебедев пошел бы на разведку. Но в это время в зал вошел Жогин. Вид у него был растерянный, и Семен понял, что случилось что-то непредвиденное.

Жогин сел за столик. Лицо у него было бледное, а глаза совсем трезвые. Будто он и не выпил ни рюмки.

— Семен Иванович, он не придет...

В это время подошел официант. Принес кофе.

— А ваш товарищ? — поинтересовался он.

— От кофе и от мороженого наш товарищ отказался, — улынулся Бугаев.

— Мороженое вы не заказывали, — сказал официант, заглянув в блокнот.

— Этого не может быть. Мороженое с клюквенным вареньем — моя любимая еда.

Официант не стал спорить и удалился за мороженым.

— Он все про вас спрашивал, — быстро зашептал Жогин, но Семен, улыбаясь, оборвал его:

— Женя, спокойно. Мы же с тобой гуляем. Что нам расстраиваться из-за слившегося барбоса!

Жогин через силу изобразил улыбку.

— Вот сейчас нам коньяк не помешает, — сказал Бугаев и налил по рюмке. — В профилактических целях. «Ничего, на улице Белянчиков с ребятами дежурит, черный ход из кухни во двор под наблюдением, — лихорадочно соображал Семен. — Ребята его не упустят, доведут до квартиры». — Он взялся за галстук, чуть-чуть опустил узел, расстегнул верхнюю пуговицу. Лебедев встал из-за своего столика, улыбаясь, что-то сказал своим соседям — наверное, что сейчас вернется, и вышел из зала. Семен представил,

как он закурит в вестибюле, потом выйдет на улицу и, посматрив на часы, недовольно оглядится, словно сердясь на опаздывающую приятельницу.

Коньяк и правда подействовал на Жогина успокаивающе. Щеки у него снова порозовели, он даже съел еще кусок шашлыка, хотя Бугаев и видел, что нож и вилка в руках у Евгения слегка дрожат.

— Я ему сказал, как мы договорились, — тихо начал рассказывать Жогин. — Он только своей рыжей головой кивал. Выслушал все и говорит: «Это мне неинтересно». А расспрашивал, дескать, потому, что не любит с незнакомыми пить. — «А тебе три дня срока: не будет инструмента — заказывай панихиду».

— Не дрейфь, Женя, — ласково сказал Бугаев. — С нами не пропадешь. Как вы с ним расстались-то? Он ушел из ресторана?

— Иди, говорит, к своему кирюхе, а я домой потаю. А за стол пускай кирюха заплатит. Он, я вижу, гуляет по-крупному.

— Ну и?..

— Кивнул мне на дверь, я и пришел к вам.

— А рыжий в вестибюле остался?

— Остался, Семен Иванович.

— А чего он там делал?

— Просто стоял. И смотрел, как я к дверям шел. Я в дверях оглянулся, а он мне ручкой сделал.

— Кто-нибудь был еще в вестибюле?

— Какие-то две девчонки у зеркала причесывались.

— Та-а-к, — задумчиво сказал Бугаев. — Кирюха, сказал, заплатит?

— Да что вы, Семен Иванович, я ведь тоже при деньгах... — по-своему понял слова Бугаева Жогин.

— Я не об этом. — Бугаев мучительно перебирал в памяти все свои действия, все слова, которые говорил за столом. Пытался понять, не насторожил ли чем рыжего.

— Значит, про инструмент, который ты мне делал, ни слова?

— Ни слова, — эхом отозвался Жогин.

— И про то, что за деньги я тебе еще должен, ничего не спрашивал?

— Нет. Ничего не спрашивал. Только, как зовут, где познакомились. Знаете ли Лёву Буга.

— Знаю ли? — переспросил Бугаев. — Или «знал ли»?

Жогин наморщил лоб, вспоминая. Потом твердо сказал:

— «Знает ли».

— Ладно. — Бугаев взялся за кофе. — Нам суесться нельзя. Может, у рыжего здесь кто-то в дозорных сидит. Ну, ушел и ушел, нам-то что! Сейчас допьем кофе. — Он увидел официанта, несущего две вазочки с мороженым. — Мороженое съедим. — Он сделал красноречивый жест пальцами. — Подсчитаем убытки, шеф!

— Все готово. — Официант тут же положил перед Бугаевым листок. Мельком взглянув на счет, Семен вытащил пятидесятирублевку:

— Сдачи не надо.

Подумал: «Половину, больше мне фирма не оплатит».

...Они вышли в вестибюль вместе, минут пять разыгрывали перед старичком гардеробчиком и солидным швейцаром сцену любви и дружбы.

— Женя, помни, — упрямо долдонил Бугаев, — я твой должник. Что верно, то верно. Сегодня я, а завтра ты! — Так, обнявшись, они и вышли на улицу. Причем Бугаев не забыл сунуть в руку швейцара рубль.

Такси, в котором дежурил Белянчиков, стояло на другой стороне улицы. «Что же они, не сели на хвост рыжему?» — с недоумением подумал Семен. Прощаясь, он шепнул Жогину:

— Сегодня вечером позвоню. Если будет кто посторонний, скажешь: ошиблись номером, а потом сам позвонишь...

Бугаев пошел по улице, свернул налево. Огляделся. Улица была пустынная, только вдали по другой стороне шла подвыпившая компания молодежи, вразной выкрикивая слова давно устаревшего на Западе шлягера: «Мани, мани, мани...» «Что они, кроме «мани», других слов не знают? — со злостью подумал Бугаев. — Выучили бы как следует, раз уж так по-английски петь приспичило!»

Уже совсем стемнело. Прохладный ветер нес по тротуару пыль, смешанную с сажей. Впереди притормозила машина. Мигнула фарами. Бугаев перешел через улицу, еще раз огляделся. Ничего не привлекло его внимания. Он не спеша двинулся к машине...

Оказалось, что рыжий парень из ресторана не выходил. Ни с главного подъезда, ни с черного хода.

— Не мог же он сквозь землю провалиться? — рассердился Бугаев, выслушав своих товарищей.

— Конечно, не мог, — согласился Белянчиков. — А вот остаться в ресторане мог. Лебедев там будет сидеть до закрытия. — Он взглянул на часы. — Через пятнадцать минут ресторация закрывается. За черным ходом я тоже наблюдение оставил.

— Может, еще один выход есть? — сказал задумчиво Бугаев. — Да ведь не пойдешь расспрашивать.

— Почему?—спросил Белянчиков.
— Если он так внезапно растворился в этом шланге — не исключено, что и дружки у него там имеются.

— Может, ты и прав,—согласился Юрий Евгеньевич.

Машина, скрипнув тормозами, круто развернулась.

— Куда сейчас?—спросил Бугаев.
— Шеф в управлении дожидается,—сказал Белянчиков.—Раз пять на связь выходил. Все спрашивал, как там наш Сенечка. Не перебрал?

— Да ну тебя!—рассердился Бугаев.—Посидел бы ты там, повыламывался!

— Из меня актер никудышный,—усмехнулся Белянчиков.—Да и лицо после первой рюмки малиновым становится. А ты и сейчас как огурчик, с виду не подумаешь, что весь вечер пропьянствовал. Перегарчиком, правда, пахнет.—Он дурашливо принялся.—И шашлычком. Да вы гурман, Семен Иванович!

— Ну давай, давай!—вздыхнул Бугаев.—Мели, Емеля...

Выслушав доклад Бугаева, Корнилов, по привычке теребя пальцами мочку уха, спросил Белянчикова:

— Юрий Евгеньевич, а вы не могли упустить из виду этого парня? Не проскочил он в толпе?

— Нет,—твердо сказал Белянчиков.—Это исключено. Я его с ног до рыжей головы рассмотрел, когда он еще Жогина поджидал у ресторана. При дневном свете...

— Вот-вот,—ухватился Игорь Васильевич за эти слова майора.—При дневном свете... Рыжая голова... А ночью все кошки серы. И на голову можно кепарик надеть. Кстати, в потемках рыжего от шатена и не отличишь.

— Товарищ полковник,—с обидой сказал Белянчиков,—я за свои слова отвечаю. Из подъезда ресторана этот тип не выходил.

— Понимаю, что ты его не пропустил. Зря сердиться,—совсем по-домашнему вздохнул Корнилов.—Но куда-то же он делся?

— Остался в ресторане,—сказал Бугаев.—Я в этом уверен. Поэтому и расспрашивать никого не стал—ни швейцара, ни гардеробщика.

— Правильно сделал,—кивнул Игорь Васильевич.—Вот только пальчики его надо было исхитриться и достать.

— Не рюмку же с собой забирать?!—проворчал Бугаев.—У нас детективы даже преступники по телевизору смотрят. Нагляделись, как сыщики отпечатки пальцев добывают. Бокальчик ненароком заденут... Ах, извините! И осколочки в платочек. А то и целый стакан в карман запирают.

Корнилов засмеялся:

— Что-то вы, братцы-ленинградцы, раздражительными стали. Время, что ли, позднее?—Он посмотрел на часы.—Да... Уже воскресенье началось. Кстати, Юра,—обратился он к Белянчикову,—позвони дежурному, пусть снимут посты у ресторана. Теперь уже бесполезно людей там держать.

Белянчиков снял трубку прямого телефона.

— Чайку бы сейчас,—мечтательно произнес Бугаев.

Белянчиков не выдержал и, прикрыв трубку ладонью, прошептал:

— Нахал. Весь вечер кейфовал в ресторане...—Договорить он не успел—отозвался дежурный по городу. Юрий Евгеньевич передал просьбу вернуть людей, наблюдавших за рестораном.

— Времени в обрез,—сказал Корнилов.—Через четыре дня на стройкомбинате, куда устроилась Рогозина, выдача зарплат. Кассиры привозят сразу все деньги, а зарплату выдают два дня. Почти половина остается в сейфе на ночь. Можно, конечно, попросить их привезти деньги в два приема...—Он задумался.—Даже нужно бы. Но если Рогозина их наводчица, то сразу поднимет тревогу. И опять ищи ветра в поле...

— А если о том, что привезут половину денег, будет знать только главный бухгалтер и старый комбинатовский кассир?—высказал предположение Белянчиков.

— Да как ты скроешь это в маленьком коллективе бухгалтерии? Люди начнут нервничать, вести себя неестественно,—запостестовал Корнилов.—Вот если договориться с банком... Чтобы те, сославшись на отсутствие денег, выдали только половину... Нет, и это не годится! Все равно полезут. Не в этот, так в следующий раз. И какие бы мы там засады ни устраивали, риск для работников комбината есть. Не можем же мы там месяцами торчать! Правда, пока никаких подтверждений, что Рогозина была вговоре с Буром, нет. Характеристики со всех прежних мест работы хорошие. Семья в Краснодаре приличная. Лева Бур мог познакомиться с нею, чтобы иметь возможность побольше разузнать о сберкассе...

— Жаль, что на Семена не клюнули,—сказал Белянчиков.

Бугаев усмехнулся:

— Ну почему же не клюнули? Телефончик мой рыжий прижал.

— Заставим клонуть,—задумчиво произнес Корнилов, словно и не услышал того, что сказал Бугаев.—Заставим! Надо Жогина из этой игры изъять. Отправить куда-то в командировку. Или в больницу положить. Вот-вот, в больницу...—Он рассуждал, все больше и больше воодушевляясь.—Сердечный приступ. Жена ночью вызывает «Скорую». В таких случаях человек лежит в реанимации. Один. Под строгим медицинским контролем. У неизвестных пока нам грабителей опять номер с инструментом провалится. Таких умельцев, как Лева Бур да Жогин, не сразу найдешь. А ребята эти, похоже, торопятся. Куда податься? Волей-неволей к Семену Бугаеву...—Он внимательно посмотрел на Семена.—Если Бугаев только не пережал в ресторане. Не переусердствовал, Сеня?

— Будьте спокойны, товарищ полковник,—подал голос Бугаев.—Все было взаправду, лучше, чем в кино.

— А если сейчас тебе этот рыжий звонит по телефону?—с ехидцей спросил Белянчиков.—Решил проверочку устроить. Что ты ему завтра скажешь? Что начальнику заседание проводил?

— Скажу, что заблудился и пришлось у знакомой девушки переночевать.

— Ладно, ладно!—повысил голос полковник.—Хватит пикироваться. Я тебя, Юрий Евгеньевич, не узнаю. Вы что, с Семеном ролями поменялись? Он ведь у нас штатный балагур, а не ты.

Белянчиков помрачнел. Посмотрел на полковника пристальным, немигающим взглядом.

— Да, что-то, Игорь Васильевич, неспокойно на душе, мутно. У меня все из головы это Колокольников не идет... Выдужит он или нет?—Белянчиков встал, прошелся по кабинету, нервно сцепил пальцы.

— Ведь за что на него, в сущности, напали? Хотели убить? Ну, заметил подозрительного типа. Решил, что поймает виновника наезда. Следить стал. Но за это же не убивают! Уйти от такого «преследователя», как Колокольников,—проще пареной репы. Захотел рыжий пареня из ресторана смыться—профессионалы его не устерегли! А тут от Зеленогорска до Соловьевского переулочка неискушенный мужик бандита довел!

— Или бандит неискушенного мужика привел туда, где ему удобно было с ним расправиться,—сказал Корнилов.—Тот, за кем Колокольников следил, наверняка думал, что он многое видел. К примеру, как дружки Левы Бура, подъехавшие через несколько минут после несчастного случая, засовывали его труп в машину. А раз так, то считали, что Колокольникову известен и номер машины.

— Правильно,—согласился Бугаев.—И от машины они, скорее всего, сразу же избавились. Или номера поменяли. А если так, то им не только такой специалист, как я, нужен, но и машина. Выходит, что майор Бугаев для них—самая подходящая фигура.

— Не будем гадать.—Корнилов стал собирать лежавшие перед ним бумаги, давая понять, что ночное бдение заканчивается.—То, что произошло с Колокольниковым на пути из Зеленогорска на Васильевский остров, мы сможем узнать только тогда, когда он придет в себя. Но, похоже, это будет не скоро. Нам надо ловить этих бандитов. Завтра с утра Белянчиков займется Жогиним. Продумай как следует, в какую больницу его положить. Как охранять и его и жену. Сами видите, с кем дело имеем! А ты, Семен, сиди в своей новой квартире, звонка жди. Ну, конечно, не затворничай. Веди себя естественно. Вечером на часок, на два опять в «Адмиралтейский» заверни, ты же у нас человек денежный. Кассу недавно «взял». И звони, как договорились, трижды в день. И сразу, как что-то новенькое появится. Все.

— У вас в приемной, что ли, переночевать?—задумчиво сказал Белянчиков, когда они выходили из кабинета Корнилова.—Да, наверное, в диване клопы есть.

Но никто на его шутку не ответил...

15

Корнилов всегда очень тщательно готовился к допросам. К трудным допросам. Нет, он не старался предугадать, как может повести себя человек, с которым предстояло беседовать, и не продумывал заранее все вопросы, которые собирался ему задать, не обременял себя придумыванием уловок, которые помогли бы ему выявить то, ради чего этот допрос состоялся. Некоторым его сослуживцам казалось, что он проводил допросы и беседы с подозреваемыми вопреки теории, которую когда-то изучил на юрфаке. Но они ошибались. Опыт подсказывал полковнику, что в общении с людьми теория хороша только до известных пределов—личность человека гораздо богаче, чем любая теория. И поэтому Корнилов считал поведение человека непредсказуемым. Он знал, что оно зависит порой от мелочей, о которых сам человек может даже не отдавать себе отчета,—от того, как он выпсался, от обиды, которую причинил ему сосед по камере, от известий, полученных с воли, от того, светит ли солнце или небо затянуто тучами.

Но к тому моменту, когда полковник шел к человеку, с которым предстояла беседа, или этот человек сам приходил к нему, вызванной повесткой, или его приводил на допрос конвойный, Корнилов хотел знать о нем как можно больше. И собирал эти сведения по крупицам. Черты характера и отношения в семье, увлечения, отношение к нему друзей и его—к друзьям, круг сослуживцев... Всегда было трудно предугадать, какие порой малозначительные детали о человеке он поручит выяснить своим сотрудникам.

Старшего лейтенанта Лебедева совсем не удивило задание Корнилова узнать, давно ли водит Борис Дмитриевич Осокин автомашину, сколько автомобилей у него уже было, попадал ли в аварии, нарушал ли правила езды. Необходимость таких сведений не вызвала у Лебедева никаких сомнений. Даже просьба порасспросить о том, как Осокин относится к своему автомобилю—аккуратист, по воскресеньям драгший ее замшей, или безалаберный неряха, по полгода не открывающий капот. Лебедев, хоть и не очень четко, но представлял себе, как сможет воспользоваться шеф такими сведениями. Но вот зачем потребовалось Корнилову выяснять, бережливый ли человек Осокин или транжира, Володя Лебедев так и не понял. Хоть и смог отыскать для шефа такую информацию. Правда, с большим трудом.

Допросить Осокина Игорь Васильевич решил у него дома. В привычной для Бориса Дмитриевича обстановке. Да и побитые «Жигули» стояли рядом с подъездом. Следователь, который вел дело, дал согласие на то, чтобы допросить Бориса Дмитриевича, и на то, чтобы провести осмотр его автомобиля.

Осокин был дома один. Когда он открыл дверь, Корнилов, несмотря на то, что в прихожей было темно, сразу вспомнил этого приятного, с мягкими манерами человека, и почувствовал, что хозяин тоже узнал его.

— Корнилов. Из уголовного розыска,—представился Игорь Васильевич.—Я вам звонил полчаса назад...

— Да, да,—закивал Осокин торопливо Игорю Васильевичу, широким жестом показав куда-то в глубь квартиры.—Проходите, пожалуйста.—И в этот момент увидел позади полковника еще двух человек—Лебедева и эксперта.—Вы не один?—Борис Дмитриевич насторожился.

— У нас есть разрешение провести осмотр, а потом и техническую экспертизу вашей автомашины,—сказал Корнилов.—Давайте сначала займемся ею. А потом мы с вами побеседуем...—Он сделал паузу и добавил, чтобы уж не было никаких недомолвок:—Следователь поручил мне допросить вас.

Осокин пожал плечами. Хотел что-то спросить, но не спросил. Молча похлопал рукой по карманам, вытащил ключи, протянул Корнилову.

Ключи были на красивом брелоке, по форме похожем на серебряный рубль. Корнилов с интересом покрутил брелок в руке. На сильно потертом кружке был изображен бегущий мужчина, а по периметру написано: «В здоровом теле здоровый дух».

— Мы обязаны сделать осмотр машины в вашем присутствии,—сказал Игорь Васильевич, возвращая Осокину ключи.

На лице Бориса Дмитриевича появилось страдальческое выражение.

— Осматривать перед самым домом? Что соседи подумают!

— А что они могут подумать?—ободряюще усмехнулся Корнилов.—Еще одна комиссия оценивает причиненный машине ущерб!

— Ну что ж, пойдемте,—вяло согласился Осокин. Ой уже вышел на площадку и хотел захлопнуть дверь, но в нерешительности остановился.—У меня на кухне газ не выключен.

Корнилов кивнул. Борис Дмитриевич вошел в квартиру, демонстративно оставил дверь нараспашку и тут же вернулся, погасил в прихожей свет, и они неторопливо спустились по лестнице вниз.

Осокин сдернул с «Жигулей» чехол, открыл дверцы, хотел поднять капот. Корнилов остановил его:—Откройте багажник.

Борис Дмитриевич раскрутил алюминиевый провод, которым наспех, кое-как была прикручена после аварии крышка багажника.

— Николай Михайлович. Наш эксперт,—кивнул Корнилов на Коршунова.—Он, с вашего позволения, осмотрит все в багажнике.

Осокин пожал плечами.

— Приступайте,—сказал Корнилов. Методично, предмет за предметом, вынимал Коршунов содержимое багажника и раскладывал на брезенте. Лебедев помогал ему доставать запаску, инструмент, раскладные стульчики.

Корнилов стоял в стороне и следил за действиями своих сотрудников. Коршунов хорошо знал, что ищет, он считался в управлении одним из лучших экспертов-криминалистов.

— Вы меня узнали?—спросил у Игоря Васильевича Осокин.

Продолжение следует.

КОНКУРС ЭРУДИТОВ

„ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО“

ИТОГИ ВТОРОГО ТУРА

По мнению большинства читателей, принявших участие в конкурсе эрудитов «Литература и искусство», вопросы второго тура интереснее и труднее, чем первого. При этом самым удачным назван шестой вопрос, так как он включает несколько тем и дает хороший ключ к поискам. Самым неинтересным участники конкурса признали четырнадцатый вопрос, поскольку в жестких условиях срока, отпущенного на ответы, он не окулает труда, затраченного на него. Самым трудным оказался третий вопрос — с ним справился примерно каждый пятнадцатый участник конкурса. Это те читатели, которые догадались обратиться к журналу «Музыкальная жизнь» и некоторым другим периодическим изданиям. Порадовал участников девятый вопрос, потому что он как бы «закольцован» с другим вопросом о Третьяковке в одном из предыдущих конкурсов. И правильно заметили читатели, что символично звучат названия первой и последней картин, приобретенных П. М. Третьяковым для галереи, — «Искушение» и «Над вечным покоем».

Во втором туре конкурса приняли участие несколько сот читателей всех возрастов — от четырнадцатилетних школьников Юрия Бобкова из поселка Нарышкино Орловской области и Александры Колчиной из города Торез Донецкой области до 83-летнего ветерана В. А. Муравлянского из города Бийска Алтайского края. Многие из них продолжают утверждать, что конкурс эрудитов — одно из самых интересных нововведений «Смены». Вот что написал слесарь-сборщик Б. Я. Смоль из города Пятигорска Ставропольского края, впервые участвующий в конкурсе эрудитов: «Уважаемые друзья! Викторина сделала свое дело. Она заинтересовала всю нашу семью. И правда, было очень интересно жить в поисках и отборе нужного материала. Многого узнали, а главное — вспомнили: помимо телевизора, есть здоровый, надежный, испытанный друг и помощник — книга! Спасибо! Если предложите третий, четвертый и т. д. туры, мы будем участвовать».

Жюри тщательно изучило все поступившие на конкурс письма. Большинство читателей дали полные ответы на 8—10 вопросов второго тура. А многие показали еще более высокие результаты. Отбирая победителей, жюри учитывало не только общее число верных ответов, но и их полноту. Учитывалось также число интересных ответов на самые трудные вопросы. Не остались без внимания точность ответов и четкость оформления.

Если в первом туре постоянные участники наших конкурсов не смогли в большинстве своем войти в число победителей, то во втором туре они блеснули великолепными результатами и заметно потеснили новичков. Правда, когда-то и они были новичками и показывали порой скромные результаты, но постоянное участие в конкурсе эрудитов, по их собственному мнению, прибавило им знаний, настойчивости, умения работать с литературой.

Называем победителей.

Практически на все вопросы ответила читательница из г. Гусь-Хрустальный Владимирской области Л. Флуг. Она награждена романом французского писателя-гуманиста Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Ф. Моренец из г. Жданова награжден альбомом «Москва». Читатели И. Афанасьева из Уфы, О. Голоднова и А. Гришанов из Ленинграда, Н. Гулевич из Благовещенска, В. Демашев из Кызыла, Н. Калабин из г. Юрьев-Польский Владимирской области, Т. Лихачева, Т. Сергеева и Н. Соколов из Воронежа, Т. Таранова из пос. Свесса Сумской области, А. Тункель из Уфы и Е. Хобякова из Красноярска награждены книгой «Сын России». Им, кроме того, присуждены Почетные дипломы «Смены». Дипломом отмечены также С. Бабушкин из села Верхний Коен Новосибирской области, Г. Бажанова из Кишинева, А. и Н. Григорьевы из г. Фрунзе, М. Ефимова из Воронежа, Н. Квасов из Ленинграда, Л. Козлова из г. Павлово Горьковской области, Т. Кондрашова из Свердловска, С. и М. Кортневы из Воронежа, Е. Нусинов из Харькова, В. Овсянникова из села Верхний Мамон Воронежской области, Н. Овчинникова из Благовещенска, Г. Подшибякин из г. Волжский Волгоградской области, Л. и Н. Смирновы из Донецка, Е. Федорова из Днепрпетровска и А. Чадов из Рыбинска Ярославской области.

Не можем не отметить прекрасную работу постоянной участницы наших конкурсов Э. Фирюлиной из г. Молодечно Минской области. Она награждена очередным Почетным дипломом нашего журнала. Жюри сочло возможным наградить Почетным дипломом также десятиклассника В. Васюхина из Электростали Московской области, приславшего десять полных ответов.

Поздравляем победителей второго тура и благодарим всех его участников.

А теперь приводим ответы на вопросы второго тура конкурса эрудитов «Литература и искусство»:

1. С какой картины начиналась советская живописная Лениниана? На какой выставке, где и когда она впервые была показана?

— С картины И. Бродского «В. И. Ленин и манифестация», написанной в апреле 1919 года. Она впервые была показана на выставке «Великая русская революция» в Петрограде в мае того же года.

2. В дни празднования десятой годовщины Таджикской ССР состоялась премьера первой национальной оперы. Назовите эту оперу и ее автора.

— Опера «Восстание Восе». Ее написал уроженец Ашхабада Сергей Баласанян, окончивший ранее Московскую консерваторию.

3. С чем связано название балета «Абакаяда» и кто его авторы?

— Балет назван по имени жены землепроходца Семена Дежнева — якутки Абакаяды. Балет поставлен на сцене якутского музыкального театра и

рассказывает о дружбе русского и якутского народов. Либретто написал народный писатель Якутии С. Омоллон, музыку — московский композитор Н. Пейко.

4. Как известно, А. С. Пушкин написал пять повестей Белкина. Кто из советских писателей создал шестую повесть Белкина? Как она называется?

— М. Зощенко. Повесть «Талисман».

5. В 1833 году знаменитый иностранец побывал в русском городе, где поклялся посвятить свою жизнь борьбе за свободу своей родины. Под его руководством страна была освобождена от чужеземного ига и воссоединена. Назовите город и национального героя, в память о пребывании которого там сооружен обелиск.

— Город Таганрог, родина А. П. Чехова. Здесь Джузеппе Гарибальди дал клятву освободить Италию или умереть.

6. Назовите русского композитора и его жену, чей образ запечатлен И. Е. Репиным в картине «Царевна Софья». Какие четыре оперы написаны ею? К одной из опер, успешно поставленной в Москве и Киеве, выдающийся русский художник написал эскиз декорации. А в опере, показанной в мамонтовском театре, одну из ролей исполнял знаменитый русский певец. Назовите эти оперы, художника, певца и роль.

— Валентина Семеновна Серова, жена композитора А. Серова. Она написала оперы «Уриэль Акоста», «Илья Муромец», «Мария д'Орваль» и «Встрепенулись». Для оперы «Уриэль Акоста» эскиз декорации делал В. Д. Поленов. Партию Ильи Муромца в одноименной опере пел Ф. И. Шалаяпин.

7. Раннее проявление творческих способностей личности широко известно. Творческой силой отличался уже в детстве и один из самых плодовитых писателей мира. Стихи он начал сочинять с пяти лет. Их записывали другие под его диктовку. Перу этого писателя принадлежат 1800 пьес, причем все в стихах. Ни над одной из них он не работал дольше трех дней. О каком писателе идет речь? Книги каких древнеримских авторов и почему он, когда начинал писать свою пьесу, запирали в шкаф?

— Об испанском писателе Лопе де Вега. Он прятал в шкаф, чтобы ему не было стыдно за быстроту сочинительства, книги Плавта и Теренция.

8. Какие самые древние музыкальные инструменты сохранились в виде конкретных экземпляров до наших дней? Сколько им лет?

— Древнеегипетские арфы и флейта, которые хорошо сохранились. Им больше 6 тысяч лет.

9. Какое произведение П. М. Третьяков приобрел для своей галереи последним?

— Эскиз к картине И. Левитана «Над вечным покоем».

10. В Антарктиде на могиле капитана Роберта Скотта и его сподвижников есть надпись: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Советский писатель сделал их девизом героев своего романа. Назовите писателя и его роман. Из какой поэмы и какого поэта эти строки?

— В. Каверин. Роман «Два капитана». Строки взяты из поэмы «Улисс» Д. Теннисона.

11. Какую работу по дереву русских резчиков выдающийся французский скульптор Огюст Роден в конце прошлого века назвал «гениальным произведением народного искусства»?

— Хорошо известную игрушку «Богородские кузнецы», созданную умельцами из подмосковного села Богородское.

12. Почему во многих странах мира столетний юбилей Пиноккио, известного у нас как Буратино, отмечают уже третий год? В произведении о деревянном мальчишке в пересказе А. Н. Толстого есть палиндром: «А роза упала на лапу Азора». Кто сочинил эту фразу-перевертыш?

— Главы из повести-сказки Карло Коллоди «Приключения Пиноккио» были впервые опубликованы в римской «Детской газете» в июле 1881 года, а в феврале 1883 года она вышла отдельным изданием. Поэтому столетний юбилей Пиноккио длится уже третий год. Палиндром сочинил поэт Афанасий Фет.

13. Назовите четырех поэтов, прославивших свои имена на полях сражений и в застенках ради счастья народов и написавших бессмертные произведения.

— Джордж Байрон, Хосе Марти, Шандор Петефи, Муса Джалиль, многие другие.

14. «Есть два способа не любить искусство. Один — это просто его не любить. Другой — любить его рационально». Какому английскому писателю принадлежит это высказывание?

— Оскару Уайльду.

15. Когда и кем была издана первая в мире печатная книга?

— Первая в мире печатная книга — индийское сочинение «Алмазная сутра», переведенная на китайский язык, была напечатана 11 мая 868 года мастером Ван Чи (или Ван Цзе).

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ! ПЯТЫЙ ГОД ПРОВОДИТ «СМЕНА» КОНКУРСЫ ЭРУДИТОВ. ЗАКАНЧИВАЕТСЯ КОНКУРС «ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО». ЖЮРИ ИЗУЧАЕТ СЕЙЧАС ВАШИ ПИСЬМА С ОТВЕТАМИ НА ВОПРОСЫ ТРЕТЬЕГО ТУРА. НАПИШИТЕ НАМ, КАКИЕ НОВЫЕ ИГРЫ ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ВИДЕТЬ НА СТРАНИЦАХ НАШЕГО ЖУРНАЛА В БУДУЩЕМ ГОДУ. ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ С ИНТЕРЕСНЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ!

Более тысячи читателей журнала «стартовали» в первом туре «Турнира любителей спорта» (№№ 6 и 7 «Смены»), и почти каждое письмо начинается словами благодарности за предоставленную возможность посоревноваться в знании спорта. Вот что пишут, например, молодые супруги Кузнецовы из Сочи: «Впервые решили принять участие в таком замечательном соревновании. Да, именно замечательном! Сотни книг, журналов, газет, календарей-справочников пришлось просмотреть, и теперь мы знаем о спорте во много раз больше, чем прежде. И у самих появилось желание заняться физкультурой. Конечно, не только потому, что не один десяток километров пробежали по читальным залам и библиотекам города. Словом, большое спасибо».

«С интересом ознакомился я с вопросами первого тура,— пишет В. Казак из Орла.—Конкурс дал возможность как бы перелистать страницы истории советского спорта, узнать много новых славных имен, словно бы побывать на спортивных аренах Олимпийских игр и чемпионатов мира».

Подобные слова были почти в каждом письме, за что редакция благодарит читателей—участников конкурса и желает им успехов как на спортивных площадках, так и в наших будущих соревнованиях. А теперь—об итогах первого тура.

Некоторые участники конкурса решили, что в ответе на первый вопрос можно называть всех спортсменов, впервые становившихся чемпионами и рекордсменами мира, Европы, Олимпиад в разных видах спорта. А надо было назвать только самых первых: чемпионов мира М. Исакову и Г. Новака, чемпионов Европы Т. Севрюкову и Н. Каракулова, чемпионов летних Олимпийских игр Н. Пономареву (Ромашкову) и Г. Шагиняна, чемпионов зимней Олимпиады Л. Баранову (Козыреву) и Е. Гришину, первых мировых рекордсменов Т. Севрюкову и Г. Новака. Многие читатели в качестве первой мировой рекордсменки называли Н. Думбадзе, которая действительно превысила мировой рекорд раньше, чем Севрюкова, но и раньше, чем наша федерация легкой атлетики вступила в международную федерацию, отчего достижение Думбадзе не было официально зарегистрировано.

Наиболее полно и точно на первый вопрос ответили: В. Сементковский (г. Железнодорожный Московской обл.), А. Подгайченко (Гродно), А. Стонкус (Ленинград), Г. Бондарева (г. Люберцы Московской обл.), Е. Щепетов (п. Жешарт Коми АССР), А. Скрипченко (Киев), Ю. Эрнст (Сыктывкар), С. Алексеев (Тула) и С. Наровецкий (пос. Новые Белокоровичи Житомирской обл.).

Второй вопрос представил особую сложность для читателей потому, что, как пишет В. Аширов (г. Кентау Чимкентской обл.), «по Олимпийским играм, чемпионатам мира и Европы есть много справочного материала, а о турнирах Спартакиад народов СССР

книг мало. А жаль, ведь именно здесь закладывались основы олимпийских побед, и мы вправе знать о героях Спартакиад гораздо больше». С этим замечанием читателя нельзя не согласиться. И все же 52 участника конкурса правильно назвали хотя бы одного из двух участников всех семи прошедших Спартакиад: легкоатлета Владимира Ляхова и конника Мамаджана Исмаилова.

Что касается второй части этого вопроса, то многие любители спорта назвали более десяти спортсменов, успешно выступавших в пяти Спартакиадах. А наибольшее количество очков по второму вопросу набрали: Ст. Таратанов (г. Сосновый бор Ленинградской обл.), И. Якушева (Чита), В. Шамсуев (Магадан), В. Пономарев (Иркутск) и В. Карпуха (г. Северодвинск Архангельской обл.).

ТУРНИР ЛЮБИТЕЛЕЙ СПОРТА

Итоги первого тура

Третий вопрос не вызвал разногласий. Большинство участников назвали более десяти спортивных династий в нашем спорте. Четвертый же вопрос стал для многих любителей спорта поистине кладом очкового багажа: большая группа участников назвала несколько десятков элементов, получивших названия по имени первых исполнителей, и набрала, таким образом, более 50 очков.

На пятый и шестой вопросы конкурса—о встречах советских хоккеистов с канадскими профессионалами и о чемпионах мира в одиночных видах фигурного катания—правильно ответили девяносто процентов участников нашего соревнования.

«Этот вопрос очень интересен,—предварил ответ на седьмой вопрос В. Гуревич из Комсомольска-на-Амуре.—Не секрет, что футбол и хоккей в нашей стране—самые популярные виды спорта. И потому в тройне популярны спортсмены, которые становились победителями всесоюзных соревнований по футболу, хоккею с шайбой и хоккею с мячом». Более тридцати участников существенно пополнили свой очковый запас, подробно ответив на этот вопрос.

И, наконец, последние три вопроса, связанные с прогнозами, вызвали у читателей разные суждения. В. Бураковский из Томска считает, что излишне объединять в одном конкурсе вопросы, требующие точных ответов и «вероятностных». А вот Л. Зюзина из Ташкента замечает, что такие вопросы заставляют проанализировать достижения группы спортсменов за определенный период и, значит, глубже узнать те или иные виды спорта.

Вероятно, с последней точкой зрения согласны Ю. Миронов (Вологда), И. Лысенко (п. Хор Хабаровского края) и А. Буркацкий (Новокузнецк), которые сумели не только указать место спринтера А. Шляпникова, но и показанный им результат—10,32 сек. Еще 25 участников верно назвали среди спринтеропризеров А. Шляпникова и М. Романову. 89 любителей спорта правильно определили, что самым результативным баскетболистом в сборной СССР станет А. Сабонис, 15 читателей поставили на второе место в чемпионате Европы сборную Испании, а Л. Абдурахманов (г. Остров Псковской обл.) предсказал даже победителя чемпионата Европы—сборную Италии и занял, таким образом, первое место в десятом вопросе.

Лишь на один вопрос—девятый—никто из участников не ответил правильно. Ну, кто действительно мог предположить, что победителем первого круга чемпионата страны по футболу станет дебютант высшей лиги вильнюсский «Жальгирис»?

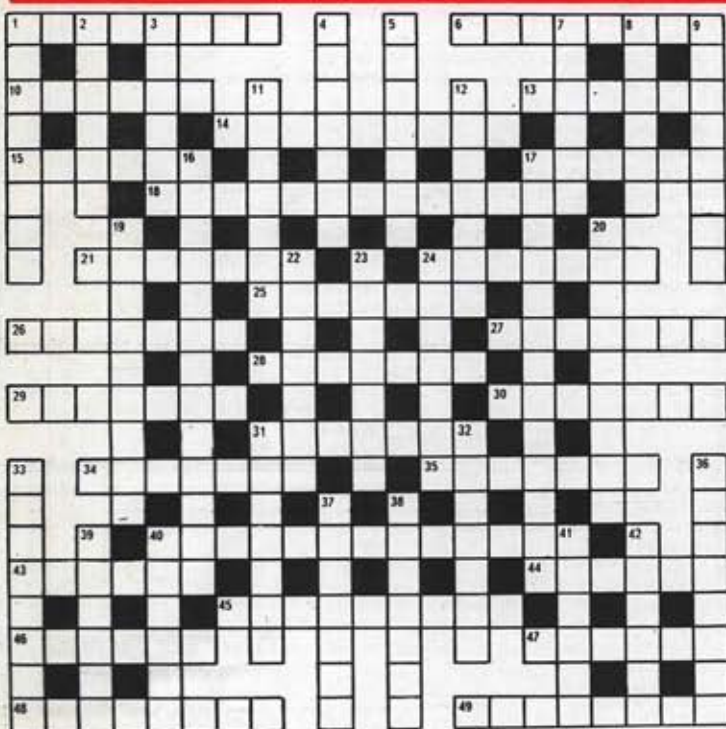
После тщательного подсчета очков выяснилось, что «гроссмейстерскую сумму»—100 очков и более—набрали свыше сорока участников. Первые двадцать из них стали победителями тура, но и остальные сделали хорошую заявку на общую победу—по сумме двух туров (вопросы второго тура опубликованы в № 12). Напоминаем, что в конце года будут награждены победители по сумме двух туров и победители каждого тура в отдельности.

Итак, первый тур выиграли:

1. М. Пронин (Москва)—188 очков; 2. В. Макееров (Москва)—174; 3. А. Лебедев (г. Щелково Московской обл.)—158; 4. С. Журиба (с. Подгорное Львовской обл.)—143; 5—6. семья Кузнецовых (Сочи) и инженер В. Каршаков (Пенза)—по 138; 7. Л. Зюзина (Ташкент)—134; 8. А. Чистяков (Ногинский р-н Московской обл.)—131; 9. инженер-строитель ЛЭП-20 западной мехколонны В. Харитонов (пос. Снежногорск Красноярского края)—129; 10—12. С. Белюсов (с. Черная Пермской обл.), В. Крылов и В. Саркисов (Москва)—по 125; 13. инженер ВНИИнефтехим В. Пересунько (Ленинград)—123; 14. И. Лысенко (Баку)—118; 15—16. А. Доильницын (Краснодар) и Ю. Степченков (Ленинград)—по 116; 17—20. В. Гуревич (Комсомольск-на-Амуре), В. Мешков (Никополь), В. Пятигорский (Кишинев) и студентка химико-биологического факультета Т. Тоичкина (Тула)—по 114.

КРОССВОРД

Составил Н. Васильев,
г. Новочебоксарск

По горизонтали:

1. Химический элемент. 6. Элементарная частица. 10. Архитектурно оформленная потолочина. 13. Народный поэт Чувашской АССР. 14. Место на реке с круговым течением. 15. Поезд. 17. Герой романа Майн Рида. 18. Художественная проза. 21. Седловый цветок. 24. Труба паровой машины, соединяющая цилиндры высокого и низкого давления. 25. Равносторонний прямоугольник. 26. Кавказская мужская одежда. 27. Детский голос. 28. Название рыцаря в средневековой Испании. 29. Дворец-музей в Дрездене. 30. Комната для гостей в сельском доме. 31. Карлик. 34. Пушной зверек. 35. Человек, близкий по взглядам, деятельности. 40. Плодоносящая дальневосточная лиана. 43. Специальность врача. 44. Хвойный лес. 45. Французский писатель, проживший сто лет. 46. Стерня. 47. Представитель народности, живущей в Якутской АССР. 48. Город на острове Хонсю (Япония). 49. Художник-конструктор.

По вертикали:

1. Легкая обувь у индейцев. 2. Ценная промысловая рыба. 3. Одно из самых крупных деревьев мира. 4. Характеристика светящихся тел. 5. Советский композитор, автор оперы «Декабристы». 7. Южный плодовой кустарник. 8. Территория, группа стран со сходными признаками. 9. Расчетная величина затрат в хозяйственной деятельности. 11. Беспозвоночное животное. 12. Словесное описание человека. 16. Вождь антиримского восстания галлов. 17. Электрохимическая обработка металлических изделий. 19. Спортивная игра. 20. Сказка Э.Т.А. Гофмана. 22. Город на востоке Польши. 23. Персонаж балета П.И. Чайковского «Лебединое озеро». 24. Надлупное судовое оборудование. 31. Выющийся декоративный кустарник. 32. Английская фигуристка, чемпионка мира в танцах на льду. 33. Военское звание в русских казачьих войсках. 36. Работник юстиции. 37. Русский шаровидный сосуд. 38. Конкретная физическая величина измерений. 39. Созвездия, через которые проходит видимый путь Солнца. 40. Шелковистая хлопчатобумажная ткань. 41. Болотная ягода. 42. Герой романа А.С. Пушкина.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 18
По горизонтали:

8. Демантоид. 10. Эрато. 11. Зебра. 12. Морковник. 13. Гнедич. 16. Акинак. 18. Веретено. 20. Латинина. 23. Консоль. 26. Фозеляж. 27. «Виринея». 28. Стеллаж. 29. Плотник. 30. Фолиант. 31. Протока. 35. Секстант. 37. Барвинок. 40. Ижевск. 41. Тарань. 42. Филателия. 43. Шланг. 44. Успех. 45. Хренников.

По вертикали:

1. Планктон. 2. Мотовило. 3. Ратмир. 4. «Человек». 5. Финифть. 6. Эвенки. 7. Юрьев. 9. Ярина. 14. Деметьев. 15. Челябинск. 16. Антимонит. 17. Ингибитор. 19. Ноктиурн. 21. Албанка. 22. «Кохля». 24. «Салют». 25. Желна. 31. Палитра. 32. Отрядное. 33. Облепиха. 34. Архивов. 35. Седло. 36. Ксенон. 38. Нансук. 39. Камера.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18.08.83. Подписано к печати 31.08.83. А 02771. Формат 70×108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 117000 экз. Изд. № 2416. Заказ № 1317. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В.И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

«Смена» — 84

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Приглашаем вас подписаться на журнал ЦК ВЛКСМ «Смена». В январе 1984 года «Смена» исполняется шестьдесят. Можно сказать: старейший молодежный журнал. Но ведь слова «старейший» и «молодежный» как будто несоединимы? Жизнь показала — вполне. Шесть десятилетий работы с молодежью позволяют сегодня понять прекрасную советскую традицию, по которой, воспитанная на светлых идеалах, молодежь пополняет собой авангард рабочего класса, крестьянства, интеллигенции.

В двадцатые годы победителем конкурса «Смены» на лучшую модель планера стал подросток по имени Сергей Антонов. Сегодня это выдающийся авиаконструктор. Герой труда. В тридцатые годы журнал рассказал о робкой девочке, пришедшей строить московское метро. Теперь эта девочка знатный человек, известный Герой труда — Татьяна Викторовна Федорова. В сороковые годы журнал — военное издание комсомола. Героизм комсомольцев на фронте и в тылу стал главной темой «Смены».

Ну, а сейчас? «Смена» делает все, чтобы вырастить нового молодого героя — по крайней мере достойного во всех отношениях человека. Рубрика «Герой для подражания» наполнена судьбами сегодняшних дней, а серия «Жизнь замечательных людей» рассказывает о тех, кто был. О ком, к примеру, уже рассказывали мы? О маршале Жукове и писателе Шукшине, о геологе Урванцеве, который открыл никелевые месторождения Таймыра, и ученом Чижевском. О ком мы расскажем в 1984-м? Этот вопрос мы задаем вам, дорогие читатели — нынешние и завтрашние. Время еще есть, и мы обязательно учтем ваши предложения, ведь в нашем «распоряжении» вся наша история, вся нынешняя жизнь, лучшие публицисты страны.

К этой серии примыкает рубрика «Автобиографии». Одно дело, когда о знаменитом человеке, чья жизнь — урок, рассказывает журналист, и другое — когда он делает это сам. Про свою жизнь в рубрике «Автобиографии» написали замечательные советские космонавты, выдающиеся рабочие, замечательные писатели и деятели искусств.

Достойный пример — великий ключ к воспитанию. И все-таки в нашей жизни еще немало забот, особенно в молодежной среде. Разбору негативных явлений, критических обстоятельств, воспитанию подлинной коммунистической нравственности посвящаются постоянные журнальные рубрики «Жизнь семьи», «Нравственная норма», «Письмо в редакцию — письмо из редакции», «Уроки жизни», «Атеистические уроки», «Закон и ты». Ольга Чайковская, Клара Скопина, Ленид Жуховицкий, Иван Зюзюкин, Юрий Феофанов и другие известные публицисты отправятся в города и села по командировкам «Смены», чтобы на наших страницах появились новые очерки и статьи на темы нравственного воспитания.

Особое внимание в новом году «Смена» уделит старшим пионерам, школьникам, учащимся ПТУ и техникумов, студентам вузов, тем, чей возраст объединен прекрасными понятиями — отрочество и юность. Как живет школа и ее комсомол? Чем дышит «пэтзюшник», тот, кто быстрее школьника придет к своей профессии? Что хорошего, нового, интересного, а что следует преодолеть? Кстати, это обращение касается не только тех, кто учится, но и кто учит — учителей, директоров школ и ПТУ, причем, не только молодых, но и опытных, потому что, работая с молодежью, не мешает знать, какие тенденции в стране вообще, где адреса полезного опыта.

Так что учителей и директоров мы тоже приглашаем стать друзьями «Смены», ее постоянными читателями и подписчиками. Кстати, одна из наших рубрик называется «Детский дом — теплый дом», и мы обращаем внимание райкомов, горкомов, обкомов, крайкомов ВЛКСМ на возможность и даже необходимость подписать на «Смену» учебные груп-

пы детских домов за счет привлеченных комсомольских средств. Разговор о детском доме адресован не только детскому дому, но ему все-таки — в первую очередь.

«Спорт в нашей жизни», «Твой собеседник — чемпион», «Спортивный автограф», «Физкульт-УРА!». Гостями этих рубрик в новом году станут известные спортсмены — чемпионы СССР, мира, Европы, Олимпийских игр: Александр Метревели, Анатолий Писаренко, Дмитрий Билозерчев, Владимир Парфенович, Владислав Третьяк, Федор Черенков, Наталья Юрченко, Венера Зарипова, Гарри Каспаров, Геннадий Авдеев, Сергей Бубка. Заметим, что рубрики «Твой собеседник — чемпион» и «Спортивный автограф» ведутся по заявкам читателей, так что, подписываясь на «Смену»-84, вы можете направлять нам и свои спортивные заявки.

Немалое место мы уделяем жизни молодежи за рубежом. В самых горячих точках планеты побывают авторы журнала и о самых волнующих событиях расскажут: о том, чем живет и о чем спорит молодежь в странах социализма и на Западе; о сотворении фальшивых кумиров, предлагаемых молодежи для подражания «массовой культурой»; о методах работы западных разведслужб; о попытках Пентагона «завоевать» космос; о борьбе народов с реакционными режимами. И, конечно, об интернациональном сотрудничестве молодежи всего мира, о ее вкладе в борьбу за мир.

Эстетическое воспитание занимает важное место на страницах журнала. Разговор об искусстве, рассказы о его молодых мастерах, о новых именах, суждения выдающихся деятелей культуры могут привлечь Советы творческой молодежи обкомов, крайкомов, ЦК ЛКСМ союзных республик, его актив, молодых деятелей культуры и вообще всех тех, кто мечтает прийти в искусство, а сейчас пока еще учится.

Увлечение музыкой характерно для моло-

дого человека наших дней. Поэтому особое место на страницах «Смены» отводится клубу «Музыка с тобой». В 1983 году мы рассказали об ансамблях «Виртуозы Москвы» и «Панорама», об эстрадном певце и композиторе Юрии Антонове, о солисте Большого театра Евгении Райкове, а также о мастерах зарубежной эстрады — Мирей Матье, Джанни Моранди, известных ансамблях. В следующем году в нашем музыкальном клубе читатель встретится с известными советскими исполнителями Надеждой Чепрагой, Ириной Понаровской, Валерием Леонтьевым. Тынисом Мяги, Альбертом Асадулиным, Ольгой Пирагс, Натальей Рожковой, сможет принять участие в дискуссии о самодельной песне, о творческом облике вокально-инструментальных ансамблей. Специальные выпуски клуба будут посвящены опере и романсу. Мы опубликуем творческие портреты Адриано Челентано, Элтона Джона, Рафаэлли Карра и других зарубежных мастеров.

«Смена» гордится именами прославленных мастеров советской литературы, которые когда-то принесли нам свои первые стихи и рассказы. Впервые напечатаны в «Смене» Виктор Астафьев, Василий Шукшин, Юрий Бондарев, Расул Гамзатов, Евгений Винокуров, Константин Воробьев и многие-многие другие. Их имена появятся на журнальных страницах 1984-го, юбилейного для «Смены» года. Когда-то Алексей Толстой и Илья Эренбург вели серьезные разговоры с молодыми писателями, авторами «Смены». В юбилейном году мы намерены вернуться к этим малоизвестным беседам, вновь напечатать их, обратив внимание новых литературных поколений на актуальность высказанных позиций.

Среди постоянных авторов сегодняшней «Смены» — Юрий Нагибин, Виктор Астафьев, Анатолий Иванов, Петр Проскуряк, Виктор Потанин, Виктор Лихоносов, Кайсын Кулиев, Эдуардс Межелайтис, Евгений Евтушенко,

Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, Андрей Дементьев. Все они вновь появятся на наших страницах в новом году.

«Смена» дала путевку в литературу многим молодым прозаикам и поэтам, выступавшим в традиционной рубрике журнала «Новое имя». В следующем году читателя ждет знакомство с творчеством начинающих литераторов союзных республик, краев и областей нашей страны.

Более 1500 самодельных поэтов — рабочих и служащих, ученых и учащихся ПТУ — со всех концов страны приняли участие в конкурсе одного стихотворения 1983 года «Земля моя — судьба моя», который «Смена» проводит уже четвертый год подряд. Продолжится конкурс и в 1984 году — ждем ваших поэтических раздумий о Родине, о труде на ее благо, о советском человеке.

Недавно мы получили любопытное письмо одного молодого книголюба. Вначале он рассказывает, как трудно купить сейчас книгу. Что ж, очевидная тревога. Но наш многолетний подписчик не опустил рук. Он вырезает романы и повести, которые печатает «Смена», переплетает их и получает книгу, которая, как он пишет, «нарасхват у моих знакомых и друзей по работе». Самодельная книга, переплетенная из журнальных страниц с полюбоившимися произведениями, называется КОНВОЛЮТ, и сделать ее может всякий. Любителям литературы можем сказать следующее: в 1984 году мы, следуя традиции, сложившейся в течение десятилетий, продолжим публикации остросюжетных произведений. Свои романы и повести нам обещали братья Вайнеры, Сергей Высоцкий, Юлиан Семенов. Мы опубликуем произведения и зарубежных писателей.

О дорогих сердцу каждого советского человека уголках страны, о выдающихся памятниках истории и культуры — жемчужинах нашей многонациональной культуры, о местах, связанных с жизнью и деятельностью замечательных людей, о красоте родной земли рассказывают фотоочерки и репортажи постоянной рубрики «Отчество». В новом году читатели «Смены» вместе с журналистами совершат путешествие в Архангельск, Кострому, Псков, на землю Гуцульщины, увидят средневековые памятники Киргизии, побывают в Армении и других республиках... Читатели сообщают, что материалы этой рубрики служат хорошим подспорьем для краеведов. Учащиеся школ составляют из них альбомы, организуют стенды. Кстати, и публикации о лучших советских спортсменах в рубрике «Спортивный автограф» и популярных исполнителях в рубрике «Знакомый голос» могут составить музыкальный и спортивный стенд в классе, группе.

Наконец, участвуя в шахматной и шашечной олимпиадах «Смены», можно, не выходя из дому, получить спортивный разряд, одержать престижную победу — ведь это всеобщие соревнования, а участие в них почетное.

Мы приглашаем нового подписчика принять участие в «Конкурсе зрелитов», конкурсе кроссвордистов. Юридическая консультация «Смены» ответит на любой ваш вопрос — в журнале или письмом.

Словом, мы приглашаем вас, дорогие друзья, подписаться на «Смену». Полезность и радость, необходимость и познание нового — вот к чему стремится редакция, рассказывая о важном и увлекательном.

Нынче подписка на «Смену» впервые проводится без ограничений. Двадцать четыре журнальные книжки, годовой комплект стоит 8 руб. 40 коп., подписка на полгода — 4 руб. 20 коп., на три месяца — 2 руб. 10 коп.

Приглашаем вас к нам в гости, дорогие читатели, на журнальные страницы. Один читатель написал нам так: «Вы, — подчеркнул он, — журнал для всех. От пионеров до пенсионеров».

Что же нам остается? Пригласить всех — от пионеров до пенсионеров — стать подписчиками «Смены» в 1984 году.